Сапиенс , как вирус

Сергей Гатаулин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

А что будет, если Вселенная примет любые проявления разума за вирус, стремящийся уничтожить ее?

- Гатаулин Сергей

Гатаулин Сергей
Сапиенс, как вирус

Книга 1. "Вирус"
Книга 2. "Вирусапиенс"
Книга 3. "Сапиенс, как вирус"

За дверью кто-то шумно вздохнул и тут же послышался робкий стук.

Тук-тук-тук.

Дмитрий расслабился, мысленно заглядывая за бревенчатую стену, увидел ожидающего плазмоида.

— Привет Русса! — радостно поприветствовал он гуорка.

— Здравствуй, — пробормотал тот едва слышно, трудно и больно.

Выглядел плазмоид ужасно. Огонь его тела едва теплился, светящаяся оболочка, подрагивая, обвисала с боков тёмными сморщенными складками. Русса больше походил на подгнивающий помидор, чем на привычный плазменный шар. Зависая невысоко над землей, он замер, словно боялся пошевелиться.

— Беда, — прошептал гуорк и, обессилено рухнув на землю, из последних сил досказал. — Ра-преобразователю угрожает опасность!

Потёмкин посмотрел на едва живого огненного разумника и длинно вздохнул.

Над ухом робко тренькнуло и — противно задребезжало.

Он нехотя открыл глаза.

Часы над головой показывали девять, а телефон трезвонил без умолку.

— Вставай пилот, страна зовёт! — засмеялась трубка голосом Анатолия.

Потёмкин непонимающим взглядом уставился на телефон.

— Ты не забыл, что мы договаривались встретиться у Бейрута с Жорой, в одиннадцать тридцать? — поинтересовался Анатолий.

— Теперь знаю, — буркнул Дмитрий и отключился.

В кухне что-то загремело, и на пороге комнаты появился белобрысый здоровяк, пугая холодную зиму за окном бронзой своего загара. Хитрое лицо Пугачёва протиснулось в поле зрения пробудившегося Потёмкина, и молодой человек прищурился.

— Дай угадаю. Ты не спал? Выходил на связь? — поинтересовался он.

— А ты откуда? — удивился Дмитрий, присматриваясь к другу.

— Откуда прибыл, или откуда знаю? — засмеялся Вячеслав, накручивая на палец длинные белоснежные волосы, спадающие на высокий лоб.

— Эх ты, Либерис! У тебя жирными буквами, на лбу написано: "Я разговаривал с Руссой!"

Дмитрий с трудом сдержался, чтобы не погладить лоб горячей ото сна рукой.

— Вот-вот! — Пугачёв кивнул. — Всегда прост, как инструкция по применению. Всегда душа нараспашку. И когда был человеком — и сейчас.

— Я и сейчас человек! — возмутился Дмитрий, чувствуя, как в душе зажглась искорка сомнения.

Стараясь прикрыть мысли, он активировал защитника. Тот загудел, но ощущения безопасности не прибавилось.

— Кхм! — хмыкнул Славка, сдерживая улыбку.

— Что там у них за беда? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, предположил:

— Не иначе супермозг забарахлил?

Потёмкин в очередной раз удивился прозорливости друга.

— Отключается, — кивнул, соглашаясь.

Стоило ему только произнести слово — «отключается», как в голову хлынул поток незнакомых образов и чужих, нечеловеческих ощущений.

Русса, каким-то образом, сумел оставить ему информационное послание, которое включилось на последнем слове, произнесенном гуорком в их встречу.

Едва коснувшись раскрывающейся мыследемы, Дмитрий вздрогнул. В голове, не находя выхода, заметалось чужое горе. Безумный крик, взрывая каждую клетку испуганного мозга, болью полоснул по обнаженным нервам.

Миллиарды гуорков сминаемые неведомой силой, на мгновение отпрянули от незримого потока. Невидимое щупальце едва обозначилось в мерцании космической пыли. Бесформенная тень потянулась к отцу и матери, к сущности всего живого, к святая святых — Ра.

Нет!

Невидимый враг, до этого никак себя не проявляющий в физическом мире, атаковал Ра-преобразователь.

Только не это!

Дмитрий, ощущая себя Руссой, почувствовал захлестнувшую его волну ненависти. Ярко вспыхнула возмущенная оболочка: "Умереть, но защитить Ра!"

Гигантский эллипсоид, метнулся навстречу, а затем медленно поплыл назад. Пугающее, бесконечно холодное нечто встало на пути, обожгло страхом.

Внутренний огонь, питавший Русса, коснулся границы невидимого облака и стал быстро гаснуть.

Плазмоид, отброшенный от Ра-преобразователя, с трудом остановился. Он с болью наблюдал, как тёмное нечто, просачиваясь в физический мир, окружает Ра-преобразователь.

На раскаленной полужидкой поверхности эллипсоида появилась остывающая, мёртвая корка. Бессмертный Ра угасал.

— Люди, помогите! — умолял в голове безумный крик.

Дмитрий моргнул… и увидел перед собой озадаченное лицо Пугачёва. Голубые глаза белокурого здоровяка больше не смеялись.

Дмитрий резко дернул головой.

— Нужно спасать Ра-преобразователь, — выдохнул он убежденно.

— Мы больше не воюющие стороны? — поинтересовался Вячеслав, не скрывая иронии.

Он, не переставая, терзал непокорные локоны и успокоился лишь тогда, когда короткая, отливающая серебром косичка успокоилась у правого уха, поддерживаемая металлической полоской защитника мыслесферы.

— Боюсь, что скоро не с кем будет воевать, — произнёс Дмитрий угрюмо. — Если, конечно, не помочь гуоркам.

Славка недовольно покачал головой:

— Ты забыл как они нас? — прошипел он. — Как щенков — вышвырнули! И после этого ты предлагаешь им помогать? Ну, уж нет! Только не я!

— Я же не предлагаю, прямо сейчас идти к ним, — сказал Дмитрий. — Посовещаемся с ребятами, и решим, что делать дальше.

— Нет! Нет! И ещё раз нет! — выталкивая слова, Славка, словно резал ими стекло. — Звёзды, брат, гаснут, галактики останавливаются, чёрные дыры начинают материю из себя выбрасывать, а ты? Эллипсоид отключается! Нужно помочь! — скривился он. — Делать мне больше нечего.

— Звёзды всегда гасли! — попытался защищаться Дмитрий.

Но Славка не собирался сдавать свои позиции.

— Выгорая, схлопывались в чёрные дыры, взрывались, превращались в нейтронных карликов, но никогда не гасли, словно костер, который залили огнем, — продолжал он возмущенно.

— Водой залили? — пробормотал Дмитрий, поворачиваясь к

другу.

Лицо его вытянулось.

— Что заливают? — выкрикнул он.

Пугачёв подозрительно покосился на товарища, и раздраженно буркнул:

— Звёзды!

Потёмкин схватил окрепшего друга за плечи, встряхивая, быстро зашептал:

— Это один процесс. Понимаешь. Ра-преобразователь тоже гас, как будто его водой заливали.

— Нуу, — медленно произнёс Славка и неуверенно покачал головой, — не знаю. Может ты и прав.

— Что делать будем?

— Пошли к хакерам. Там и порешим, что делать, — предложил Потёмкин, одеваясь.

— Ты двигай к хакерам, а я к своим — домой заскочу, — произнёс Славка, исчезая за дверью.

— Позовёшь! — появилась в голове чужая мысль, изображающая кричащего в темноте Потёмкина. — Когда к чему-нибудь определенному придете.

Появилась и тут же исчезла.

Дмитрий мысленно улыбнулся, согласно кивнул и стал собираться.

* * *

Потёмкин постучал в перекошенную дверь: звонок не работал. Скрипнув ржавым железом, дверь медленно отворилась, и на пороге появился удивленный Жора.

— Что? Уже?

— Одиннадцать тридцать, как и договаривались! — появившийся на лестнице Анатолий, повернулся к здоровяку, идущему следом, и весело спросил:

— Я прав Геракл?

— Минута в минуту, — подтвердил Илья, кивая.

Жора, зевнул, посторонился, пропуская в квартиру гостей.

Дмитрий шагнул за порог и вздрогнул от неожиданности.

— Что здесь было? — удивился он, разглядывая обгоревшие стены, покрытые толстым слоем сажи.

— Извержение вулкана! — хохотнул Ванькин, прикрывая рот ладошкой.

— Коротнуло, пока Бейрут спал, — кивнул Жора. — Меня дома не было.

Дмитрий вдруг почувствовал, как в душе шевельнулся червячок сомнения.

"Что-то не так!"

Черные, обгорелые плиты обиженно пялились на посетителей: они словно, не понимали, что нужно людям в выжженной дотла квартире.

"И, все-таки, что-то тут не так?" — еще раз подумал Дмитрий. Пытаясь разобраться в причине своих сомнений, он внимательно осмотрел комнату.

Вещей у компьютерщиков было немного, но сейчас и их не осталось: все, что смогло пережить набег охранников казино, превратилось в чёрную копоть на стенах и выпало в осадок мелкими угольками, противно скрипящими под ногами.

"Что же могло так сильно гореть? — Дмитрий прислушался к своим ощущениям. — Так сильно, что… Нет, одна стена все-таки не почернела. Правильно. Нечему тут гореть".

Однако сомнение не исчезало — червяк, копошащийся в мозгах, разросся до размеров громадного питона.

Дмитрий, не торопясь, продолжил осмотр и обнаружил непонятную дыру в стене.

"Как будто железным тараном лупили", — безумная мысль, мелькнув, сменилась ощущением чужого присутствия.

Кто-то наблюдал за вошедшими в комнату людьми. Дмитрий чувствовал этот взгляд, и он был ему знаком.

Ощущение, что кто-то стоит за спиной и дышит в затылок, однажды появившись, больше не оставляло его. Сосредоточившись, он понял, что повышенное внимание, исходит от стены, которую не затронул пожар.

— Бейрут, это ты? — поинтересовался он, пытаясь мысленно проникнуть сквозь бетонное препятствие.

Серая плита перед ним, вдруг, заколыхалась, задымилась, превращаясь в большую лужу жидкого стекло, из которого вынырнула хитрая физиономия хакера.

— Ну, что стали? Айда за мной! — кивнул Бейрут и исчез, оставляя за собой расходящиеся круги.

Дмитрий осторожно тронул подрагивающую поверхность пальцем, заглянул за дрожащее зеркало и почувствовал разверзшуюся за ним бесконечность. Прикрывая глаза, он глубоко вздохнул и, задерживая дыхание, быстро нырнул вперед. Горячий ветер, касаясь лица, прошел по плечам. За спиной ойкнул Анатолий, послышался громкий сап Ванькина.

Открыв глаза, Потемкин удивленно завертел головой, но, как ни старался, различить противоположную стену не мог.

Громадное помещение уходило в бесконечность; стена за

спиной, простираясь влево и вправо настолько, насколько хватало глаз, растворялась в туманной дымке на горизонте. Дмитрий задрал голову к потолку, но ничего не увидел: тот терялся в недостижимой вышине. Пораженный фантастическим масштабом помещения он повернулся; всматриваясь в странные светящиеся конструкции, висевшие над полом, удивился еще больше.

Сотни тысяч светящихся сгустков-фонарей. И под каждым тяжелый воздух закручивается в торнадо-наоборот, упираясь в пол широким основанием. Стремительные мини-ураганы, словно вырастают из земли. Доходя до метра высотой, они выстраиваются в длинные параллельные друг другу ряды. Вереницы крупных светляков, уходящие в бесконечность зала. Сотни… тысячи рядов — лес вращающихся воздушных сталактитов.

Потемкин приблизился к ближайшему. На сужающемся острие устроился яркий светящийся диск.

Потёмкин подошел еще ближе и, заглядывая внутрь, ахнул:

— Галактика!

Миллиарды светляков, медленно плыли друг за другом вокруг сияющего ядра, в котором звезд было так много, что они сливались в туманную сферу, выплёскивающую во вращающуюся спираль горячие сгустки материи.

За спиной громко завопил Анатолий.

— Что это?

Обо что-то ударившись, выругался Ванькин.

Дмитрий широко распахнул глаза, засиявшие отраженным светом.

— Я это уже видел, — задумчиво прошептал он. — Вот только где? В голове замелькали странные картины: комната хакеров, раздувающийся огненный диск, взрыв… и больше ничего.

— Чёрт! — только и смог вымолвить Дмитрий. Он пытался вспомнить, что могло произойти после этого, но все его попытки наталкивались на глубочайший провал в памяти. С момента и до сегодняшнего утра он ничего не помнил. Откуда-то сбоку появился Бейрут.

— Здесь! — торжественно произнёс он, обводя рукой гигантский зал.

— Мой вычислительный центр.

— Это! — Разводя руки, Хакер стал похож на проповедника. — Моя вселенная!

Казалось даже воздух вокруг него светиться, когда он произносит слова.

— Мои компьютеры, точнее — программаторы. Впрочем, как вам будет угодно, — закончил он обычным тоном, кивая в

сторону вращающихся галактик.

— Но как? — удивился Дмитрий, в очередной раз удивляясь, что зал, в который они попали, не имеет конца. Свет, вращающихся над полом галактических дисков, шарообразных звездных скоплений, ярких туманностей, исчезал в далекой темноте. Картинка очень напоминала цирковой аттракцион с вращающимися на шестах тарелками, только тарелочки циркач заменил на миниатюрные космические объекты, а бамбуковые палки, на маленькие воздушные вихри.

Дмитрий, заглядывая внутрь светящейся спирали, вытянул руку. Ощутив настоящий жар пылающих звёзд, он испуганно отпрянул в сторону. Стоило на секунду задуматься, разглядывая одну из звезд, как в голове неприятно загудело.

Галактика каким-то странным образом действовала на его мозг, притягивая взгляд, заставляла фокусироваться на мельчайших деталях.

Дмитрий всмотрелся в ярко-голубого гиганта, плывущего очень близко от галактического ядра, и ему показалось, что тот движется навстречу ему. Газовые шлейфы, уходящие от звезды, заскользили мимо. Звезда звала его, притягивая разум, заставляет вибрировать тело. Он почувствовал себя размазанным по галактике светящимся потоком частиц, движущихся к манящему газовому гиганту.

— Осторожнее прыгун! — послышался голос Бейрута, и Потёмкин, вырываясь из манящего плена, с трудом пришел в себя.

— Здесь мысль, вполне, может стать материальной, — предупредил хакер.

— Что это? — повторил Дмитрий вопрос Анатолия.

— Информация, — как ни в чем, ни бывало, ответил Бейрут, словно всем это должно было быть понятно. Но, заметив непонимание во взглядах товарищей, он раздраженно продолжил:

— Прообраз реальности! Информпространство!

Молодые люди недовольно скривились.

— Ладно, начну сначала, — буркнул Бейрут, недовольно.

— Что такое информация? — спросил он.

— Пустота? Если нет, тогда чем она отличается от вакуума?

Хакер на минуту остановился и, протянув руку, быстро погрузил её в один из ярких сгустков.

— Она вроде как есть, но в то же время её не потрогаешь руками, — Бейрут резко вскинул пустую руку.

— Информация это одно из измерений пространства. И наш мозг — орган, при помощи которого мы можем чувствовать это измерение. Мы ощущаем информационную мерность нашей

Вселенной, но не можем объяснить, как мы это делаем. Мало информации — пустота. По мере уплотнения — возникает энергия, еще плотнее — материя, при дальнем усложнении рождается разум.

— Не так быстро профессор! — выпалил недовольный Анатолий.

— Тебя послушать, так и разум — информация, и материя — информация, и энергия — информация.

— Ну, как вы не поймёте? — обиделся недовольный лектор. — Сама по себе усложняющаяся информация это модель… компьютер — прообраз разума. Если сложность модели возрастёт, она обретет разум. Если и после этого усложнение не остановиться, то разум станет самостоятельным и независимым от носителя. Это будет так называемый чистый разум.

Дмитрий встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Глядя на ближайшую галактику. Ему вдруг показалось, что в сияющем тумане, вращается человеческий мозг, испещрённый провалами извилин. И не один. Длинные ряды серых, освещенных странным светом, сморщенных оболочек уходят в бесконечность.

— Без носителя? — прошептал он удивленно.

— Я не то, что принять, даже представить не могу то, что ты сейчас сказал! — воскликнул удивленный Анатолий.

— Понятно! Истинное воображение требует гениального знания, — улыбнулся Бейрут, отчего телохранитель резко насупился и недовольно пробурчал.

— И здесь пятью пять! Достали блин, умники!

— Умники-то, они и в Африке, у… — рыкнул подошедший здоровяк, пытаясь погрузить руку внутрь пылающей жаром галактической спирали.

— … ооу! — охнул Ванькин, расплываясь очертаниями над вращающейся линзой.

Дмитрий стоял, раскрыв рот, не в силах оторвать взгляда от растворяющегося в воздухе силуэта Ильи.

Стоявшее неподалёку богатырское тело, затуманилось, вытягиваясь в длинный полупрозрачный шлейф, скользнуло в светящийся галактический диск. Был здоровяк, и — нет его!

— Не бойся, он скоро вернётся! — подмигнул Бейрут.

Дмитрий успокоился. Непонятно почему, но он верил Бейруту. Прохаживаясь вдоль светящихся рядов и ощущая себя зрителем планетария, всматривался в звездные скопления, останавливаясь перед пылающими туманностями, кивал головой, пока не наткнулся на знакомое газопылевое облако. Понимая, что смотрит на уменьшенную копию мира гуорков, вздрогнул, попытался заглянуть внутрь. Она, словно почувствовав его

внимание, рванулась навстречу.

Напрягаясь, и подключив внутренние резерва организма, Дмитрий представил миллионы разумных огненных шаров бесцельно блуждающих в пространстве, вокруг остывающего эллипсоида Ра.

— Бейрут! Что ты сделал с Ра-преобразователем? — закричал Потёмкин.

— Ты о чём? — поинтересовался хакер.

— Я о том, что произошло здесь несколько дней назад. О взрыве. О странном провале памяти, образовавшемся у меня, после прошлого посещения вашей квартиры.

— И, вот, об этом! — Дмитрий возмущенно вскинул руку к светящейся сфере.

— Не понял! — выдохнул удивленный Бейрут, глядя в глаза Потёмкина.

— Он не знает, о чем ты говоришь, — вступился за хакера Анатолий.

— Тогда и я ничего не понимаю! — возмутился Потёмкин. — Кто, всё это делает?

Анатолий приблизился к Дмитрию и заглянул внутрь светящегося шара.

— Это и есть мир гуорков? — задумчиво спросил он.

Молодой человек протянул руку и осторожно коснулся ладонью горячей подрагивающей сферы.

— Ты хочешь сказать, — обратился он к Бейруту, — что он может доставить меня туда, куда я захочу? Как нашего друга Ванькина?

Бейрут скривился, будто укусил неспелое яблоко.

— Не он! — пояснил хакер нехотя. — Твой мозг!

Пришло время Анатолию делать удивленные глаза.

— На кой, тогда нужны твои компьютеры, если работать будет мой мозг? — поинтересовался он.

Бейрут пожал плечами.

— Да я и сам до конца не понимаю, для чего.

Может, чтобы не заблудиться когда прыгаешь? Не у всех голова сама справляется, — предположил он, бросая взгляд на Анатолия.

Тот быстро отвел глаза.

— Я словно подглядел чужие файлы, понял невероятно сложный код. Подсмотрел и скопировал. А понять пока не могу. Знаю, только, что не завершенные они, — продолжал Бейрут, не замечая смущения телохранителя. — Чего-то не хватает.

— Чего? — вырвалось у Дмитрия.

— Временную координату пока менять нельзя, да и собрать

все яблоки в одну корзину никак не получается. Не хотят они взаимодействовать, — молодой человек обвёл глазами бесконечные ряды, галактик, звездных скоплений, туманностей и других не менее странных образований.

Некоторые из них пылали ярким светом, некоторые не излучали вовсе, и различались лишь по воздушному торнадо под ними. Темные воздушные воронки исправно забирали излишки тепла, играя роль мощных вентиляторов.

— А что будет, если я, находясь здесь, — Потёмкин махнул рукой перед собой, — ударю по Ра-преобразователю, находящемуся там, среди гуорков?

— Как это, ты ударишь? — спросил Анатолий, оглядываясь на вращающийся галактический диск, в котором исчез Илья.

— Как-как? Мысленно! — буркнул Дмитрий, склоняясь над шаровым скоплением гуорков.

— Можешь попробовать, — предложил Бейрут и спешно добавил:

— Только не Ра-преобразователя, не гуорков там быть не должно, они ведь живые. Живой материей я пока не занимался. Слишком сложно.

Дмитрий протянул руку к светящейся, в глубокой дали, микроскопической туманности.

— Осторожнее! Я и сам пока боюсь что-либо предпринимать: пока не понял принципа действия, — шепнул хакер.

"На месте голубчик! — Потемкин мысленно нащупал остывающий эллипсоид и осторожно прикоснулся к нему. — Это что же тогда получается? Ра-преобразователь не живой? А, впрочем, почему он должен быть живым?"

Он попробовал представить, что остывающая корка, покрывающая большую часть преобразователя, начала разогреваться и плавиться. Вот она вспенилась и…

В голову плеснуло раскаленной болью. Мир вдруг вздрогнул, слегка сместился, поплыл в сторону.

Дмитрий, стараясь не отставать от убегающего Вселенной, поспешил открыть глаза……

Перед собой он увидел вскинутые вверх руки….

— Не понял! — выдохнул удивленный Бейрут, глядя в глаза Потёмкина.

— Он не знает, о чем ты говоришь, — вступился за хакера Анатолий.

Телохранитель посмотрел на Потёмкина, не дождавшись его реакции, подошел к сферическому скоплению, и заглянул внутрь программатора.

— Это и есть мир гуорков? — воскликнул он.

Молодой человек протянул руку и коснулся ладонью светящейся сферы.

— Дежа Вю! — испуганно озираясь, вздохнул Дмитрий.

Анатолий, молча, отшатнулся.

— Димыч ты это о чём? — спросил Бейрут.

— Ты не почувствовал? — завопил Дмитрий. — Твои программаторы защищаются!

Хакер задумчиво уставился на пылающий сгусток, плавающий перед Потёмкиным в воздухе.

— Я ничего не заметил, — пробормотал он.

Дмитрий обратил внимание на сжимающиеся пальцы хакера. Похоже, Бейрут орудовал на виртуальной консоли, созданной у него в голове, а отзвук мысленного клацанья по клавишам, можно было заметить по напряжению мышц руки. Таков человек — с трудом расстается с укоренившимися привычками. Привык мыслить пальцами — не отучишь.

Хакер что-то зашептал, негромко чертыхаясь, раз за разом повторяя одну и ту же фразу:

— И так нет!

Громко хлопал в ладоши.

— Может ты и прав, — согласился он, через некоторое время. Неожиданно метнулся к стене отделяющей комнату погорельцев, от своего вычислительного центра.

Сквозь полупрозрачную поверхность, похожую на жидкий экран, можно было увидеть двух крепких молодцов осторожно передвигающихся между черных, обожженных стен.

Хмурый Бейрут сжал кулаки.

— Опять эти рожи!

— Не угомонятся ведь! — возмутился Жора, узнавая охранников игрового клуба.

— Я сейчас, — шепнул Бейрут и закрыл глаза. Замелькали пальцы, выбивая дробь на виртуальной клавиатуре.

Незваные гости неожиданно остановились прямо посредине комнаты, напряглись, оглядываясь.

— Завидная интуиция! — похвалил Анатолий. — Почувствовали опасность.

Бейрут в последний раз щелкнул невидимой клавишей и, тут же, толкнул руками воздух перед собой.

Экран, разделяющий два мира, дрогнул, медленно, словно парус на ветру, вогнулся. Затем мембрана, резко изменила кривизну, выворачиваясь наизнанку. В направлении незваных гостей ударила мощная воздушная волна.

Крепкие тела, подбросило в воздух и, словно катапультой,

швырнуло на незапертую дверь.

Через несколько секунд из подъезда послышались громкие крики и шум удаляющихся шагов.

— Больше не появятся, — кивнул Бейрут.

— Они, может, не появятся, но открытая дверь, как мёд на подоконнике. Оставь на секунду и тут же слетятся мухи, — прошептал Жора, вглядываясь в дверной проём.

На пороге комнаты появился улыбающийся Пугачёв.

Не раздумывая и не замечая стены, он двинулся прямо к Потёмкину.

— Привет взломщикам, — улыбнулся он Бейруту, коротко кивнул Жоре.

Окинув взглядом висевшие в воздухе шары и спирали, громко хмыкнул.

— Вы зачем крепышей напугали? — хитро прищурившись, поинтересовался он.

Потёмкина удивила реакция друга. Никакого удивления, даже не подошел поближе ни к одному звездному скоплению, словно уже видел подобное не один раз. Раньше бы…

" Нет. Удивлен, — успокоился он себя. — Только как-то непривычно — по-взрослому".

А впрочем, как ещё? Ведь если посмотреть на него, то и не скажешь, что он младше него, Димки. Старше? — да! Атлетически сложенный, серьёзный мужчина в самом расцвете сил. Если в глаза не смотреть. А если заглянуть в глаза, то можно испугаться. Столько люди не живут.

"Его уже и Славкой-то называть, как-то язык не поворачивается. Интересно, а как его мать воспринимает?" — подумал Дмитрий.

— Устал я, — пояснил Вячеслав, словно отвечая, на невысказанный вопрос.

— Плачет она. Думает у меня болезнь скорого старения.

— Ну а ты, что? — спросил Дмитрий.

— Что я? — шевельнул Пугачёв крепким плечом и только тут Дмитрий заметил, что его друг одет в легкую футболку. И это посреди зимы.

— Не буду же я рассказывать ей, сколько лет прожил! Уж лучше пусть будет болезнь, — буркнул Вячеслав, раздраженно махнув рукой.

Жора, наблюдающий за действиями Бейрута, неожиданно повернулся к друзьям и, как бы невзначай, спросил:

— И сколько же?

"Тоже почувствовал?" — подумал Дмитрий.

Пугачёв недовольно сжал губы в полоску, сдвинул брови и

напряженно произнёс:

— Вы бы лучше за своими игрушками смотрели, а то у Вас, вон, туманность нашего друга Русса в полтора раза выросла.

Дмитрий быстро нашел взглядом мир гуорков и понял, что Вячеслав прав. Пока они разговаривали, разогретая туманность значительно увеличилась в размерах и продолжала ускоренно раздуваться дальше. Охлаждающий вихрь, вытягивающий из туманности излишки тепла, явно не справлялся.

В бесконечном ряду сгустков шевельнулась и, расширяясь, двинулась во все стороны волна лёгкого беспорядка. Где-то впереди исчезла первая воронка-охладитель.

Раздался грохот взрыва, и в сторону наблюдателей ринулась гудящая туча раскаленных осколков.

Хаос рванулся навстречу встревоженным людям.

Огненная шрапнель хлестнула по находящимся на её пути вселенским достопримечательностям карманного масштаба. Большая порция "звездного вещества" ударила в галактический диск, в котором исчез Ванькин, заставляя уменьшенную копию вспыхнуть всеми цветами радуги.

— Бейрут! Доставай Илью! — завопил Жора, стараясь охватить рассыпающуюся галактику руками.

Вихрь звёзд, срывающийся с поверхности диска, горящим шлейфом потянулся в сторону туманности гуорков.

— Нет! — заорал Жора неистово, вдруг, превращаясь в светящуюся массу раскаленных частиц. Скользнул внутрь разваливающегося диска.

Бейрут не открывая глаз, быстро шевелил губами, и, казалось, что-то считал. Что он считал, никому не было понятно, но то, что он не успевал, было понятно всем.

— Если ты что-то делаешь, то делай это быстрее! — заорал Анатолий и вдруг исчез.

Руки хакера лихорадочно двигались в воздухе, передвигая невидимые предметы или выписывая несуществующие символы. Ноги, нервно дергались, выстукивая ритмичную дробь. Бейрут мелькал, исчезая и появляясь в разных местах гибнущего космологического паноптикума. Он был везде — и нигде, он, казалось, растянул время, но всё же не справлялся с наступающим коллапсом. Миниатюрная разобранная по частям и разложенная по невидимым столам Вселенная неумолимо распадалась. Стягиваясь светящимися щупальцами к угрожающе раздувшейся туманности гуорков, она готова была превратиться в сверхновую и даже не звезду — в сверхновую галактику.

Потёмкин готов был помочь хакеру, но не знал, что нужно делать, а потому лишь молча приблизился к мелькающему

силуэту.

Мир вдруг изменился, Вселенная вздохнула…

— Назад! — чувствуя движение за спиной, рявкнул Бейрут. Останавливаясь, повернулся к Потёмкину:

— Уводи их! Сейчас рванёт!

Распухшая огненная сфера заполнила всё видимое пространство.

Дмитрий метнулся прочь. Выскочив в комнату, он ошарашено огляделся. Представший перед ним творческий беспорядок и фантастическим образом восставшая из пепла мебель, едва не заставила его остановиться. Заревел защитник, растекаясь огненной пленкой по телу. Взгляд уперся в грудь непонятно откуда появившегося Ванькина…..

Дмитрий схватил здоровяка за руку, толкнул непрочную раму и рванул неподъёмное тело от пола.

Судя по той скорости, с которой гигант исчез за окном, он и сам был не против, покинуть, превратившуюся в доменную печь, комнату хакеров.

Следом выпрыгнул вопящий Жорка.

Потёмкин облегченно вздохнул и повернулся к Бейруту. Полупрозрачный хакер наполовину вошел в кипящую огненную стену. Повернувшись, он махнул рукой. Раздался взрыв. Потёмкин шагнул вперед, в потемневшее пространство и исчез, появляясь перед ругающимся Ильёй и вопящим Жоркой, отряхивающим снег со своей одежды.

— В лоб бы дать этому создателю, — буркнул Ванькин, угрожая кулаком плюющемуся огнём окну.

Жорка, стоя по колено в снегу, довольно улыбался.

— Ну, Бей даёт! — бормотал он.

Дмитрий, удивленно оглядевшись, буркнул:

— Опять Дежа Вю!

И тут же, услышал удивленный голос за спиной:

— Как я здесь оказался?

Он почувствовал, едва ощутимое движение. Словно мир сдвинулся на один атом, на одно мгновение, на один удар сердца.

В глазах потемнело. Занесённый снегом проулок исчез.

Яркое светящееся облако стремительно приблизилось из темноты. Миллиарды живых светляков, слетаясь со всех сторон, собирались в гигантский, горящий ненавистью глаз. Огненное око гневно взирало на едва заметную в пустоте тень, распростершую над Ра-преобразователем свои хищные щупальца.

* * *

Анатолий с трудом оторвал голову от подушки и тут же подумал о Потёмкине. Две недели как профессор погиб, а Дмитрий ни разу не позвонил. Не звонили и хакеры. Все изменилось. Они больше не были одной командой.

"Впрочем, они-то, зачем тебе будут звонить? — вползла в голову ленивая мысль. — Нужен ты им?"

Мысль исчезла. Почему-то совсем никого не хотелось видеть.

Словно подслушав неприятные мысли, робко тренькнул телефон.

"Не бери! — мелькнуло в голове. — Нужен он тебе?"

Телефон замолк, но тут же заверещал звонок над входной дверью.

Анатолий вздохнул, нехотя встал с кровати и молча побрёл в прихожую. Делать ничего не хотелось.

"Чертов звонок, как противно трещит! — подумал он, открывая дверь. — И кого нелегкая несет?"

На пороге пёс. Лохматая гора… сидит, в глаза смотрит.

"А кто звонил? Непонятно!"

— Ну, заходи брат! — пробормотал Анатолий, вспоминая имя собаки. — Цербер? Так, кажется, тебя зовут.

Громадный сенбернар умно посмотрел в глаза, жалко пискнул, но остался сидеть на пороге, только иногда оглядываясь на лестничную клетку.

— Не хочешь — тогда прости, — Анатолий смущенно прикрыл дверь. Но в тот же момент, что-то шумно опустилось на нее с обратной стороны, и она медленно отворилась.

Анатолий выглянул на площадку и увидел собаку. Та сидела на месте и внимательно следила за действиями человека. В глубине громадных глаз вдруг зажглись зеленоватые, притягивающие взгляд, огоньки. Цербер едва слышно заскулил.

— Либо заходи, либо…

Пёс заскулил громче. Нетерпеливо колотя хвостом, он двинулся к лестничному проёму, посмотрел на ступени, затем вернулся к человеку. Долго смотрел в глаза Анатолия, и, не отрывая взгляда, снова двинулся к лестнице.

— Нет! Нет! Нет! — Молодой человек возмущенно замотал головой. — Не пойду, и не уговаривай!

В комнате, в который раз, зазвонил телефон. Только на этот раз трещал он решительно, не оставляя возможности себя игнорировать. Понятно было, что так просто он не замолчит и не отстанет.

— Зайди-ка дружище! — кивнул телохранитель псу и быстро

исчез в комнате.

— Алло!

Лохматое чудовище громко вздохнуло и нехотя протиснулось в квартиру.

Пихнув дверь боком, пес перегородил телом дверной проем, и, устроившись прямо на пороге, яростно заскреб лохматый живот лапой.

"Чертовы блохи! Совсем распоясались!" — говорили его глаза, а зубы, вгрызаясь в длинную шерсть, громко клацали друг о друга.

К тому времени, когда экипированный по-зимнему Анатолий появился в прихожей, друг человека закончил экзекуцию невидимых прыгунов и кусак. Прикрыв глаза, он сидел на потертом коврике и терпеливо ждал.

Как только Анатолий закрыл дверь, четвероногий друг человека метнулся вниз по лестнице и громко, но беззлобно позвал:

— Гав!

— Гав, так гав, — выдохнул Анатолий, пускаясь вдогонку.

Странная парочка бодрой рысцой выскочила из подъезда, напугав поднимающуюся по лестнице старушку-соседку.

— Нуу? — вопросил Анатолий, смотря в добрые глаза здоровенного пса.

— Гав! — произнес тот громко, задирая голову и поворачиваясь к дороге.

Анатолий поплотнее запахнулся, ощущая протискивающийся за пазуху колючий снег и недовольно произнес:

— Не май месяц. Пешком не пойду.

— Гав! — продолжил пес, и телохранитель вдруг понял, что сенбернар и сам не желает трусить по грязному городскому снегу.

Анатолий глядя в глаза собаки, затряс головой, стараясь избавиться от наваждения. Сверкающий на солнце снег, покрывающий гигантский альпийский склон, заросший высокими елями, мелькнул в голове и тоскливо растаял.

Анатолий облегчено вздохнул, но тут перед его глазами появился дом, в котором жил Потёмкин. Казалось, старая пятиэтажка прыгнула прямо из глаз Цербера и, приблизившись, осталась в голове телохранителя. Перед носом замелькали старые щербатые ступени, словно Анатолий пробирался по ним на четвереньках; показалась хлипкая, обитая фанерой, дверь.

— Гав! — Пес двинулся к служебному автомобилю водителя и телохранителя. Не дойдя до него, обернулся и посмотрел на опешившего человека, словно желая убедиться, в его сообразительности.

"Чего стал? — кричали его глаза, подмигивая зелеными искорками, прятавшимися в гигантских зрачках. — Поехали!"

— Ну, ничего себе! — воскликнул Анатолий, не двигаясь с места.

— Гав! — Нетерпеливо колотя хвостом по заледенелой земле, Цербер поглядел на человека.

— Ладно — гав! — придя в себя, крикнул тот, догоняя чудо-собаку. — Поехали к Потёмкину!

* * *

Не дорога — дурной сон: руки не свои, мысли путаются. Пес не отрывает глаз, словно сидит в голове и спокойно копается в мыслях.

Наконец-то знакомый подъезд, старые ступени, незапертая дверь… тишина в квартире!

Анатолий остановился. Выглянув из прихожей в более чем скромный зал, опешил. Он не мог поверить своим глазам. Нечто невероятное, пугающее своей неестественностью, выворачивающее внутренности, находилось на диване и возле него. Копошащаяся масса, перетекающая в жуткое, фантастическое существо. Странная спайка множества рук и ног, не могла существовать, но все же присутствовала, пусть и наполовину, в привычном для Анатолия мире.

Вторая половина — нереальная рожденная бредящим мозгом, — проникая сама в себя, растворялась на границах нечетким силуэтом, протянувшихся в разные стороны темных щупалец. Отвратительные рыхлые спруты временами исчезали, проникая внутрь сопротивляющегося человеческого организма. И тогда живое тело начинало темнеть, разлагаясь в местах проникновения разрастающихся метастазов.

Казалось бесконечное противоборство сил, застряло в верхней точке гигантских горок, давая незначительный перевес каждой из сторон лишь на мгновенье. Еще мгновение и…

Цербер метнулся к содрогающейся фигуре, на ходу касаясь умоляющим взглядом глаз Анатолия.

Напряженная рука вынырнула из шевелящейся массы. Пес прильнул к кулаку. Изменяющаяся фигура на мгновенье замерла, превращаясь в два человеческих тела, с протянутыми друг к другу руками. А между ними копошилось нечто темное, мертвенно-бледное, отвратительное.

Анатолий вздрогнул, но взгляда не отвел.

Жуткий комок рос на глазах, проникая дымными щупальцами

в тела людей, перемещался от одного к другому. Расплывающиеся силуэты корчились от боли, содрогались в конвульсиях, вновь теряли очертания, сливаясь друг с другом.

— Что здесь твориться? — ужаснулся Анатолий и вдруг почувствовал, что теряет присутствие духа. Дрожь холодной волной прошла по всему телу, тяжелый страх заполнил грудь, сжимая сердце, не давая вздохнуть.

Дико взвыл Цербер, протискиваясь между сближающихся человеческих фигур. Серые щупальца обвили косматую башку напрягшегося зверя, касаясь квадратной головы, вдруг рассыпались, превращаясь в длинные мокрые лохмы. Грязные пряди переплелись со вставшей дыбом шерстью сенбернара. Темная тень кошмарного монстра наполовину погрузилась в голову собаки. Цербер зашелся в нестерпимо жалком визге. Тело его забилось в конвульсиях.

Анатолий, нерешительно приближаясь к месту схватки, протянул руку к копошащемуся расплывчатому силуэту.

На секунду из спутанного клубка тел показалась голова Трофима. Вымученно улыбаясь, добровик прошипел:

— Можешь — помогай, нет — не мешай!

И снова исчез.

— Шипит ещё! — буркнул Анатолий и вдруг с ужасом обнаружил смотрящие на него глаза Маргариты Петровны. Мама Дмитрия открыла рот, пытаясь что-то сказать, но не смогла — очередная волна жутких метаморфоз затянула ее в живой водоворот.

— Чёрт! — отшатнулся молодой человек, набрал полные лёгкие воздуха и решительно вогнал кулак в извивающееся щупальце, появившееся на месте головы Цербера.

— Черт!

Удар пришелся точно в глаз. Вот только чей зрачок он увидел перед собой, телохранитель понять не мог. Он вдруг ощутил полыхнувший в мозгу костер и зажмурился. Боль метнулась вниз по телу, обожгла сердце, спазмом сжала желудок, горячей тяжестью осыпалась в ноги и там растворилась.

В грудь вонзилось раскаленное копье, проникая все глубже, оно разорвало внутренности молодого человека, мгновенно прорастая черными корнями в здоровую плоть.

Телохранитель открыл глаза и увидел себя, стоящим в плотном сером тумане. Черная пыль, витавшая вокруг, собираясь в небольшие уплотняющиеся куски, норовила осесть на лице, превращаясь в липкую слизь, ощутимо-неприятную на ощупь, проникала в ноздри, мешала дышать.

Рядом стоял добровик. Мужчина держал за руки плачущую

женщину. Из живота Маргариты Петровны вытягивалось полупрозрачное и мутное, извивающееся, скользкое, отвратительно-уродливое существо. Получервь-полуспрут тянулся к светящемуся телу Трофима. Добровик пылал алым огнем.

Анатолий опустил глаза и обнаружил, что щупальца, вытягиваясь, пронизывали угловатую голову сенбернара.

Ощущая холодное прикосновение, телохранитель дернулся. Уперся взглядом в комок безобразных обрубков, проникающих в его грудь.

— Ну что хранитель чужих тел, — потянули! — засмеялся добровик, распрямляясь и захватывая ближайшие шевелящиеся отростки.

Анатолий попытался улыбнуться в ответ и сразу же почувствовал облегчение. Страх прошел.

— Тянут — потянут, вытянуть не могут! — напрягся он, сообразив, что от него требуется.

— Прибежала мышка! — заревел, ощущая вибрацию, нарастающую в скользком канате.

— Хвостиком махнула! — прохрипел, багровея.

— И! — Казалось, что еще секунду и лопнет натянутое щупальце, или порвутся его мышцы. Анатолий все тянул и тянул, гадая, что же не выдержит первым.

Не выдержали щупальца — лопнули, опадая к ногам телохранителя.

Студенистое туловище медленно выскользнуло из живота женщины, и тошнотворное существо хлюпко шлепнулось на деревянный пол.

Анатолий громко и длинно выдохнул. Облако, в котором они находились, завращалось, пыль вдруг превратилась в жужжащих разлетающихся во все стороны мух, комната приблизилась. Сквозь редеющий серый туман проступили стены, потрескавшийся, пупырчатый потолок и только после этого, сквозь багровую пленку, проступила старенькая мебель.

— Благодать! — промурлыкал телохранитель, падая на необычайно мягкий, хоть и потрепанный, диван.

Вспомнив жуткое существо, он испуганно вскинул ноги к голове и тут же вскочил с дивана.

— Где — это!? — спросил он Трофима, разглядывая истонченные временем доски.

Добровик на мгновенье выпустил руки Маргариты Петровны и, глянув на суетящегося телохранителя, улыбнулся.

— Ты думал, что мы бьёмся с реальной тварью? — спросил он.

— Нет! С виртуальной! — обиделся телохранитель, и,

обернувшись к ворчащему сенбернару, добавил:

— А ты не рычи! Я не с тобой разговариваю!

— Молодец Цербер! — похвалил Трофим. — Хорошо парня подготовил.

— Подготовил? — опешил Анатолий, насупившись.

— Ладно-ладно. — Мужчина, выставил ладони вперед. — Не сердись!

Добровик уложил Маргариту Петровну на диван и, присаживаясь рядом, продолжил:

— То, что ты видел, лишь воображаемое представление болезни. Ты видел опухоль, такой, какой ее тебе нарисовал твой неподготовленный мозг. Твой мозг…

— Знаю, знаю! — воскликнул Анатолий. — Подыскивает образ, наиболее подходящий неизвестному для него понятию. И выбирает он из тех, которые есть в его "словарном запасе". Потёмкин уже прочел мне когда-то "Курс молодого бойца".

Он подозрительно уставился на шерстяного увальня, устроившегося в ногах Трофима. Пёс, прикрыв глаза, лениво дремал.

— Цербер имеет одно очень интересное, и необходимое в нашем деле, свойство, — продолжил добровик, заметив заинтересованный взгляд молодого человека.

— Он может напускать на человека Навьи чары.

— Кого-чего? — не понял телохранитель.

— Если долго смотреть ему в глаза, — выдохнул Трофим, — можно погрузиться в нематериальный мир — в мир наваждений. А в потустороннем мире мы начинаем видеть многие незримые для глаза простого человека вещи.

Анатолий кивнул головой.

— Пес-колдун, значит? — буркнул он.

Трофим устало повел плечами, повертел головой из стороны в сторону, словно разминал шею.

— Без тебя я бы не справился. Необычайной силы была болячка. Опухоль, пожирающая энергию, не только своего носителя, но и окружающих его людей — таких я еще не встречал.

— Была? — поинтересовался Анатолий.

— А может быть, это вирус? — Анатолий, вдруг вспомнил Потёмкина.

— Нет, молодой человек! Это была злокачественная опухоль, — возразил целитель, недовольно дергая подбородком.

Добровик задумался и продолжил, уже не так уверенно и резко:

— Хотя… вела она себя очень, очень странно.

Маргарита Петровна, молчавшая до сих пор, вдруг подняла голову, прислушиваясь к шуму, доносившемуся из кухни, радостно воскликнула:

— Дима! Сынок!

Анатолий ощутил горячую волну воздуха, толкнувшую его в спину и ушедшую вперед. Он почувствовал загорающийся в груди пожар. В голове зашумела разгоняющаяся кровь. Тело напряглось в ожидании прыжка.

"Нет! Только не это!" — мысленно завопил телохранитель, сжимаясь.

— Не бойся путешественник! — раздалось за спиной, и дрожащего плеча Анатолия коснулась горячая рука.

— Сейчас все пройдет, — пообещал Потёмкин, появляясь перед притихшим товарищем.

И действительно вибрация в теле мгновенно ослабла, костер в груди погас.

— Фу ты! — расслабленно выдохнул Анатолий.

Он шагнул за Димкой, намериваясь загрузить друга множеством вопросов, но на его пути неожиданно появился Трофим.

— Мы, пока с Толиком, чайку попьём? — спросил он хозяйку дома, но та не ответила. А он и не ждал.

Распахнув объятья, женщина устремилась навстречу сыну.

— Пошли, подкрепимся! — предложил добровик, подталкивая Анатолия в сторону кухни.

Оглядываясь, тот бодро зашагал из комнаты.

Сенбернар оказался менее покорным, и его пришлось тащить за ошейник.

Трофим с трудом втолкнул упрямое животное на кухню, прикрыл белую дверь с мутным непрозрачным стеклом, в глубине которого проступали жилки металлической сетки.

— Ну и ладушки!

Мужчина довольно потер руки, неспешно сел на старый табурет и мгновенно сник, превращаясь в уставшего пожилого человека.

— Я уже не надеялся победить эту тварь, — прошептал он, оглядываясь на дверь. — Спасибо тебе — выручил.

Анатолий смущенно мотнул головой.

Чай пили шумно.

Трофим по-стариковски отдувался после каждого глотка горячего напитка.

Анатолий — улыбался: вдруг вспомнился маленький лохматый питекантроп Лёха, с его неуемной тягой к творчеству.

"Все люди как люди, а я один, — подумал он, — то в

древность дремучую — к дикарям, то в потусторонний мир — с волхвом".

Через несколько минут в кухне появился мрачный Потемкин.

— Что тут произошло? — прошептал он, озираясь.

— Стремительно разрастающаяся злокачественная опухоль, — ответил дед Трофим.

— Откуда? — удивился Дмитрий, негромко. — Месяца не прошло, как она из санатория-профилактория, а там её полностью обследовали. Ничего же не было.

Целитель непонимающе пожал плечами и продолжил.

— Ее и на прошлой неделе не было — я всех соседей хорошо чувствую.

Оплошавший чувствователь смутился, словно винил себя, опуская глаза, пробормотал:

— Меня три дня не было. И вот… Невероятно.

— Опять невероятная вероятность? — Анатолий взмахнул руками.

Светлая челка слегка качнулась, прикрывая взлетевшие на лоб брови.

— А может, все-таки, у нее вирус начал изменяться? — спросил он, не глядя в сторону заворочавшегося на табурете Трофима.

Дмитрий секунду подумал и уверенно покачал головой.

— Нет! Если это был вирус, то у вас не было шансов победить его. Вирус мог подействовать на организм, на опухоль, но… Нет! — выдохнул Потёмкин и надолго задумался.

— Чёрт с ним, с вирусом! — воскликнул Анатолий, меняя тему разговора. — Ты-то где был?

— Где я был? — отстраненно улыбаясь, прошептал Дмитрий.

— Проще сказать, где я не был.

Налив полную кружку чая, присел к столу.

— И все-таки? — не унимался Анатолий. — Расскажи!

— Мы со Славой, побродили по окрестностям, осмотрелись, — нехотя выдавил из себя Потёмкин.

Телохранитель раздраженно повел головой, закатил глаза и, с трудом сдерживая раздражение, спросил:

— И что в окрестностях нового?

— Я не просто так спрашиваю! — Он, все же, не выдержал и закипел, выплескивая злость на окружающих.

— Может, пора белые тапочки готовить, а мы тут глупостями занимаемся! Кого-то спасаем, переживаем по пустякам.

Потёмкин встряхнулся, — задумчивости как не бывало — удивленно взглянул на кричащего товарища, словно только сейчас его заметил.

— Прости! — бросил он. — Навалилось.

— Вселенная меняется! Что-то приходит в неё. Что-то древнее и страшное. Что-то иррациональное! — Потёмкин отчаянно махнул рукой.

Анатолий ощутил себя маленькой букашкой, ползущей по гигантскому картонному глобусу: вселенские катаклизмы — не его уровень.

— Может, двинем к Бейруту с Жорой? — неуверенно предложил он. — Там все и расскажешь.

— А может быть, оно было в ней всегда? — продолжал Дмитрий разговор, теперь уже с самим собой. — А сейчас проснулось. Может это мы разбудили его.

В зале неожиданно громко застонала Маргарита Петровна.

Дмитрий резко повернулся к двери и, склонив голову, прислушался.

— Мама спит, — прошептал он. — Сниться, что-то.

— Вы идите! — успокоил молодого человека Трофим, заметив тревогу во взгляде Потёмкина. — Я присмотрю.

— О чём я говорил? — Дмитрий сжал голову руками, поднялся.

— Ладно, пойдем к хакерам, может они, что дельное предложат?

* * *

Дмитрий постучал в перекошенную дверь: звонок не работал. Скрипнув ржавым железом, дверь медленно отворилась, и на пороге появился удивленный Жора.

— Что? Уже?

— Одиннадцать тридцать, хватит дрыхнуть! — воскликнул Анатолий, догоняя Потёмкина, но вдруг резко обернулся к лестнице и весело спросил:

— Я прав Геракл?

— Минута в минуту, — подтвердил, спешащий следом за ними Илья, согласно кивая.

Жора, зевнул, посторонился, пропуская гостей в квартиру.

Потёмкин шагнул за порог и вздрогнул от неожиданности.

— Что здесь произошло? — удивился он, разглядывая обгоревшие стены, покрытые толстым слоем копоти.

— Извержение вулкана? — хохотнул Илья, пиная ногою угольно-черные куски бывшей мебели.

— Коротнуло, пока Бейрут спал, — пояснил Жора. — Меня дома не было.

Дмитрий вдруг почувствовал шевельнувшийся червячок сомнения, проснувшийся в душе.

"Что-то не так, — подумал он. — Не похоже на простой пожар".

Черные, обгорелые, бетонные плиты обиженно смотрели на посетителей, а он все не мог понять, что же, все-таки было не так, в окружающем его мире?

Квартира выгорела дотла. Всё что смогло пережить набег охранников Фортуны, превратилось в чёрную сажу на стенах и выпало в осадок мелкими угольками, неприятно скрипящими под ногами.

Дмитрий прислушался к себе, посмотрел на непонятную дыру в стене.

"Как будто железным тараном лупили… Стоп! Все это уже было, и не однажды, — мелькнула в голове безумная мысль, сменившись ощущением чужого присутствия — мысленного взгляда. — И пепелище, и… эта нереальная стена впереди.

— Бейрут! Я иду? — крикнул он, ныряя вперед головой.

— Чёрт!

Бетонная стена вздрогнула от удара, и в мозгу вспыхнул пожар, обжигая раскаленной болью.

Мир вздрогнул и слегка сместился — сначала на мгновенье, потом на секунду, затем рванулся назад.

Дмитрий, забыл о боли. Стараясь не отставать от убегающего во времени мира, поспешил открыть глаза…

* * *

… Огляделся. Он висел в темноте. Впрочем, нет — не висел — летел в темноте, приближаясь к чему-то яркому, светящемуся.

Миллиарды живых светляков слетались со всех сторон. Выныривая из темноты космоса, шустрые плазмоиды прижимались друг к другу боками, сливались в одну сияющую, растущую в объеме сферу, напоминающую гигантский, пылающий ненавистью глаз. Огненное око гневно взирало на едва заметную в пустоте тень, распростершую над Ра-преобразователем свои хищные щупальца.

— Этого не может быть! — воскликнул Дмитрий, обернувшись к Пугачёву. — Для гуорков слияние не естественно.

Вячеслав молча пожал плечами. Не отрывая взгляда от огненной феерии, он мысленно поинтересовался:

"Почему?"

— Уплотнение тела для них, равносильно нашему процессу

старения, или сумасшествию, — пояснил Дмитрий.

— Они всю жизнь живут в надежде когда-нибудь разделиться, на две половинки, в этом смысл их существования.

— Не думаю, что все так просто, — возразил Вячеслав.

Плазмоиды, меж тем, продолжали прибывать, слетаясь на пламя, но не сгорали, как бабочки, а падая в огонь, лишь увеличивали светящееся облако.

— Массовое сумасшествие! — восклицал Потемкин, переживая за гуорков, словно сам был одним из них.

Казалось, прибывающим гуоркам не будет конца. Бесчисленные орды горящих капелек заполнили все пространство раскаленной туманности. Падая внутрь раскаленного облака, они теряли индивидуальность, растворяясь во всепожирающем пламени.

Ливень светящихся виноградин не прерывался, ни на секунду: гуорки выскакивали из ниоткуда и падали в пылающую круговерть.

Потемкин не мог спокойно смотреть на массовое самоубийство. Он заметался из стороны в сторону, то исчезая в темном коконе защитника, то появляясь недалеко от разрастающейся живой звезды.

Вячеслав завис в стороне. Пораженный величием жертвенного огня, маленький человек замер, наблюдая.

Новорожденное солнце засияло, касаясь яркими лучами самого края туманности, прячущей застывающий Ра-преобразователь.

Пробиваясь сквозь раскаленную космическую пыль, одинокие лучики юной звезды едва коснулись холодного пришельца, разверзшегося темной бездной под затухающим эллипсоидом.

И бесконечное нечто, вдруг шевельнулось, повернуло в направлении света, один из своих невесомых рукавов обхватывающих преобразователь, потянулось за исчезающими лучами. Мрачная тень неспешно двинулась к горящему алтарю.

Гуорки почувствовали приближение чужака, но не остановили движения. Поток плазмоидов растворяющихся в пламени звезды даже увеличился, создавая вокруг светила непрерывно светящееся гало. Растянувшаяся на сотни тысяч километров уплотняющаяся живая корона вдруг засверкала миллионами бриллиантов. Это космическая пыль, почувствовала притяжение уплотняющегося гиганта.

Миллиарды лет следующие по своей траектории крошечные пылинки, вдруг сдвинулись с привычных орбит и понеслись навстречу родившейся звезде.

И без того перегретые частицы, сталкиваясь друг с другом,

дозревали, вспыхивая, при приближении к месту рождения космического катаклизма.

— Они сметут и зверя и Ра-преобразователь! — прошептал Вячеслав, не в силах оторвать взгляда от пылающего великолепия.

Вся туманность засверкала выгнувшей спину радугой, растекающейся от новорожденного светила в направлении приближающейся мертвой черноты.

Дмитрий едва не задохнулся, от охватившего его чувства восторга.

— Боже мой! — воскликнул он.

Картина была настоль величественна, что сдерживать эмоции не хватало сил. Грудь сдавило, на глаза навернулись слезы.

— Как красиво! — прошептал он.

Словно почувствовав опасность, чужак замер. Едва заметная тень, остановилась, распространяя вокруг себя бесконечный холод. По мере приближения к скопищу гуорков, невидимое нечто стало проявляться, бесформенное нечто вырисовалось на фоне яркой пыли. Теперь оно заслоняло едва ли не треть туманности гуорков.

Ощущение наступающей смерти коснулось застывших людей.

Угрожающий силуэт заколебался в пустоте и через несколько мгновений, показавшихся наблюдателям вечностью, неторопливо проследовал дальше.

Потёмкин, отрываясь от небывалого зрелища, заметил плавающего неподалеку гуорка.

Русса умудрялся совмещать пылающее негодование с безудержным рыданием. Он проклинал надвигающегося врага и плакал над погибающими соплеменниками.

— И все-таки, как вы собираетесь сохранить Ра-преобразователь? — воскликнул Пугачёв, обращаясь к раздувшемуся плазмоиду.

— Главное чтобы звезда перешла критическую массу, — ответил Русса. — Гуорки не могут долго находиться в сжатом состоянии. Потеряв свою индивидуальность, они очень быстро затухают. Когда это произойдет, звезда начнет схлопываться и, превращаясь в сверхновую, выбросит гигантское количество энергии. После чего начнет сжиматься в черную дыру.

— Главное, — взволнованно продолжал Русса, — чтобы массы хватило!

— Вы действительно верите, что вашей братской могилы хватит, для образования черной дыры?

— Нужна масса не менее трех ваших солнц, — спокойно пояснил Русса.

Словно услышав слова гуорка, звезда вдруг внезапно скакнула навстречу зрителям. Потемкин вздрогнул. Глядя во все глаза на светящуюся сферу, он не сумел заметить, когда рядом с новорожденным светилом появился дублер, заметно увеличивший размер растущего диска.

— Они притащили двойника из другой ветви древа времен! — восторженно завопил Пугачев.

Размахивая руками, он возник прямо перед Дмитрием, заслоняя от него вытянувшуюся гантель двойную звезды.

— И мы собирались с ними воевать? — иронично поинтересовался он и тут же погрустнел.

Потёмкин отстранил друга в сторону и не успел моргнуть глазом, как звездная гантель превратилась в пылающий тетраэдр, — огненный октаэдр, — светящийся гексаэдр… Казалось, звезда быстро приближается, на самом деле она катастрофически росла, удваиваясь каждую секунду.

— Ра-отец не впервые использует для перемещения в пространстве и времени чёрно-белые дыры. — Русса гордо раздул пылающие бока.

Друзья удивленно уставились на гуорка.

— Черно-белые дыры?

Раскалившись до белого свечения, плазменный бодрячок, в несколько раз увеличился в размерах, едва не взрываясь.

— Если есть черные дыры, в которые все входит и ничего не выходит, значит, где-то должны быть связанные с ними белые дыры, из которых все выходит и ничего не может войти. Где-то далеко во времени и пространстве. — Гуорк, словно комета, метался из стороны в сторону, оставляя за собой огненный шлейф.

Беспрестанно мелькая перед глазами и яростно пламенея, он походил на новогоднюю петарду. И вдруг, неожиданно остановился, на мгновенье завис в пространстве.

— Ну? — вытолкнул он яркую мысль. — Неужели не понятно.

Потемкин, молча пожал плечами, посмотрел на гуорка.

— В принципе логично! — произнес Вячеслав. — Вот только где эти белые дыры находятся?

— Может в точке зарождения Вселенной, там, где еще ничего нет, где все спрессовано в один праатом. Где время и пространство, еще не появились, а есть лишь информация. А может, где-то еще, — вытолкнул Русса, яркую мысль — Не знаю! Знаю только, что так было.

— Ты же говорил, что ваш Ра, уже пользовался дырочными туннелями? — поинтересовался Пугачев.

— Пользовался Ра, а не я!

Плазмоид вновь заметался из стороны в сторону. Выплескивая из себя потоки плазмы, Русса сочно приправлял их мысленными ругательствами, русскоязычного происхождения.

"Надеюсь, что у нашего противника нет опыта путешествия по вселенным через черные дыры, — плеснул он раскаленной мыслью и тут же испуганно прошептал. — Иначе нам конец!"

Пылающее пиршество смерти, внезапно исчезло, пропало в темноте. Словно невидимый волшебник выключил свет.

— Началось! — восторженно взвыл Русса, и, взрываясь, разделился.

Два одинаковых разумника разлетелись в разные стороны и замерли. Глядя, то на багровую, распухающую звезду, то друг на друга, гуорки молчали. Непонятно что их удивляло больше: появление двойника или поведение звезды.

На несколько мгновений Вселенная замерла.

И… вдруг взорвалась. Выбрасывая во все стороны потоки энергии и материи, засияла сверхновой.

Ломая пространство, сворачивая время, волна изменений покатилась в сторону замерших зрителей, согнула их, прокатилась по спинам невыносимым жаром.

Взвыли защитники, растекаясь невесомой пленкой по телам — прикрывая людей от безумного пламени.

— Прыгай! — рявкнул Вячеслав и исчез во вспышке.

Дмитрий не заставил себя долго ждать: сосредотачиваясь, прыгнул, чтобы через мгновенье появиться у себя в квартире.

…… Мгновенье… глубокий вдох — шаг вперед — родная кухня — возмущенный взгляд Анатолия.

Телохранитель раздраженно повел головой, закатил глаза.

— И что в окрестностях нового? — с трудом сдерживая раздражение, спросил он.

— Я не просто так спрашиваю! Может пора белые тапочки готовить, а мы тут глупостями занимаемся! Кого-то спасаем, переживаем по пустякам.

— Фуу! — шумно выдохнул Дмитрий, освещая безрадостное пространство маленькой комнаты, затухающим в глазах отражением взрывающейся звезды.

Встряхнулся, удивленно взглянул на кричащего товарища, словно только сейчас его заметил.

— Прости! — бросил он. — Навалилось.

— Вселенная меняется! Что-то приходит в неё. Что-то древнее и страшное. Что-то иррациональное, — Дмитрий отчаянно махнул рукой.

— Может, двинем к Бейруту с Жорой? — неуверенно

предложил Анатолий. — Там все и расскажешь.

— Вы идите! — успокоил Трофим.

— За мамой я присмотрю.

Дмитрий устало покачал головой.

— За мамой? — удивился он. — Ну, да ладно!

— Пошли к хакерам!

* * *

Потемкин постучал в перекошенную дверь: звонок не работал. Скрипнув ржавым железом, дверь медленно отворилась, и на пороге появился удивленный Жора.

— Что? Уже?

— Одиннадцать тридцать, хватит дрыхнуть! — воскликнул Анатолий, догоняя Потёмкина, но вдруг резко обернулся к лестнице и весело спросил:

— Я прав Геракл?

— Минута в минуту, — подтвердил спешащий следом за ними Илья, согласно кивая.

Жора испуганно оглянулся, смутился и посторонился, пропуская гостей в квартиру.

Дмитрий не торопясь заглянул в комнату и — едва не сел от удивления. Он ожидал увидеть все что угодно: обгорелые стены, пробитые бетонные плиты, осколки разбитых мониторов с кусками мелкой мебели, горы мусора, — но только не идеальный порядок.

Порядок его удивил.

Сложенные в стопку диски — насторожили.

Чисто-вымытый пол — встревожил.

А отсутствие переплетенных в воздухе шнуров и разобранных системных блоков — напугало.

— Что тут у вас произошло? — удивленно спросил он.

— Бейрута на работу уборщиком взяли? — хохотнул Анатолий, снимая ботинки.

Жора неловко повел плечом.

— Даже не знаю, как сказать, — пробормотал он, кивая на аккуратную стопочку дисков.

— К Бейруту мама приехала.

Хакер явно чего-то боялся. Он непрерывно оглядывался на дверь, смущенно теребя волосы, охал как старый дедок.

— Прибралась и….

— Где сейчас Бейрут? — спросил Дмитрий, с интересом наблюдая за ни в меру суетящимся хакером.

— Не знаю. Ушел! — ответил Жора.

— Я что-то не пойму, — буркнул Ванькин.

Здоровяк, не снимая обувку, проследовал в комнату. По полу за ним протянулась мокрая цепочка гигантских следов. Это его, однако, нисколько не смутило.

— Ну, мама приехала! Ну, навела порядок! И что в этом плохого? — поинтересовался атлет, улыбнулся, глядя на взволнованного Жору. — Ты-то чего трясешься?

— Да не было у него никогда матери! — завопил Жора. — Всю жизнь не было, а тут появилась!

— Ну и что? — бросил Анатолий.

— Ну и… Несколько дней наш друг ходил обрадованный, потом задумался. Стал мрачнее тучи — злой, смотреть страшно.

— А вчера заявил, что если она не уедет, то он её выгонит… или… того хуже — убьет. Странно!

Прислушиваясь к внутренним ощущениям, Дмитрий обошел комнату. Не чувствуя присутствия хакера, выглянул в окно. И тут же увидел согнувшегося Бейрута, медленно бредущего по заснеженной улице.

— А где она? — спросил он, поворачиваясь к Жоре.

— Ушла! Еще на улице темно было.

Молодой человек помялся, придвинулся вплотную к Потемкину и едва слышно прошептал:

— Не мать она ему!

Помолчав хакер, продолжил:

— Вернее, может и мать, но не она это.

Жора тряхнул головой, забегал глазами, едва касаясь взглядом лиц друзей. Похоже, он совсем запутался, пряча взгляд, опустил голову.

— С чего ты взял? — удивился Дмитрий.

— Слишком заботливая, слишком заинтересованная в судьбе брошенного сына. Этакий супер Мутер.

— Разве это плохо? — поспешил вставить Потёмкин.

— Два десятка лет её не интересовало, как он, где он, живёт или нет? А тут… сю-сю-сю. Нелогично и очень подозрительно! — тревожно прошептал Жора и вновь замолчал, прислушиваясь к скрипнувшей двери.

В комнату медленно вошел Бейрут. Смахнул снег с длинных, неухоженных волос.

— Жорка, ты не прав! — с порога заявил он. — Она действительно моя мать! Только вот, с чего она обо мне вспомнила? Жила бы себе спокойно — без меня, как и раньше. Так нет же — приехала!

— Ты где был? — Жорка участливо посмотрел на грустную

физиономию друга.

— На вокзале. — Бейрут отвернулся. — Её провожал.

— Перед вагоном она словно в себя пришла, — продолжил он быстро. — Глаза выпучила, губы трясутся. Я уж грешным делом подумал, что она готова расплакаться — не хочет расставаться, но не тут-то было. Присмотрелся — вижу — не поймёт бедная женщина, как здесь оказалась?

— Не выдержал я и заглянул в ее мысли, — хакер сморщился, брезгливо скривил губы.

— Она действительно не знала, как сюда попала, — прошипел он злобно. — И меня бы, она еще лет сто не вспомнила. Вот только…

— Что? — замер Дмитрий.

— Было у нее в голове, что-то чуждое — не… — хакер на мгновенье задумался, — нечеловеческое!

— Я бы сказал, даже, неживое что-то, и очень древнее, — Бейрут перешел на шепот. — И главное абсолютно чужое.

— Димыч, я испугался! — вскричал хакер, сжав кулаки так, что костяшки пальцев громко хрустнули.

Потёмкин, поглядел на окрепшего Бейрута: парень заметно прибавил в весе. Он уже не казался долгоногой цаплей, меряющей пространство комнаты длинными шагами. Крепкие плечи напряглись, сквозь одежду проступил рельефный, мышечный профиль. Исчезла угловатость и резкость в движениях, сменившись неторопливой уверенностью свойственной людям сильным.

— И оно почувствовало мой страх! — воскликнул возмущенный хакер. — Я уверен, что оно расхохоталось бы, будь более человечным.

— Может быть, тебе показалось? — смущенно спросил Дмитрий.

— Думаешь, у меня от нахлынувших к родной мамочке чувств мозги закипели? — раздраженно зашипел Бейрут. — Да я через два дня понял, что ей здесь делать нечего! Её словно мучило что-то. Что-то, что вынудило ее приехать ко мне.

Бейрут остановился посреди комнаты и надолго задумался.

— Подобные ощущения испытываешь, когда долго смотришь на чистое звездное небо, — как всегда перепрыгивая с мысли на мысль, неожиданно продолжил он. — Заглядываешь в бесконечность, и ощущаешь, что она, в свою очередь, разглядывает тебя. В детстве я любливал пялиться на ночное небо. И что странно, тогда взгляд Вселенной казался мне добрым. Я был уверен, что мироздание только и ждет, когда я открою все его тайны.

Дмитрий слушал и кивал головой, вспоминая, что и сам не раз испытывал похожие ощущения.

— Это впоследствии я понял, что мироздание не должно быть добрым. Вселенная не обязана подстраиваться под человека. Она может быть безразличной к нему. И это в лучшем случае. А в худшем…

Бейрут на секунду замолчал.

— Может быть злой и агрессивной… Брр! — хакер втянул голову, задрожал плечами. — Гвоздем по стеклу!

— Как твои программаторы? — поспешил спросить Потёмкин, заранее напрягаясь. Он был уверен, что время, при малейшем упоминании событий недавнего прошлого, в очередной раз взбрыкнёт и помчится вспять.

— Как ты сказал? Программаторы? — заинтересовался хакер, мгновенно забывая о своих страхах.

Дмитрий понял, что он один, хоть что-то воссоздал в своей памяти.

"Остальные вообще ничего не помнят!" — подумал он и тут же решил поделиться своими воспоминаниями с друзьями.

Коротко, однако, не пропуская важных деталей, Потёмкин поведал Бейруту о лаборатории, спрятанной им в расширенном измерении. Рассказал о взрывах миниатюрных галактик-программаторов, о борьбе гуорков с непонятным существом, о вынужденном перемещении во времени.

— Всякий раз, когда мы оказывались в этой комнате, и сталкивались с твоими программаторами, что-то происходило со временем, и нас выбрасывало в прошлое, — продолжал он.

— Последнее перемещение было наиболее глубоким. Если так пойдет и дальше, то скоро нам придется снова учиться шнурки завязывать, — пошутил Дмитрий.

— Чёрт, а я-то думал, что только у меня глюки? — облегченно произнес Бейрут. — Я ведь, тоже, поначалу кое-что помнил, но, решив, что это бред, постарался выбросить лишние воспоминания из головы. Теперь понимаю, что был не прав.

— Друзья мои! — воскликнул Анатолий, не желая оставаться в стороне. — А я ведь тоже кое-что помню!

— И я! — поддакнул Илья.

— Помню взрывающуюся пакость, помню… — Ванькин сморщился. — Инверсию координатной оси! — выдохнул он радостно, удивляясь выскользнувшей, из непослушных уст, фразе.

Возмущенно заверещал телефон, задергался в кармане, пытаясь выбраться из вынужденного плена.

— Это у меня, — шепнул Потемкин, замечая, что Бейрут полез во внутренний карман куртки, но хакер не слушал его и

через секунду извлек на свет бунтующую, вопящую трубку.

Одновременно с этим Жора и Анатолий также достали свои требующие внимания аппараты.

— Что-то жуткое было в этой электронной одновременности, и, потому, никто не решался первым включить связь.

Телефоны заливались, исполняя персональные песни, вибрируя каждый на свой лад.

— Да! — голос Ильи, сыграл роль стартового пистолета. Тут же умолкли все звуки: мелодии, шумные вибрации.

— Здравствуйте! — одновременно произнесли все телефонные трубки.

— Я не знал до кого из вас смогу добраться, поэтому позвонил сразу всем, — произнёс Тромб, показавшись на всех экранах.

— Они, что, уже и в сотовую сеть залезли? — прошипел Илья.

— А почему бы и нет? Телефонная, компьютерная — все одно — сеть. Какая разница? — произнес Бейрут.

Он лишь наполовину присутствовал в комнате, нехотя поддерживая разговор. Вторая половина его, все больше погружалась в мир размышлений. Руки привычно заелозили по воображаемой клавиатуре, взгляд, устремленный вдаль, медленно, но верно, исчезал в бесконечности. Напоследок хакер поднял глаза и Потёмкин вздрогнул. Он уже не раз видел этот отсутствующий, нечеловеческий взгляд. Все повторялось.

Светящиеся глаза-экраны, демонстрирующие сложный узор цифр, знаков, образов.

За первым слоем, математического буйства, второй — из тех же цифр и непонятных схем; за ними еще один. Слои перемешиваются, меняют яркость. Невероятный калейдоскоп символов и знаков, мелькает с фантастической скоростью, превращаясь в переливающийся всеми цветами радуги узор.

— Как же их связать? — зашептали губы Бейрута. — Как отобразить большое в малом? Как вложить вечное в краткий миг?

Хакер что-то перетаскивал с места на место. Невидимое «нечто» находилось совсем рядом и оно упорно не хотело становиться на свое место, но труженик клавиатуры не сдавался — устанавливал, примерял, закреплял и снова тащил.

— Во очкарик дает, — шепнул Ванькин, покручивая пальцем у виска.

Закончив сборку невидимой конструкции, Бейрут ткнул пальцем перед собой. Покачиваясь словно сомнамбула, он подошел к окну. Вытянув руки, совершил несколько осмысленных, но непонятных для окружающих, движений; вдруг, стал полупрозрачным; человеческий силуэт заколыхался, словно

хозяин тела сдвинулся в пространстве и времени, на один миг в сторону.

Бейрут, сквозь которого, теперь, можно было видеть падающий за окном снег, снова пощелкал невидимыми клавишами; сделал шаг в воздух, поднимаясь, неспешно взошел на подоконник и, не открывая окна, исчез в подрагивающем стекле.

Илья так и замер с приставленным к голове указательным пальцем и широко открытым ртом.

"Как он это делает?" — вопил его восхищенный взгляд.

— Меня кто-нибудь будет слушать? — напомнил о своём присутствии Тромб.

— Говори! — бросил Дмитрий, тревожно вглядываясь в лицо виртуального товарища.

— Не знаю, чем вы там озадаченны, но у нас проблема, — произнес боец.

Он вдруг исчез с миниатюрных экранов, чтобы через секунду вновь появиться, но уже не таким, как раньше: из его изображения словно вынули несколько десятков пикселей. Исчезнувшая часть была столь незначительна, что никому и в голову не пришло, выискивать причину дефекта картинки.

— Что-то происходит с информацией. Что-то меняет ее сущность, а главное ее плотность. — Изображение Тромба в очередной раз исчезло и через секунду, на экране появилась изломанная искажениями, безжизненная маска.

— Оно проникает в сеть, — продолжил боец, нелепо гримасничая, исчезая и появляясь вновь.

— И преобразует информацию в такие формы, которые не могут оставаться на привычных, магнитных носителях. Это уже не данные. Это куча нулей и единиц, — прошелестели динамики и смолкли, чтобы затем, всем дружно, затянуть привычное и противное «занято».

— Вирусапиенс! — одновременно произнесенное слово повисло в тишине.

— Ему-то это зачем? — спросил Дмитрий, поглядывая, то на Анатолия, то на Жору.

Первым отозвался телохранитель:

— Затем! — выдохнул. — Он — зло!

— Вся наша жизнь — зло! — возразил хакер.

— Ваша — зло! — съязвил Ванькин, и заулыбался, довольный собой. — У вас то батюшка Михаил был виноват во всех грехах, то Вирус, который сапиенс, — пробормотал он.

Дмитрий вскинул руки:

— Нужно срочно найти Вирусапиенса и поговорить с ним.

— Как же! Станет он говорить с нами, — отозвался Жора, поглядывая в сторону окна. — В последнюю нашу встречу он, кажется, мнил себя Богом. Интересно, кто он сейчас?

В кармане вновь заворочался телефон, постепенно набирая силу, исполнил военный марш, бодро пошёл на второй круг.

— Слушаю вас, Юрий Николаевич, — ответил Потемкин, выхватывая вибрирующую пластину.

— Дима, ты не мог бы взглянуть на файл, который я тебе послал, — попросила трубка голосом генерала. — Занятные данные.

— Хорошо, — согласился Потёмкин, сканируя окружающее пространство в поисках, подключенных к интернету, компьютеров. — Я перезвоню.

Яркое пятно работающей персоналки, высветилось едва ли не под рукой живого сетевого устройства. Ноутбук Бейрута жил своей жизнью, производя расчеты, пересылал и получал данные.

Дмитрий живо вошел в сеть, нашел свой почтовый ящик и быстро вскрыл электронную корреспонденцию. Сбросив несколько бесполезных писем в корзину, он подхватил послание от генерала и вышел, на ходу распаковывая длинное письмо.

Перед его глазами замелькали выдержки из милицейских протоколов.

* * *

На улице Профсоюзная, — гласила электронная версия документа — неизвестными людьми была задержана гражданка Сазонова Мария Семеновна.

Приняв незнакомцев за артистов цирка, гражданка Сазонова, проследовала за ряжеными мужчинами. Автомобиль неизвестной конструкции, по словам очевидцев, больше похожий на летающую повозку, парил над землей, с двумя странно одетыми пассажирами. Он светился всеми цветами радуги, мигал огоньками.

Гражданка Сазонова утверждает, что при приближении вышедшего из странного экипажа человека, она ощутила очень резкий, дурманящий запах. Незнакомец, был одет в яркую пурпурную мантию и такие же шелковые штаны. Гражданка Сазонова утверждает, что странный человек, настойчиво повторял один и тот же вопрос: где ваш плейт?

После того как гражданка Сазонова ответила, что не знает о чем идет речь, она неожиданно почувствовала удушье и потеряла сознание. Очнувшись, она не обнаружила ни странной летающей повозки, ни яркого незнакомца, ни сумочки с деньгами.

Странную парочку и автомобиль неизвестной конструкции видели еще несколько человек, оказавшиеся на месте происшествия. По словам очевидцев, автомобиль исчез после того, как гражданка Сазонова упала в обморок. Сумочки в руках потерпевшей никто из свидетелей не наблюдал.

— Хороша гражданка Сазонова, под шумок сумочку себе придумала! — воскликнул Илья, выслушав Потёмкина.

Анатолий хмыкнул и громко выдохнул.

— Творчеки! — воскликнул он, но заметив непонимание во взглядах товарищей, пояснил. — Я уже рассказывал вам об их мире. Ну, тот, — из которого пассия профессора прибыла.

— Эх, мне бы их на своей территории встретить! — пожалел телохранитель. — Я бы показал им, где мой плейт.

Ванькин согласно кивнул, радостно хлопнул кулаком по открытой ладошке.

— Вот только откуда они взялись? — продолжил телохранитель. — Они же не Либерис и перемещаться по ветвям хронодендрида не могут?

— Если так, тогда ты прав, их не должно быть здесь, — прошептал Дмитрий, но тут его внимание привлекла еще одна выписка из файла, присланного генералом.

…Гражданин Петров Анатолий Иванович, двадцати семи лет от роду, проживающий по улице Костанайской в доме номер девять…, выйдя…из квартиры, обнаружил, молодого человека, пытавшегося ключом открыть двери его квартиры.

— Естественно его это не обрадовало, — заржал Ванькин.

После непродолжительной схватки, гражданин Петров нанес злоумышленнику удар в висок мусорным ведром, находившимся в это время у него в руках. От нанесенного удара, злоумышленник упал и через некоторое время скончался.

Прибывший на место происшествия наряд милиции обнаружил труп молодого человека. Внешность покойного в точности соответствовала внешности хозяина квартиры. На вопрос: "Есть ли у вас братья?", Анатолий Иванович ответил, что является единственным ребенком в семье.

Во время осмотра тела, труп молодого человека, на глазах у работников милиции, исчез. (По словам милиционеров — растворился в воздухе.)

По факту исчезновения и убийства ведется следствие. — Дмитрий бегло просмотрел письмо, но читать дальше не стал.

Истории повторялись, как из-под копирки.

— Этот точно не представитель Хомо Либерис! Он даже не знал, что находиться в другой ветви хронодендрида, иначе не стал бы соваться к себе домой, — высказался Анатолий.

— Что-то происходит с древом времен, — прошептал Жора.

Потемкин, нервно дернув бровью, нахмурился.

— Если бы сошлись соседние ветви, отличающиеся на один сдвинувшийся не в ту сторону атом, — было бы понятно. Но эта действительность так далека от нашего мира. И это пугает! Чем дальше ветви, тем больше различий, тем выше потенциальный барьер между мирами и тем сложнее им пересечься.

Дмитрий подошел к окну, машинально потрогал стекло и вдруг резко развернулся на сто восемьдесят градусов.

Взгляд его вначале резко сфокусировался на помаргивающем индикаторе ноутбука, а затем и вовсе исчез из реального мира.

— Черт! — воскликнули губы, живого сервера.

Монитор ноутбука вспыхнул, просыпаясь.

Широкоплечий воин, одетый в блестящую кольчугу, появился на экране и, оглядевшись по сторонам, заорал, что было сил.

— Тромб! Ты где?

Зашуршал песок, осыпающийся с серых стен недостроенных зданий. Ветхие строения удивленно взирали на возникшего в середине площади молодого человека. Разбитые окна дышали тревогой.

— Боже мой! — опешил Дмитрий, замечая царившие вокруг

разрушения и опустошения.

Трухлявые, покрытые пылью времен деревья, потрескавшиеся стены недостроенных дворцов. Под ногами осколки битого кирпича. Вываливающиеся из стен балки, угрожающе нависли над головой. Полное ощущение, что с момента глобальной перестройки, затеянной Вирусапиенсом, прошло не несколько недель, а несколько тысяч лет.

Дмитрий еще раз осмотрелся и тяжело вздохнул. Везде, куда доставал его взгляд, можно было заметить следы разрушений. Словно виртуальная тля поела величественные строения. Некоторые из них до сих пор возвышались над головой, выпячивая проржавевшие балки, прикрываясь дырявыми стенами, напоминающими головку сыра.

Дмитрий не успел пройти и нескольких шагов, как над головой что-то зашуршало. Задрав голову, молодой человек ощутил дуновение холодного ветерка.

Взвыл защитник, не покидающий хозяина в реальном мире и прикрывающий его в сети.

Тоненькая шпилька, венчающая одну из башен, вдруг надломилась. Но вместо того, чтобы упасть вниз, вдруг, стала невидимой. Словно недобрый фокусник набросил на нее магический плащ и, быстро сдернув, обнажил лишь исчезающую тень металлической конструкции. Полупрозрачный силуэт, оседлавший металлический шар, дрогнул и продолжил свою разрушительную работу.

Обезглавленная башня, шевельнулась, как живая.

Наползая на невредимую часть кровли, невидимый зверь выключил вначале наиболее яркие куски изображения. Затем исчезли и блеклые, разваливающиеся балки, поддерживающие остатки строения. Вскоре и они растворились, словно их никогда и не было.

Дмитрий, вытаращив глаза, пялился под ноги. Осыпающаяся на мостовую пыль, превращалась в маленькие холмики нулей и единиц.

— Черт! Это… похуже вируса будет, — недовольно произнес Дмитрий, оглядывая пустую площадь.

Из-за обветшалой деревянной беседки появился прихрамывающий Тромб. Тяжелые, сдвинутые к переносице брови слегка приподнялись, и радостная улыбка на секунду осветила серое лицо воина. Подойдя к Дмитрию, он коротко кивнул и тихо произнёс:

— Я ждал тебя.

— Прости, что сразу не пришел. У нас, там, тоже не сладко, — оправдался Потемкин, закатывая глаза к серому небу.

Воин сморщил нос и тут же спросил:

— Вира не встречал?

Потёмкин отрицательно покачал головой, сжал губы, осматривая потертые доспехи воина.

— Его работа? — кивнул он в сторону исчезающих зданий.

— Если бы! Это что-то чужое… извне, — вздохнул Тромб.

— Что-то бездушное — то ли программа, то ли физический процесс. А может быть закон природы?

Дмитрий вздрогнул.

— Одно знаю, что этот процесс уничтожает любую информацию в пыль, ничто, пустоту!

Тромб резко отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от прозрачной капли, сорвавшейся с крыши. Маленький плевок, едва заметно блеснул в воздухе, шлепнулся о потрескавшийся истертый камень мостовой. В воздух поднялась мелкая пыль, вязкой лепешкой вернулась на землю и тут же исчезла. Оставаясь невидимой, но различимой по движению нуль единичной крошки и кирпичных осколков вокруг нее, маленькая хищница собралась в темную аморфную массу.

Сгустившаяся тень метнулась к ногам бойца, но тот, ругнувшись, быстро отпрыгнул за крупный камень, валяющийся неподалёку. Уплотняющаяся зверушка слепо задергалась на одном месте. Тычась в обломки камней, она измельчала их в цифровую взвесь, сыто распухая при этом.

— Всеядная тварь! — кивнул Тромб, обходя шевелящуюся полупрозрачную тушку. — Пошли отсюда.

— Куда? — спросил Дмитрий, оглядываясь.

— Горев звал, — прошелестел голос исчезающего бойца. — Беда у них.

— Где-нибудь есть место во Вселенной, где сейчас всё в порядке? — пробормотал Потёмкин, догоняя виртуального воина.

* * *

— Здесь, пожалуй, будет хорошо, — пробормотал Пугачёв.

Он не прыгнул следом за Потемкиным, когда тот бежал от всеуничтожающего взрыва сверхновой.

Проследив за исчезновением друга, переместился подальше от вспыхнувшей звезды, чтобы наблюдать за гибелью искусственного светила.

Противоборство разума законам природы завораживало, притягивало взгляд.

Теперь уже вся туманность исчезла в ослепительной вспышке.

Горело пространство, вспыхивало время.

Вячеслав ни с того, ни с сего подумал: "Вне времени и пространства нет материи, возникшая в голове мысль, тут же, сменилась другой: "А я где? И главное — когда я?"

Сверхновая взорвалась, закрывая собой всю видимую Вселенную. Безумство горящей материи продолжалось вечно; плазма, собираясь в огненные жгуты, пронизанная невозможным по законам физики переплетением световых лучей, взрывалась; слепящие огненные цветы распускались в кипящем океане энергии.

Выплескивая в бесконечную пустоту невообразимые потоки энергии, новорожденная заметно пополнела, ощутимо прибавив в объеме, словно ее распирало изнутри. Внутреннее давление росло и казалось, должен наступить момент, когда звезда сбросит верхние слои… но не тут-то было. На жгучем, белом поле, появилась едва заметная тень; даже не тень, лишь намек на нее — легкое облачко.

Это приближающийся чужак коснулся пылающего диска своими невидимыми щупальцами, и тот, почувствовав холодное прикосновение, помрачнел.

Защитник Пугачёва уже не ревел, как раненный носорог. Темная муть защитной пленки, непроницаемой для всех видов излучений и полей, прояснилась.

Заметно потеряв в яркости и катастрофически уменьшаясь, сверхновая перестала слепить затемненные глаза наблюдателя. Испуганно сжавшись, она поблекла и уже не пылала, напоминая раскаленный добела гигантский пятак, один край которого опустили в ледяную воду.

Вместе с угрожающей тенью, медленно и неотвратимо наползающей на звезду, пришло ощущение надвигающейся катастрофы

В горячее гало, окружавшее звезду, наверняка уместилась бы вся солнечная система, но мрачного пришельца не смущали вселенские масштабы атакуемого объекта. Он наступал, неся холод и смерть. Там, где его невидимое тело, соприкоснулось с раскаленной поверхностью, образовалась багровая кромка. Остывающее пятно покраснело. Багровая клякса, расползаясь во все стороны, медленно росла.

Нестерпимый блеск сменился, красным густым свечением, плавно переходящим в багровый полумрак.

Гаснущее светило стремительно сжималось, пока не превратилось в коричневую, едва заметную то ли звезду, то ли планету.

Карлик размером в несколько десятков километров темнел в далекой пустоте. Туманности как не бывало. Словно гигантский пылесос прошелся по окрестностям Ра-преобразователя.

Стерильное пространство на месте гигантского газопылевого скопления: ни звезд, ни планет, ничего кроме темного пятна.

Оглядывая поле боя, Вячеслав заметил мелькающие светляки одиноких плазмоидов, кружившиеся на месте гигантского эллипсоида, но ни самого Ра-преобразователя, ни уничтожившего его темного облака не обнаружил.

— Вот вам и чёрная дыра! — пробормотал Пугачев, глядя на плывущего в пустоте темного карлика.

— Похоже, здесь больше делать нечего — пора домой.

* * *

Сеть атомной станции почти не изменилась со времени последнего посещения Потемкиным.

Пройдя процедуру верификации, Тромб получил доступ к системе, не спеша миновал колючку файервола и вошел в большие ворота, перекрывающие входной шлюз.

Антивирусный сканер, вынырнувший из подворотни, просветил бойца зеленоватыми лучами, и, не обнаружив ничего подозрительного, переключил свое внимание на виртуальную копию Потемкина.

— Строго тут у вас, — заметил Дмитрий, ощущая теплое прикосновение.

Сканирующий луч быстро скользнул по его телу.

Он хотел что-то досказать, но не успел: его остановила противная сирена. Это было еще не проникновение, лишь предупреждение о возможном вторжении. Световой индикатор над входом все еще светился зеленым светом.

Ревун на воротах, завибрировал; заревел, набирая силу.

Отовсюду к пылающей стене сетевой защиты устремились необыкновенные механизмы. Шурша колесами, угрожающе клацая механическими клешнями, программные убийцы выдвинулись на боевое дежурство по охране периметра файервола.

По внешнему виду противовирусная братия походила на бригаду радиоуправляемых газонокосилок. Являясь на самом деле очень эффективными убийцами, шустрые автоматы легко вылавливали самые разнообразные программные вирусы. Вот только в борьбе с Вирусапиенсом, как показала практика, толку от стандартных программ не было никакого.

Тромб быстро отыскал программу, прикрепленную к драйверам внешней камеры, и включил ее.

Измученное лицо администратора сети возникло перед виртуальными гостями. Директор программного хозяйства громко сопел, упираясь мясистым носом в маленькую пуговицу микрофона.

— Ядрена вошь! Мы пришли! — заорал Тромб, и внешние динамики, многократно усилив его голос, взорвали тишину компьютерного зала.

Опухшее лицо вздрогнуло и мгновенно исчезло из поля зрения.

— Ребята! — радостно воскликнул Горев, втискивая в фокус видеоустройства опухшее лицо. — Как я рад вас видеть! А я только, только приуснул.

— Давай по делу! — остановил администратора Дмитрий. — Времени мало, — пояснил он, глядя на скисшее лицо собеседника.

— Я собственно и хотел по делу, — оправдался Горев. — Однако дела наши непонятные.

— Не томи! — сморщился Потёмкин.

Юрий качнул головой. Потянулся. Выцветшая футболка приподнялась, открывая выпирающий живот.

— Намедни нас посетили высоколобые академики-атомщики, — хакер зевнул и быстро прошептал. — Похоже, нас скоро законсервируют.

Толстяк, воровато оглянулся и, кривляясь, чужим голосом продолжил:

— В таких условиях станция не может функционировать нормально!

— Неспецифичное замедление реакции, требует от нас принятия адекватных мер, — продолжил представление пожилой пародист.

Закончив кривляться, задумчиво уставился на экран.

— Что значит, замедление реакции? — поинтересовался Дмитрий.

— Ядерная реакция протекает нестабильно, с явным замедлением. Энергии на выходе в полтора раза меньше, чем должно быть. Она куда-то исчезает. Что, априори, невозможно, — прогнусавил Горев. — Сам Ёзев — глав ум, — пояснил компьютерщик уважительно, — не смог придумать даже спорной гипотезы, отчего это происходит.

— Ии? — протянул Дмитрий, видя, что компьютерщик замолчал.

— Все характеристики процесса изменились, — продолжил

тот, переходя на нормальный тон.

— И, что? Сильно изменились? — поинтересовался Тромб.

— Я компьютерщик! — возмутился Горев. — Самые лучшие из наших специалистов-атомщиков и те в растерянности. И главное, никто не знает, к каким последствиям это может привести? — он замолчал. Скучно перебирая клавишами клавиатуры, опустил голову.

— Не нужно быть гением, чтобы понять, что ни к чему хорошему это не приведет, — пробормотал Тромб.

— Наверное, ты прав, — согласился Юрий. — Даже самые ярые оптимисты не могут найти ничего утешительного в нынешней ситуации. Они, как мне кажется, до сих пор в свои расчеты поверить не могут. Или не хотят. Считают — думают — лоб чешут. Ядерщики! — уважительно прошептал компьютерщик, вздрагивая от звуков сирены, просочившейся в зал.

Ядовитый рев заметался между стенами.

Полноватое тело Горева резко взлетело над креслом.

— Прорыв! — воскликнул Тромб, оглядываясь на ворота, над которым красным пятном пылало световое табло.

— Кто это? — завопил Юрий, вонзаясь мелькающими пальцами в клавиатуру.

— Что это? — завизжал он, вглядываясь в экран, словно увидел приведение.

— Это, брат мой, абсолютное зло — Демон пустоты! — ответил Тромб, отходя подальше от растворяющихся, как сахар в воде, ворот.

Массивные деревянные створки, прикрывающие вход в сеть медленно осыпались двоичными символами. Метровая волна киселеобразной жижи хлынула в освободившийся проём.

— Зови спецов! Пусть отключают рубильник, пока не поздно!

— Вручную атомной станцией еще не научились управлять? — спросил Потемкин.

Нехотя отодвигаясь к пылающей стене, он неотрывно смотрел на Тромба.

Холодок, зародившийся в районе сердца, быстро заполнил грудную клетку, не давая полно вздохнуть, мешал думать.

— Есть тут еще выход? — спросил Дмитрий, удивляясь спокойствию товарища.

Сам он суетился. Вышагивая вдоль надвигающейся кромки прозрачного желе, нервно поколачивал сжатым кулаком открытую ладошку.

— Вот уж, воистину, — кисельные реки, — прошептал он, вытягивая руки вперед.

Яркие молнии, сорвавшись с кончиков пальцев, ударили в

растекающуюся аморфную массу, вошли в нее, не вызвав никаких изменений.

— Молочные реки и кисельные берега, — поправил Тромб, оставаясь невозмутимым.

— А выхода нет, брат!

Он не суетился, не дергался, оставаясь на одном месте, хладнокровно ждал встречи с наступающим монстром.

Гигантская амеба, превращаясь в озеро густой клейкой массы, не торопясь втискивала свое тело в расширяющееся отверстие файервола, постепенно заполняя пространство сети. Сквозь прозрачную толщу можно было видеть погибающие, рассыпающиеся на цифры, предметы.

— Уходите! — завопил Юрий, склоняясь над монитором, забывая о ревущей сирене.

Боец, развёл руками.

— Некуда уходить! — спокойно произнёс он.

— Энтропийный червь? — удивленно воскликнул неизвестный гнусавый голос за спиной Горева.

В компьютерный зал ввалилась шумная компания, замелькали белые халаты, послышались резкие голоса.

Горев, не поворачиваясь к вошедшим, кивнул, превращаясь в барабанщика, выстукивающего на клавишах призывный набат.

Шумящая компания вплотную приблизилась к администратору. Лысая голова, выступающая над массой белых шапочек, повернулась к монитору, удивленно уставилась на экран умными, однако, подслеповатыми глазами. Ученый, заглядывая через плечо Горева, покачал головой:

— Вы не правы коллега!

Выступив вперед, обладатель больших очков, и хилого, но очень высокого тела, кивнул на экран:

— В данном случае энтропия уменьшается, а энтропийный червь просто обязан увеличивать ее. Что может быть более упорядоченно, чем ряд, состоящий из одних только нулей…или единиц?

— Вы неправы коллега, — повторил обладатель «высокого» интеллекта.

— Что это? — удивленно воскликнул старичок, согнувшийся под грузом лет и тяжести жизненного опыта. — У нас тревожное оповещение, а вы в игры играете? — укоризненно запищал он над ухом озадаченного администратора.

Реликт прошлого века, сотрясая воздух над головой Горева костлявой рукой, пытался оттеснить его от рабочего места. Он был возмущен.

— Нужно прекратить это безобразие! — вопил настырный

сторонник порядка.

Обладатель нездоровой носоглотки, не желал сдаваться.

— И всё-таки я настаиваю на энтропийном характере процесса, — продолжал гнусавить он.

— Уходи! — закричал Дмитрий, поворачиваясь к Тромбу и ощущая, как резкая боль пронзила ногу. Поднимаясь вверх, коснулась колена, поползла по бедру.

Потёмкин отказался от ощущений виртуального тела, отключая стимулятор нервных окончаний, опустил глаза и обмер.

Оказывается, он неосторожно вступил в наползающее желе. Нога надломилась и резко провалилась в прозрачную клейковину.

"Нисколько не похоже на червя", — Дмитрий, всматривался в приближающуюся поверхность, быстро съедавшую ногу. Он не мог оторвать взгляда от нелепых, невозможных цифр, отслаивающихся от его виртуального тела. Его ноги, разваливались на цифры. Тяжелые единицы, медленно опускались на дно; а легкие нули поднимались к поверхности. Не добравшись до поверхности, они бесследно исчезали.

Дмитрий задергался, пытаясь выбраться из болота, пожирающего его тело, но все попытки заканчивались тем, что он погружался еще глубже. После очередного рывка он, наконец, осознал тщетность усилий и замер, стараясь не делать лишних движений.

Он был зол на себя. Тело, растворяясь, погружалось в прожорливую лужу, а он ничего не мог поделать. Голова неуклонно приближалась к прозрачной поверхности, словно он шел по быстро опускающемуся дну.

"Нужно было создать себе крылья, летал бы сейчас, — неожиданно пришла на ум, показавшаяся вначале дурацкой, идея. Но через мгновенье она уже не казалась бестолковой. — Бейрут, с его крыльями, вот кто нам нужен!"

Поворачиваясь к загнанному в угол Тромбу, он крикнул:

— Не сдавайся!

Холодная противная масса, касаясь шеи, подбиралась к подбородку.

— Плевать! — прошипел Дмитрий.

Он старался не обращать внимания на приближающийся киселеобразный растворитель.

— Бейрут! Тромб на станции у Горева! — завопил он, во всю глотку, пытаясь таким образом усилить мысленный призыв, всколыхнувший пространство хакерской комнаты.

— Помоги!

Голова уже не шевелится. Шея исчезла. Вялотекущая гадость надвигается со всех сторон. Подбирается к глазам. Медленно.

Всеядный червяк не спешит.

Потёмкин скосил глаза в сторону воина.

— Я столько раз погибал в своих прежних жизнях, что решил: так будет всегда! — дерзко и весело произнес тот. — Однако, я не Бог.

— Дружище, держись! — закричал Потемкин, ощущая, что смертельная волна приближается к его ушам. Над поверхностью осталось только его лицо.

В последний момент он услышал, как в воздухе захлопали гигантские крылья, и наступила мертвая тишина. Для Дмитрия звуки виртуального мира пропали. Он оглох, точнее, остался без ушей.

Краем глаза заметил громадную тень, мелькнувшую над останками головы, и в поле зрения показалась фигура летучей собаки. Мокрая, гибкая тварь быстро приблизилась к Тромбу. Короткая шерсть, бугрящиеся мышцы, длинные острые когти — крылан осторожно планировал. Подхватив бойца за плечи, взмахнул большими кожистыми простынями-крыльями и едва не коснулся потянувшейся к нему «волны». Взвизгнув, рванулся ввысь. Еще секунда и Бейрут, сжимая в когтях смеющегося бойца, тяжело взмыл в серое небо.

— Не отвлекай больше — некогда! — прошипел в голове голос хакера, и в тот же миг холодная темнота поглотила виртуальные глаза Дмитрия.

— Аминь!

* * *

— Аминь, — прошептали губы вынырнувшего из виртуального мира Потемкина.

— Вот за это я и люблю путешествия по Сети? — воскликнул он, открывая глаза и вглядываясь в лица друзей. Жора, Илья, Анатолий — все здесь, кроме Бейрута. — За радость возрождения! Умираешь и рождаешься вновь и вновь.

— Можно уже свою религию создавать, — Жора, на секунду оторвался от клавиатуры, — обещая всем бессмертие в Сети.

Воздух в хакерском убежище вдруг сгустился, в центре комнаты возник светящийся кокон. Из подрагивающего сгустка, выскочил возбужденный Пугачёв. Пригладив белые волосы, вставшие на макушке дыбом, он тут же мигнул — исчез и появился возле окна.

Вновь застучали смолкшие на мгновенье клавиши — замелькали танцующие над клавиатурой пальцы. Жора скосил

глаза на прибывшего представителя Хомо Либерис.

— Скоро ходить разучишься! — кивнул он, приветствуя Пугачёва.

— Скоро мы все ходить разучимся, так как попросту исчезнем, — выдохнул Вячеслав мрачно. — И мы, и вся наша Вселенная!

Прикасаясь к серебристому ободку, охватывающему голову, добавил:

— Навсегда!

Защитник, едва слышно загудел, прикрывая хозяина от любых — мыслимых и немыслимых — вторжений.

Глядя на друга, Потемкин вспомнил о звездных баталиях в туманности гуорков; вытащил на поверхность памяти сетевые перипетии способные уничтожить не только компьютеры, но и разум, создавший их; присовокупил странные милицейские отчеты, озадачившие ведомство генерала.

"Я не успеваю за событиями, — признался он себе. — Пирамида рушится со всех сторон одновременно, а мы ничего сделать не можем".

Ему вдруг стало страшно, а все, что было до этого, показалось разминкой перед серьезными испытаниями. Уже не Земля — весь мир, погибал, рушился на глазах.

— Ра ушел? — с замиранием сердца спросил он.

Вячеслав, казалось, не услышал его. Удивленно распахнув глаза, он вглядывался в потемневшее стекло окна.

— Ваш друг скоро в любую голову, как к себе домой, заходить будет. Через защитника прёт, не останавливаясь, — восхищенно произнес он.

Резко повернулся к Потёмкину.

— Насовсем ушел, — ответил запоздало. — Нет больше Ра, нет больше гуорков! Вползла змея в гнездо и сожрала все яйца.

В воздухе повисла тяжелая, напряженная тишина. Если бы в этот момент в комнату влетела муха, то ее неизбежно разорвала бы беззвучная вибрация, порожденная натянутыми нервами молодых людей. Однако муха не влетела, и напряжение постепенно спало.

— Почему? — тихо спросил Дмитрий, с трудом замедляя взволнованное сердце.

— Не знаю. То, что ты видел, — я даже не знаю, как это назвать, существо или процесс — вмешалось, и сверхновая едва родилась и тут же потухла, вопреки всем законам природы. На ее месте остался только коричневый карлик и несколько сотен гуорков. Никакой черной дыры. Вот только…

Потёмкин, вскинув брови, ожидающе уставился на друга.

— Чего понять не могу, так это: куда делся Ра-преобразователь? Не мог же многокилометровый артефакт раствориться в пустоте. И Русса.

— Что Русса?

— Не знаю, — буркнул Вячеслав, вскидывая руку. — Все время был рядом, а потом, вдруг — я и не заметил когда — исчез.

Время замерло.

Окно, на которое смотрел Пугачёв, покрылось сеткой мелких трещин. Стеклянная поверхность взорвалась, выбросив в лицо тысячи мелких осколков. Рявкнул защитник, останавливая стеклянную крошку, сбивая прозрачную пыль на пол.

Следом за кристаллической шрапнелью в комнату влетел сжавшийся Бейрут. Он напоминал отстреливающегося — в старых вестернах — ковбоя, только вместо пистолета хакер сжимал в руках небольшой пластиковый куб. Направляя его в сторону окна, Бейрут сжимал и разжимал пальцы.

Гудящий прибор нервно моргал. Выходящие из него синеватые лучи, расходясь веером, прикрывали отход Бейрута. Светящийся зонтик преградил путь стеклянным осколкам и ошмёткам раскаленного вещества.

Яркий экран лишь на мгновенье задержал нереальную процессию, возглавляемую виртуальным разбойником.

Именно этого мгновенья хватило Вячеславу, чтобы качнуть головой.

Его защитник щелкнул и светящаяся сфера, окружавшая тело, открылась. Силовая стена метнулась к окну, преграждая путь влетающему в комнату огненному потоку.

Стены квартиры содрогнулись от далеких взрывов, а сквозь прозрачную преграду проступила бушующая огненная стихия. Сгустки раскаленной материи беззвучно бились в прозрачную преграду и, быстро затухая, опадали, непонятным образом пропадая из виду.

— Что за черт? — пробурчал Бейрут.

Изрядно закопченный, но непобежденный, хакер недовольно сдвинул выгоревшие брови.

— По отдельности — да, а вместе — ерунда! — произнес он, и невольная улыбка раздвинула его тонкие губы.

Светящийся кубик в руках заискрился, исходящие от него лучи потемнели, превращаясь в непрозрачную стенку. Опустив непонятный прибор на подоконник, Бейрут тронул рукоятку джойстика, торчащую из маленького куска пластика. Непрозрачный щит изменил форму и надвинулся на оконный проём.

Поворачиваясь к замершим зрителям, хакер громко заявил:

— Не получилось и в этот раз!

Разводя руками, двинул плечами вверх:

— Взрываются мои программаторы.

Дмитрий молча кивнул, но вдруг широко открыл глаза.

— А почему мы ещё здесь? — воскликнул он.

Громко скрипнул кожаный плащ, из-за спины показалось вытянутое лицо атлета.

— А где, по-твоему, нам еще быть? — удивился Ванькин.

Напрягая мышцы, он повел головой, хрустнул бычьей шеей. Видимо так напрягся, — на всякий случай.

— Я же говорил, — сказал Потемкин и с сомнением добавил, — кажется, — он оглядел товарищей, — что как только изменяются программаторы, изменяется и наша действительность, а нас отбрасывает в прошлое. Мне, даже кажется, что этим кто-то управляет. Уж больно похожи все эти скачки в прошлое, на проявление чьей-то разумной воли. Словно кому-то очень не нравятся творения Бейрута, и он правдами и неправдам старается вырвать воспоминания о них из нашей памяти.

Бейрут повернул черное от копоти лицо.

— Если предположить, что какая-то сила противостоит нашим попыткам изменить этот мир, — прозвучала в голове Потёмкина, четкая мысль хакера, — отталкивая нас подальше от вполне определенных моментов во времени, то теперь она должна придумать что-нибудь другое. Если же мы не забываем о настоящем, то какой смысл толкать нас в прошлое?

"Логично!" — подумал Дмитрий, автоматически активируя защитника.

Всякий раз, сталкиваясь с мысленным разговором, молодой человек пугался и закрывал свою мыслесферу.

"Пора бы уже привыкнуть", — мелькнуло в голове.

Потёмкин неожиданно подумал о Тромбе и, одновременно с этим, в его голове появилась новая мысль Бейрута:

"Не переживай, боец цел! Я доставил его в большую Сеть".

Потёмкин уперся в хакера выпученными глазами.

"Он отвечает, на вопросы раньше, чем я успеваю подумать, — испуганно завопило его внутреннее я. — И это через защитника!"

— И чего вы все, так боитесь за свои мысли? — возмутился Бейрут. — Лучше бы думали: как спасти наш мир?"

Дмитрий вспомнил слова Вирусапиенса и неожиданно понял, на кого похож сейчас хакер.

"Попробую исправить свои программаторы", — подмигнув, улыбающееся лицо Бейрута исчезло.

Время двинулось назад, но на этот раз как то неторопливо.

Невидимый киномеханик неспешно отматывал записанную на исторический проектор пленку, пытаясь отыскать нужный ему момент.

Дмитрий, метнулся в сторону; закрепился, наблюдая за движущимся вспять временным потоком.

Защитник Вячеслава прыгнул к хозяину, прикрывая его сияющей сферой. Огненный сгусток возвращаясь, исчез в оконном проёме.

Стеклянная пыль, собираясь в небольшие кристаллы, взлетела в воздух. Куски стекла, устремились к оконной раме, встраиваясь в единый, прозрачный лист. Вот только чего-то в этом хронофильме-наоборот не хватало…

Потёмкин заглянул вперед: еще на несколько мгновений в прошлое.

Конечно же! Как он мог не заметить? Бейрут!

Вот кого на демонстрации, вывернутой наизнанку, не было! Бейрут исчез ещё до включения обратной перемотки.

Время, вновь поменяв направление на нормальное, двинулось, как и положено, от прошлого к будущему.

"Неужели он уже в силах и влиять на действительность и…" — не успел додумать Дмитрий. Хлопнув глазами, решительно шагнул вперед…

— Аминь! — губы, казалось, жили своей жизнью, а голова продолжала искать ответы на непрерывно зарождающиеся вопросы.

"Если, на этот раз, киномеханик — Бейрут, то почему он отмотал так мало пленки?" — спросил Потемкин себя.

"Ему нужно было лишь вернуть свои программаторы", — решил он и успокоился. Открывая глаза, улыбнулся ожидающему Жоре:

— Вот так мы и меняем наш мир. Нарушаем установившиеся связи, создаем новые ветви, там, где их быть не должно. А потом удивляемся, когда Вселенная бьёт нас по рукам, как нашкодивших детей.

Жора хлопнул глазами, нахмурился, покачал головой, давая понять, что ничего из сказанного не понял.

— Я к Юрию Николаевичу, — отстраняя недовольного хакера, Дмитрий шагнул вперед.

— Нужно срочно найти Вирусапиенса, — пояснил он и исчез, растворившись в заискрившемся воздухе.

* * *

Окружающий мир скакнул, исчезая впереди; тело, привычно вывернуло наизнанку; растянуло, разбросав на атомы, чтобы через мгновенье собрать в единое целое в Светкиной квартире.

Однако что-то пошло не так, и живая цепочка, вытянувшаяся в пространстве, вдруг задрожала, готовая в любой момент осыпаться, несвязанными атомами.

Дмитрий увидел возвращающийся мир, ощутил тело, возникшее рядом. Только смотрел на себя он со стороны, смотрел и не мог понять: как такое могло случиться? Он не смог слиться со своим телом, не мог втиснуть в него своё сознание.

Что-то мешало. Или кто-то мешал.

— Тебе чего? — поинтересовался знакомый голос.

"ПервоДим!" — решил Потёмкин, и испугался.

— Но как? — возмутился он. — Ты же не должен быть в моем теле.

— Зачем мне лезть в твои мозги? — удивился ПервоДим. — Мне и в своей голове неплохо.

Дмитрий присмотрелся и понял, что ломится не в своё тело.

Слабая оболочка, атрофировавшиеся от долгого лежания мышцы, руки, повисшие тонкими плетьми вдоль худого тела.

— Что происходит? — завопил он, обращаясь к одной из своих ипостасей. — Ты ведь не можешь перемещаться по ветвям хронодендрида.

— Или, уже можешь?

— Я в своём мире! — уверил ПервоДим.

Он развел руками, словно приглашая Потёмкина в свою Вселенную.

— Но я же не пересекал барьера, — оправдался тот. Ощупывая окружающий мир глазами своего далекого двойника, выглянул наружу, за стены больничной палаты.

Несмотря на внешнюю схожесть, местная реальность никак не могла быть миром Потёмкина. Для привычной Земли слишком много колючей проволоки, слишком много заграждений и бесконечные километры рвов. Всюду боевая техника, военные, шлагбаумы, пропускные пункты. Окрики солдат и безропотные, согнувшиеся серые фигуры.

"Здесь жить нельзя!" — мысли рванулись прочь, подальше от планетарной клетки.

Окружающий мир исчез, и через мгновенье появился вновь, проступая туманными силуэтами домов, понёсся навстречу.

Почувствовав привычное тело, Дмитрий облегченно вздохнул, шагнул вперед и очутился на пустынной полутёмной улице.

"Где-то недалеко от дома Светика, — решил он,

осматриваясь. — Прицел сбился, однако. Чукча меткий, но легкий".

Шутка не прошла. Улыбка растеклась угловатой гримасой, оставив на душе неприятный осадок. Себя не обманешь.

Воздух над головой дрогнул, что-то большое и неправильное надвинулось из темноты, едва не заставив Потёмкина вновь прыгнуть в неизвестность. Только страх затеряться в пространстве и времени без тела остановил молодого человека.

Сверху, выступая прямо из стены пятиэтажки, зависла большая пластиковая буква Д, а рядом — с боков — лишь обозначились соседние символы, исчезающие в тумане искривленного пространства.

Бросив взгляд на нелепую конструкцию, Димка двинулся в сторону генеральского дома.

Вопросы рождались в голове один за другим, выстраиваясь в цепочку, образовывали некое подобие головоломки.

Зайдя за угол, Потёмкин открыл рот от удивления. Вместо уютного маленького дворика с покрашенными яркими скамейками, перед ним предстала уходящая вдаль широкая полоса вырубленных деревьев. Гигантские сосны — не обхватишь — плотным частоколом вытянулись с обеих сторон просеки.

Димка ощутил себя маленьким обманутым ребенком, ставшим участником большого циркового представления.

— Это мираж! — убежденно прошептал он и зашагал вперед, туда, где должен быть дом Светланы.

Просека, смущенно дрогнув, поплыла над землей.

Еще шаг и вечнозеленая стена растаяла, уступив место нелепым, прижавшимся к земле металлическим скамейкам, ярким качелям, собранным из кусков тех же труб, бросающемуся в глаза мусору.

Дмитрий вошел в подъезд.

"А, в общем-то, было бы неплохо, — мелькнула в голове мысль, — если бы и город, и лес… одновременно, — без мусора и вони, без дыма и пыли", — додумал он на ходу.

Подойдя к знакомой двери, ткнул пальцем в кнопку звонка.

* * *

— Ну хорошо, а мы чем займемся? — поинтересовался Анатолий, как только силуэт Потёмкина растаял в воздухе.

— Отец Михаил! — воскликнули одновременно Илья и Жора.

При этом здоровяк недовольно покосился на окно и погрозил кулаком невидимому Бейруту.

— Шарит гаденыш по мозгам, как у себя дома. Скоро мы все под его дудку плясать будем, — возмутился Илья.

Помолчал секунду и задумчиво продолжил:

— Интересно, а если кастрюлю на голову одеть?

— Димыча защитник не спасает, а он кастрюлей скрыть свои мыслишки собрался! Изобретатель-рационализатор хренов! — едва сдерживаясь, проговорил Жора.

— Защитник может и не спасет, а вот кастрюля… нет каска. Точно, каска! — обрадовался Ванькин.

— А может для надежности чугунок из печки! — засмеялся Анатолий.

Но Илья не собирался сдаваться.

— Вы вот ржёте, а кто-нибудь пробовал? — вызывающе спросил он.

Комната взорвалась от смеха.

Согнувшийся пополам Жора отошел к стене; Анатолий гоготал громко, не прячась. Только Пугачёв не принимал участия в веселье. Он о чем-то размышлял. Но по заломленным вверх уголкам рта, было видно, что и он не пропустил разговор приятелей мимо ушей.

— Представляю! — с трудом выдохнул Анатолий. — Ванькин с чугунком на голове.

— С метелкой, и морковкой вместо носа, — сквозь смех выдавил Жора.

Сжатые кулаки взлетели в воздух, побелели сжатые губы, молнии в глазах вспыхнули, превращая обладателя злобного, горящего взгляда в мифологического злодея. Пышущий жарким дыханием «Минотавр» глянул на мгновенно притихшего Жору, ожег взглядом смеющегося телохранителя и уставился на стоящего в сторонке Пугачёва.

— Вам весело? — прошипел побагровевший Илья.

Темнеющие зрачки расширились, холодный металл полностью залил глаза, превращая их в два ртутных зеркала. В воздухе запахло горелым, под ногами раздался громкий треск раскаленного бетона.

Ванькин запылал всеми цветами радуги. Оставляя за собой светящиеся следы, и не замечая ничего вокруг, он, решительно разгоняясь, двинулся к подрагивающему окну.

— Постой дружище! — громко произнес Вячеслав. На мгновенье исчезнув, появился прямо перед пылающим болидом, мчащимся к скрытому убежищу Бейрута.

— Погоди! — только и успел произнести он, закрываясь в прозрачный кокон защитника.

Беззвучный крик полоснул по нервам притихших зрителей.

Защитная сфера прогнулась, принимая удар массивного тела и, вытолкнув здоровяка, сдвинулась в направлении окна.

Отброшенный назад, взбешенный Минотавр ревел раненым зверем. Нагнув голову, и напрягая шею, взбугрившуюся черными венами, атлет снова ринулся вперед.

Нечеловеческий взгляд на мгновенье исчез, уступая место ясному взору. Тело, продолжая свой путь, в очередной раз врезалось в защитника, сминая прозрачную оболочку, втолкнуло Пугачёва в оконный проём.

Анатолий метнулся навстречу, но не успел.

Стекло вдруг затуманилось, покрылось водной рябью. Сквозь прозрачную подрагивающую поверхность проступил бесконечный зал. Мелькнула дымящаяся фигура Бейрута. Отсутствующий взгляд хакера лишь коснулся незваных гостей.

И тут же клубок защитных полей и раскаленных тел исчез в бесконечном полумраке, оставляя за собой неповрежденное оконное стекло.

— Ты что-нибудь понял? — поинтересовался Анатолий, поворачиваясь к Жоре.

Тот молча покачал головой.

— Нет.

Стекло в очередной раз пошло волнами и в комнате показался очеловечившийся и немало смущенный богатырь.

Жалобно скрипнул кожаный плащ.

Ванькин сконфуженно опустил голову и тихо прошептал:

— И что на меня нашло?

Гигант, пожимая мощными плечами, поднял мгновенно отвердевшее лицо и недовольно зашипел:

— Ну, что уставились? Айда в храм!

Здоровяк кивнул, призывая слушателей двигаться за ним. Пройдя пару метров в направлении двери, он повернулся; натолкнувшись на непонимающий взгляд Анатолия, пояснил.

— Нужно найти отца Михаила.

— Бейрут попросил, — оправдался Илья, смущенно скосив глаза в сторону улыбающегося Жоры.

Молодые люди, зашевелились.

Жора оделся, на ходу подхватывая ноутбук, поспешил за атлетом.

Анатолий напротив — совсем не спешил, всем своим видом показывая, что не намерен подчиняться Ванькину.

Когда же здоровяк обернулся и недовольно хмыкнул, неутомимый знаток социалистического реализма быстро напел:

— В гости к богу не бывает опозданий.

И нехотя двинулся следом.

* * *

Втиснутый в лабораторию Бейрута, Пугачев не сразу пришел в себя — слишком яростной оказалась атака здоровяка.

Удивленно выпучив глаза, он всматривался в световые сполохи, окружавшие его со всех сторон. В колеблющемся воздухе, вспыхивали полупрозрачные непонятные символы. Проплывая мимо, они собирались в странные длинные змеи-формулы и, удаляясь, исчезали. На их месте появлялись новые знаки, складываясь в еще более сложные невесомые конструкции, вращаясь и втискиваясь в многомерные математические построения, сплетались друг с другом.

Вячеслав открыл рот от удивления. Ничего подобного он нигде и никогда не видел в своих путешествиях.

Неестественность происходящего усугублялась тем, что все окружающее пространство постоянно изменялось, картинка ни на секунду не оставалась на месте, куда-то двигалась, перетекала, неприятно дышала — словно живая, вызывая головокружение и тошноту.

Пугачёв, испуганно наклоняясь, — ему вдруг показалось, что прямо на него летит громадный камень — неуверенно шагнул вперед. Поворачивая голову, он проводил булыжник глазами, и только когда тот отдалился, понял, что видел очередное скопление непонятных символов. За спиной послышался шум.

Вячеслав поспешил повернуться и уперся взглядом в мутную пленку окна. На дымчатом экране можно было различить нечеткую картинку, демонстрирующую обстановку комнаты хакеров.

Очередной цифровой массив, мелькнув перед лицом, рассыпался на отдельные символы, и Вячеслав изумленно икнул, разглядывая жилище компьютерщиков. Вглядываясь в непонятные и непостоянные предметы, он словно смотрел на каждый из них изнутри, вот только вместо атомов перед ним представали всё те же цифры, символы и знаки.

Перед глазами замелькал размазанный силуэт, и он вдруг понял, — скорее почувствовал — что видит человека. В голове задрожали изменяющиеся синусоиды.

— В гости к богу не бывает опозданий, — произнесла математическая абстракция голосом Анатолия.

С трудом фокусируя взгляд на исчезающей в дверях спине телохранителя, Вячеслав вдруг понял, что нужно делать, чтобы капризное изображение не сползало в плоскость непонятных формул и дурацких символов.

— Ты видишь? — удивился Бейрут, появляясь перед

неожиданно прозревшим Пугачёвым.

— Ты хочешь сказать, что это, — поинтересовался Пугачев, разводя руками, — видят не все?

Хакер кивнул:

— Пока никто! Кроме меня, конечно. Для остальных это обычное, хоть и очень большое, помещение с…

Вячеслав ничего не слышал, вытаращив глаза, он вглядывался в клубящийся цветной туман и перед ним действительно открывался бесконечный зал, без стен и потолка. Горящие кляксы покачивались над уходящей к горизонту равниной. Целое море огненных цветов.

Подойдя к одному из них, он понял, что сгусток раскаленной материи живет своей жизнью, постоянно изменяя свою структуру, становясь все более похожим на один из галактических дисков, которых Вячеслав повидал в изобилии; он даже знал на какой именно. Вот только…

Восприятие в очередной раз взбрыкнуло, выталкивая его в мир математических абстракций. Перед глазами, на месте Галактики, закружились едва заметные ленты иероглифов, сливаясь в гигантское облако, замелькали многомерные матрицы формул. Иногда сложнейшие конструкции исчезали, уступая место изящным силуэтам, сложенным из несчетного множества нулей и единиц.

— Фу ты, ну ты! — выдохнул Вячеслав, тряся головой. — С ума сойти! И здесь программы?!

— Человек, видящий скрытые от других закономерности, всегда чуточку сумасшедший, — усмехнулся Бейрут.

Пугачёв, в очередной раз, доверившись обычному зрению, взглянул на комнату хакеров. Сквозь полупрозрачную стену увидел громадного пса. Мокрый, грязный он вращал головой, словно пытался услышать кого-то.

— Цербер! — позвал Бейрут, вытягивая руки.

Зверь метнулся к окну, но замер, останавливаясь перед прозрачной поверхностью, радостно виляя хвостом, гавкнул.

Он явно видел стоящих за невидимой перегородкой людей.

Нерешительно сунув морду в стекло, пёс радостно пискнул и устремился навстречу Бейруту.

Вячеслав замер, разглядывая измазанного сенбернара, задумчиво пробормотал:

— Цербер?

Зверь словно услышав знакомый голос, повернулся и заглянул в расширенные глаза Пугачёва.

— Черт возьми, это мой прон… — воскликнул тот, мотая головой из стороны в сторону. — Но как?

Цербер вдруг подпрыгнул, клацнул зубами, приземляясь обиженно зарычал.

"А впрочем, почему бы и нет", — успокоил он себя. Замечая, что четвероногий друг пытается схватить очередной цифровой артефакт, плывущий над его башкой, громко засмеялся.

— Фантастика! Но и он видит информацию, — раздался в голове голос Бейрута. — Я вот о чем хотел спросить.

Пугачёв нашел глазами хакера. Тот, зависая над шаровым звездным скоплением, яростно выстукивал на громадной просвечивающей клавиатуре одному ему понятный «марш». Прозрачный шлем на его голове, то появлялся, вспыхивая всеми цветами радуги, то исчезал.

— Как ты смог создать свою программу-проникатель? — Бейрут повернулся.

— Если я правильно понимаю, именно с этого прона всё и началось, — предположил он, забираясь в мысли Пугачёва и демонстрируя тысячи картин меняющегося на глазах Мироздания. Мыследема исчезла, оставляя после себя чувство сожаления, перемешанное с нескрываемым любопытством.

В ладонь уткнулся влажный нос сенбернара, и шершавый язык неторопливо заскреб по пальцам. Выказав молодому человеку особое расположение, пёс уселся рядом, подставив квадратную голову под руку. Вячеслав попытался мысленно вернуться ко времени написания первого прона, но с удивлением обнаружил, что не помнит даты первого сновидения, после которого в голове его прочно засела мысль, которая и привела к созданию программы.

Посмотрев в большущие глаза собаки, он вдруг вспомнил и день, когда ему приснился странный сон, и место где он впервые увидел сенбернара.

Он сидел в парке, а маленькая копия Цербера расположилась на скамейке, напротив, на руках пожилой женщины. Тут же вспомнился внимательный взгляд очень умных, пронзительных глаз. А вот, что было дальше, Вячеслав не помнил.

— Я и сам не перестаю думать об этом, — проговорил он. — Такое впечатление, что кто-то вырвал куски жизни из моей памяти. Но для чего?

— Кончай копаться в мэмори архивах, — буркнул хакер. — Я уже все, что хотел, увидел. И у тебя чья-то подсказка извне. Все ясно!

— И что же тебе ясно? — Вячеслав, касаясь мыслесферы Бейрута, отпрянул, словно его ударило электрическим током.

— Не лезь. Все равно не разберешься.

— А ты не слишком самоуверен?.. — пытаясь сопротивляться,

Вячеслав совершил мысленный прыжок в голову Бейрута.

— Нет, не слишком, — ответил тот, открываясь.

Сознание Пугачёва погрузилось в водоворот информации, изменяющейся с такой скоростью, что он, не успевая выхватывать отдельные мысли, тут же выпрыгнул назад.

— Ты как суперкомпьютер! — воскликнул он.

В голове при этих словах возник образ исчезнувшего эллипсоида гуорков.

Мысль о Ра-преобразователе, с тех пор как он вернулся на Землю, не давала Вячеславу покоя. Он не знал, что его тревожит, но постоянно возвращался к размышлениям о гигантском вычислителе плазмоидов. Ему вдруг показалось, что нынешние проблемы без странного артефакта гуорков решить не получиться. Вот только где он сейчас, куда делся Ра-преобразователь?

— Думаешь, представление со взрывом Сверхновой, было разыграно плазмоидами для отвлечения внимания? — неожиданно спросил хакер, подслушав мысли Пугачёва. — Чтобы смыться под шумок.

— А ты бы, что подумал? — поинтересовался тот. — Звезда ведь осталась на месте, а эллипсоида будто и не было.

Говоря это, Вячеслав посмотрел на комнату хакеров и с удивлением обнаружил в воздухе следы присутствия Анатолия. Телохранитель давно вышел, но в воздухе висела, едва заметная дымка плавающих символов, составляющих контур человеческого тела. Подойдя к окну, Пугачев выглянул за стекло и попытался найти знакомый силуэт.

Ничего.

— Да уж! — выдохнул он, возвращаясь в странный мир зазеркалья.

Сквозь экран окна различался уходящий к двери, размазанный след телохранителя. При этом тот не собирался исчезать, а яркость его, по всей видимости, зависела лишь от способности Пугачева сосредоточиваться на…

— Информационной составляющей Мироздания, — подсказал Бейрут.

Нисколько ни смущаясь, он спокойно проникал в мысли молодого человека.

— А ты не пробовал прыгать прямо отсюда, — спросил вдруг Вячеслав.

— Да запросто. Вот только тебе это не поможет. Ты опять окажешься в обычном пространстве и не сможешь пользоваться преимуществами информационной составляющей. Другое дело если ты сможешь научиться видеть информацию в обычном

четырехмерном мире. — Бейрут на мгновенье задумался.

— Я бы мог тебя поднатаскать, чтобы ты научился видеть, но времени совсем нет. Есть правда занятная программка… — продолжал он, на секунду задумался, словно решался на что-то. — Если сможешь переварить, то бери.

У Вячеслава перехватило дыхание, ему вдруг показалось, что на его голову обрушилась лавина. Ощущая, что в его голову втискивают что-то большое и угловатое, он засопел:

— Слушай Бейт, у меня башка не резиновая.

— Если сумеешь разобраться в этом, тогда сможешь где угодно различать то, что видел здесь. А нет, тогда топай отсюда. Некогда мне с тобой возиться.

Хакер отвернулся и поспешил к проступающим в воздухе, святящимся сгусткам.

Пугачёв почувствовал, как лохматая голова дернулась, и под рукой заиграли упругие мышцы зверя.

— Гав! — требовательно выдохнул Цербер.

Бейрут остановился, медленно поворачиваясь, заглянул в глаза псу и громко воскликнул.

— Черт! Этого еще не хватало. Добровик!

Пугачёв уставился на хакера, ожидая пояснений.

— Хозяина пса совсем вирус доконал. Кирдык Трофиму приходит, если не помочь.

— Это он тебе сказал? — спросил Вячеслав, кивая в сторону собаки.

Бейрут лишь отмахнулся:

— Иди, ищи свой суперкомпьютер.

Воздух перед хакером уплотнился.

— Я у Добровика в долгу и не могу не помочь, — пояснил он, шагнув в светящийся кокон.

"Пса с собой возьми. Пригодиться", — мелькнула в голове исчезающая мысль.

Выйдя от хакеров, Вячеслав постоял на пороге подъезда. Разглядывая улицы большого города и замечая спешащих по своим делам людей, задумался. Очень тревожно выглядят прохожие. Слишком напряженны их взгляды, слишком часто оглядываются они по сторонам. Даже машины, как-то по-особому, словно опасаясь чего-то, пролетают мимо, оглашая воздух громкими нескончаемыми гудками.

Или это только кажется, а на самом деле все, как всегда: обычный Московский день. Вот только почему тогда на душе кошки скребутся.

Рядом зарычал пёс, потерся о коленку и, задрав морду к небу,

протяжно завыл.

Вячеслав присев на корточки, обхватил крупную голову зверя руками. Заглядывая в глаза, спросил:

— Что брат, и ты чувствуешь?

Врут те, кто утверждает, что собаки неразумны. Ничего они не понимают.

Пытаясь заглянуть в голову собаки, проникая в ее мысли, он вдруг увидел знакомый дом, заплеванный подъезд, с кривыми дверями и разбитыми окнами. Квартиру, с обшарпанными стенами, и лежащего на деревянном полу пожилого мужчину. Почувствовал бесконечную тоску и ноющую боль в груди.

— Да мы выходит с тобой соседи! — с трудом узнавая деда Трофима, удивился Пугачёв. — Ну что ж, тогда пошли домой, — выдохнул он и, прижимая слюнявую морду к бедру, исчез, тотчас появляясь в квартире старика.

Достаточно было небольшого осмотра, чтобы понять, что они опоздали. Жилище одинокого пожилого человека представляло собой унылое зрелище. Повсюду валялись странные вещи: травы, скрученные в пучки и разбросанные по полу, разбитый аквариум, без воды и рыбок, длинные бамбуковые шесты.

Голые окна удивленно таращились на скомканные и сваленные в кучу шторы.

Казалось, кто-то бродил по квартире с завязанными глазами, хватаясь за первое, что попадалось под руку, опрокидывая стулья, ломая старенькую мебель.

Вещи валялись повсюду, а Трофима нигде не было видно.

— Бейрут уже побывал здесь, — чувствуя недавнее присутствие хакера, Вячеслав повернулся к собаке. — Он-то уж точно поможет твоему хозяину.

Зверь, как будто соглашаясь, качнул головой и улегся на пол, уткнувшись мордой в громадные лапы.

— Ну, вот и здорово. Тебя я домой доставил, — с чувством выполненного долга проговорил Пугачёв. — А теперь пойду.

Стоило ему сделать шаг к двери, как пёс поднялся и, поскуливая, двинулся следом. Большие влажные глаза молили не оставлять его одного. Вячеслав вдруг ощутил острую потребность забрать сенбернара с собой.

— Нет, нет, нет! Я не позволю морочить себе голову. — Закрываясь ладонями, Пугачёв быстро вышел в подъезд.

— Я забегу, — оправдался он, оборачиваясь — уже с площадки.

Прислушиваясь к скребущимся звукам за дверью, постоял несколько секунд в раздумье и быстро двинулся вниз по лестнице.

"Странная животина, — думал он; вспоминая своего пса-антивирусника, покачал головой. — Один в один мой прон".

— Здравствуй Слава, — раздалось снизу.

Он глянул на поднимающегося навстречу незнакомого паренька, не узнав, скоро полез в его мысли.

— Ты изменился, повзрослел, — загудел в голове, совсем недетский голос. — Мужик прямо.

— Емельян!? — обрадовался Пугачёв, всматриваясь в белокурого юношу.

— А я вот, ныне какой, — расстроено выдохнул тот, потешно опуская глаза.

— Пойдем ко мне, — предложил Вячеслав, открывая дверь квартиры. Переступил порог и, не раздумывая, двинулся на кухню.

Емельян прошел следом, озираясь, поинтересовался:

— Как родители?

Вячеслав обреченно махнул рукой:

— Аа! Никак не привыкнут.

— Даа уж! Был ты пацан, — протянул Емеля, разглядывая повзрослевшего товарища, — а теперь? Мы с тобой, как будто в разных направлениях жили: ты взрослел, а я… тьфу!

Емеля шумно сплюнул, поискал глазами стул, присел.

— Рассказывай, как до такой жизни докатился, — улыбнулся Вячеслав, заглядывая в мыслесферу Емельяна.

"Легко сказать рассказывай", — возникла в голове недовольная мысль. Вслух же "молодой старик" сказал:

— До следующего утра времени не хватит.

Вячеслав, едва коснувшись мыслесферы собеседника, выставил на его обозрение простейшую мыследему, содержащую наглядное описание последних часов своей жизни. Перед глазами мелькнула лаборатория Бейрута, едва появившись, исчезли цифровые массивы, здоровенный пес остался в квартире хозяина.

Емельян напряженно молчал, пытаясь переварить увиденное.

— Вспоминай! — мысленно воскликнул Вячеслав, разглядывая сцены баталий, разворачивающихся перед его мысленным взором.

Емельян робко вытаскивал из памяти отдельные сцены, слишком много внимания уделяя несущественным мелочам. Он еще не привык к новым возможностям организма, но быстро учился и очень скоро овладел техникой мысленной демонстрации, вырисовывая сложнейшие мыследемы, умудрялся сжимать месяцы жизни в минутные показы.

Вячеслав отвлекся лишь на несколько минут, разливая чай по кружкам, и пока они пили обжигающий напиток, Емельян успел

показать ему все, что произошло с ним после их расставания. И про то, как руководил крестьянским восстанием, и про переселение в чужое тело. С трудом и большими пробелами вспомнил он свое возвращение в современный мир, быстро рассказал о киберпространстве, в котором оказался по вине Вирусапиенса, упомянул схватку с вирусом и обретение новой оболочки.

— И вот я здесь, в этом бестолковом теле, — закончил он вслух, в очередной раз опуская глаза, осмотрел свое юное тело. — Некоторое время я дома сидел. Потом понял, что нужно привыкать. Начал искать Дмитрия, или кого-нибудь из его команды — нигде, никого. Я уже и в лаборатории профессора был, и в компьютерном клубе спрашивал. Как его там?

— "Тутанхамон", — подсказал Вячеслав.

— Вот решил к тебе зайти, — закончил паренек, искоса поглядывая на Вячеслава.

В прихожей что-то зашуршало, клацнула дверная ручка, и кто-то большой и шумный ворвался в квартиру.

Пугачёв замер, но не успел повернуться, как за его спиной вырос громадный силуэт. Сенбернар стоял на пороге кухни и, злобно ощерившись, рычал. Шерсть на холке, встала дыбом, зрачки, наливаясь кровью, хищно блестели.

Емельян поднялся, шагнув навстречу, обхватил голову собаки и уперся пронзительным взглядом в пылающие глаза.

— Два зверя в одном? — удивился он.

— Вирус?! — прошептал Пугачёв, и, глянув на окаменевшего Емельяна, поинтересовался:

— Ты говорил, что некоторое время провел в Сети.

Емельян кивнул, закрывая на мгновение глаза.

— А его в сеть не мог бы перетащить?

— В себя, в тебя, в кого угодно, но как в Сеть, понятия не имею, — паренек напрягся, вздувшиеся на висках вены, почернели.

— Даа, тебе бы мозговой интерфейс не помешал. А что если? — Вячеслав замолчал, на полуслове, присматриваясь к дрожащему телу Цербера, понял, что кризис миновал: пёс дышал прерывисто, хоть и подрагивал, но уже без напряжения. Глаза просветлели, увлажнились и, как ни в чём не бывало, по-доброму взирали на мир.

Емельян ослабил хватку:

— В людях вирус, в собаках вирус, есть в нашем мире, что-нибудь не заразное?

Пугачёв кхмыкнул, удивляясь совпадению — он думал о том же.

— Слушай Емеля, — начал он бодро и смущенно замолчал, вспоминая недавнее прошлое.

— Да ты не смущайся я и раньше для всех Емелей был, а сейчас уж и подавно. Ты посмотри на меня. Тьфу! — мальчишка сокрушенно покачал головой. — Не могу пацаном! Вроде, по всем раскладам, радоваться должен, ан нет, — ломает.

— Емеля, так Емеля, — согласился Вячеслав. — Я что хотел спросить? Из твоего рассказа получается, что ты можешь, покидая тело, каким-то образом выталкивать свое сознание в чужой мозг. А вытащить сознание хозяина из него, мог бы?

Церберу видимо понял, что выгонять его никто не собирается. Прислушиваясь к разговору людей, он шумно вздохнул и улегся в ногах Вячеслава; прикрывая глаза, тихо засопел.

— И что происходит с хозяином тела, когда ты проникаешь в его голову? — продолжал допытываться Пугачёв. — А когда оставляешь его тело?

— Ты так спрашиваешь, как будто я уже десяток тел поменял, — недовольно пробормотал Емельян. — Я этим один раз воспользовался. Да и то сот страху.

Паренёк потупился, пожимая плечами:

— Вообще-то, как я понял, тело остается живым. По крайней мере, еще некоторое время, а что с ним происходит потом… Кому как повезет. Моё родное — четвертовали.

Цербер заворочался, недобро оглядывая помещение, рыкнул и заскулил, резко дергая башкой. На первый взгляд могло показаться, что он пытается вытряхнуть наружу неприятные ощущения, возникающие у него в голове.

— Что же мне с тобой делать? — проговорил Вячеслав. Задумываясь, потрепал пса по холке.

— Что за мозговой интерфейс, — вспомнил Емельян. — Зачем он нужен?

Вячеслав непонимающе уставился на собеседника.

— Что? Ааа, это! — сообразил он. — Наш друг Анатолий принес из другого мира устройства, способные связать человека с компьютерной сетью. Называются плейтами, функционально же это мозговые интерфейсы. Сейчас они у Потемкина. Будь подобный у тебя, мы бы могли попытаться освободить пса от этой твари. Самое простое вытащить её в Сеть.

— Далась тебе эта псина, — поворчал Емельян.

— Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что он мне очень сильно пригодиться, — оправдался Вячеслав, в очередной раз задумываясь над тем, почему его так волнует судьба чужой собаки.

— Получается, я не зря Дмитрия искал. Он тут смотрящий, — прервал его мысли мальчишка. Расставив руки с оттопыренными пальцами в стороны, он внимательно следил за Пугачевым.

Вячеслав улыбнулся — уж больно комичным выглядел знакомый жест Емельяна в исполнении юного тела.

— Ты от своих старых привычек до сих пор не избавился, — проговорил он сквозь смех и, успокаиваясь, добавил:

— Не знаю, чем тебя это тело не устраивает, но если уж совсем достало, то попробуй обратиться к Димке. Он наверняка что-нибудь придумает. Вот только в лаборатории его искать бесполезно. Ему там делать нечего — профессор погиб. В последний раз, когда я его видел, он собирался к генералу. Потом наверняка в церковь рванет. Туда все наши направились.

— Разберемся с псиной, двину в церковь, — выдохнул Емельян, рассматривая собаку.

— А у тебя это устройство есть? — вдруг спросил он.

Пугачёв громко хлопнул себя по лбу.

— Черт! Об этом-то я и не подумал, ведь можно подсоединить тебя к Сети и через меня! — радостно вскинул брови, но тут же помрачнел, сообразив, что в таком случае ему придется столкнуться с вирусом.

Емельян, словно почувствовал его сомнения. Жесткая улыбка мгновенно состарила его лицо:

— Да ты не боись, протащу эту тварь через тебя — ойкнуть не успеешь. Я ведь уже встречался с вирусом и знаю, как с ним обращаться.

"Откуда?" — хотел было спросить Пугачёв, но, вспомнив рассказ о сетевых похождениях Емельяна, промолчал.

Взвесив все за и против, он сделал последнюю попытку избежать встречи с собачьим симбионтом.

— А может быстренько в церковь, к Потемкину? И пса с собой, — пробормотал Вячеслав и тут же устыдился своего страха.

"Раньше, когда был просто человеком, ничего не боялся, а сейчас-то чего испугался?" — воззвал он к своей смущенной половине.

— Ааа, ладно, давай! — воскликнул, хватая Емельяна за руку.

— Может быть, действительно, за Дмитрием? — засомневался тот.

— Ну, уж нет! Закончим здесь, а потом — можешь идти куда хочешь: хоть в тюрьму, хоть в церковь.

Ноутбук, лежавший в соседней комнате, на столе, отчаянно замигал яркими индикаторами, сообщая о своей готовности выполнять указания удаленного пользователя. Вячеслав уже имел

опыт прямого вхождения в Сеть, а потому, не раздумывая, подключился к ожидающему его команд внешнему устройству. В ушах раздался громкий хлопок, словно в мозгу лопнул пузырь, заполненный абсолютной тишиной. Звуки внешнего мира пропали, а вместе с ними пропало ощущение собственного тела, растворяясь в серой безграничной пустоте, мгновенно окружившей его со всех сторон. Он ощутил себя прыгуном, оторвавшимся от трамплина, но еще не вошедшим в воду. Где-то впереди мелькнула цветовая точка. Яркое пятно, приближаясь, прыгнуло в глаза, распадаясь на множество отдельных образов. Яркие картинки неслись навстречу, останавливаясь где-то за спиной. Заполняя мозг, они выстраивались в сложную, но упорядоченную картину виртуального мира. Мгновение спустя Пугачев ощутил себя длинным коридором, с одной стороны которого можно было увидеть выход во внешний мир Сети, с другой надвигалось что-то темное, бесформенное и бесконечно злое.

Вячеслав попытался разобраться со своими ощущениями: прислушиваясь к внешней, реальной ипостаси, он, не прерывая контакта с виртуальной действительностью, посмотрел на мир открытыми глазами.

Стоящий рядом паренек вцепился маленькой пятерней в загривок подрагивающей собаки. Не отрывая взгляда от расширенных зрачков Цербера, он плавно покачивался и что-то едва слышно бормотал. В этот момент он очень походил на сомнамбулу, медитирующего йога, шамана племени Мумбо-Юмбо, но только не на обычного мальчишку.

Неожиданно тело сенбернара содрогнулось, волна конвульсий, родившись у самого кончика хвоста, переместилась к голове. Рука Емельяна, еще сильнее впилась в холку Цербера и дрожь постепенно передалась и ей. Пугачев, почувствовав дрожь Емельяна, быстро перевел взгляд в сетевое пространство.

Все тот же коридор предстал перед его взглядом, только вместо одной бесформенной и угрожающей твари в левой части коридора плясали две отвратительные тени. Переплетаясь темными, выползающими там и тут жгутами, они старались покрыть друг друга.

Вячеслав знал что перед ним находится, — а точнее в нем — и потому пугающий танец, напоминающий сцену совокупления, не вызвал у него живого интереса.

Он все больше сожалел о поспешно принятом решении. Не нужно было соглашаться выступать в роли проводящей среды между сетью и Емельяном. Еще живы были воспоминания о собственной борьбе с вирусом. Еще сохранился в душе страх

перед коварным симбионтом. Ведь он до конца так и не понял, как ему удалось одолеть вируса в первом подключении к компьютерной среде.

Черные скользкие амебы, продолжая процесс соития и следующего за ним распада, постепенно перемещались в сторону сети. Вот мерзкая масса перевалилась через порог соединения, попадая под действие местных программ.

"Может пора разорвать связь? — подумал Вячеслав.

— Как только я вернусь, выключайся, — услышал он мысленный шепот Емельяна и непроизвольно выглянул наружу.

Рука мальчишки разжалась, выпустив шкуру собаки, пальцы нелепо загребали воздух. Закрытые глазницы задрожали.

— Давай! — завопил голос в голове, и Пугачев разорвал соединение с сетью.

Ноутбук отца в последний раз мигнул индикатором и затих.

* * *

Склоняясь над бездыханным телом, Вячеслав смотрел на громадного и в тоже время беспомощного пса.

Емельян исчез, отправившись в церковь на поиски Потемкина, а он остался с Цербером и теперь обдумывал, что же произошло в Сети.

Изгнание «дьявола» состоялось небыстро, но, как и обещал Емельян, безболезненно.

Сенбернар, как только освободился от опасного симбионта, мгновенно отключился. Некоторое время он лежал, не шевелясь и не дыша, но как только Вячеслав прижал руки к широкой лохматой груди, глаза пса открылись.

Шерстяной бок вздулся, и нервно задрожал. Цербер попытался вздохнуть и словно забыл, как это делается. Испуганно глядя на человека большими влажными глазами, он ждал, безмолвно моля о помощи.

— Потерпи дружище, — пробормотал Славка, прижимая руку к горячему носу сенбернара.

Тот медленно поднялся на ноги, встряхнулся, отчего из его шерсти в разные стороны полетели длинные тягучие нити, оставляющие на полу большие пятна вонючей липкой массы. После этого он потянулся, задирая морду к потолку и протяжно завыл.

Исполнив безрадостный гимн скорому возрождению, Цербер ощерился и игриво ткнулся носом в руку Вячеслава.

— Быстро же ты брат очухался, — улыбнулся тот. — Уже и

играть хочешь?

Цербер вскинулся, встав на задние лапы, громко гавкнул.

— Ну что же — играть, так играть. Заодно, проверим твои розыскные способности, — произнес Вячеслав, улыбаясь своим мыслям, сунул в морду недовольному Церберу маленькую пуговицу.

Пёс повертел носом, моргнул, словно понял, что от него требуется и скучно посмотрел на молодого человека.

— Пугачёв выбежал в подъезд, быстро пролетел три лестничных пролета и, сунув пуговицу в почтовый ящик, неторопливо побрел назад.

Пёс сидел там же где он его и оставил — в середине комнаты. Сложив друг на друга лапы и расположив поверху квадратную лохматую голову, с большущими грустными глазами, он наблюдал за действиями человека.

— Ищи! — приказал Вячеслав, но пёс не пошевелился, лишь тяжело вздохнув, посмотрел на дверь.

— След! — крикнул Пугачёв, вспоминая какие еще команды применяют собаководы.

Цербер разинул пасть, демонстрируя фарфоровую белизну гигантских клыков. Вывалив розовую лепешку шершавого языка, зевнул.

— Понятно, — вздохнул неудавшийся кинолог и на мгновение повернулся к окну, дрогнувшему от мощного удара грома. Вспышка разряда разрезала мрачное небо.

Ощущая движение воздуха за спиной, Пугачёв быстро обернулся к собаке и тупо уставился на старый, потертый коврик, приютивший Цербера. Тряпица была на месте, а пса и след простыл, только из подъезда, пробиваясь сквозь закрытую дверь, доносился громкий лай.

* * *

Потемкин, стоя перед Светкиной квартирой, давил кнопку звонка, до тех пор, пока над головой не шевельнулась миниатюрная камера. Из скрытых в двери динамиков донесся искаженный голос:

— Секундочку!

Щелкнул замок, дверь отворилась. На пороге появился Юрий Николаевич с помятым лицом и вымученно улыбнулся.

— Заходи! — кивнул он, приглашая Дмитрий следовать за собой. — Светика нет, а я ждал тебя, да заснул за столом.

Дмитрий прошел в кабинет, обставленный дорого мебелью и упал в громадное кожаное кресло.

— Ну?! — Юрий Николаевич в ожидании уставился на Дмитрия. — Почту прочитал?

Потемкин кивнул.

— И что скажешь?

Дмитрий на секунду задумался.

— Что-то происходит с нашим миром, — прошептал он и продолжил уже громче. — И не только с нашим…

Юрий Николаевич озадаченно хмыкнул, потеребил кончик носа.

— Какое отношение к изменениям в мире имеют двойники и эта клоунская повозка? — спросил он.

— Все древо времен изменяется, ветви накладываются друг на друга, происходит их взаимное проникновение. Отсюда и двойники, и странные существа из других реальностей, и тайга, — Потёмкин кивнул на окно.

— Значит, ты думаешь, что вся эта чехарда с исчезающими трупами и клоунами в летающих цирковых повозках вызвана смещением каких-то ветвей, как его…

— Хронодендрида, — подсказал Дмитрий. — Или древа времен. Как вам будет удобнее.

— А почему, скажи мне на милость, — вскинулся Юрий Николаевич, — это дерево именно сейчас стало изменяться?

Дмитрий молчал. Уставившись в стену, он додумывал ответы на вопросы, теснившиеся в голове.

Длинная очередь неразрешенных загадок и отсроченных вопросов выстроилась в его сознании, требуя незамедлительных отгадок и исчерпывающих ответов. Не спасали ни возросшие вычислительные способности мозга, ни бездонные кладовые информации, оставленные Тромбом. Слишком много событий

произошло в последнее время, и ни каких-нибудь — никчемных, дворового масштаба, а серьезных — глобального уровня — таких, с которыми человечество никогда до этого не имело дела.

Слишком большая очередь, слишком много вопросов.

— И все-таки, почему? — повторил генерал.

— Изменяются мировые константы, — пробормотал Дмитрий, фокусируя взгляд на собеседнике, на один миг.

— И! — поторопил тот.

— И если изменения просочились на уровень ядерных реакций, то главная проблема, с которой нам придется столкнуться в ближайшее время — наше солнце, — задумчиво произнес Потёмкин и его устремленный в бесконечность взгляд в очередной раз прошел сквозь Юрия Николаевича. — Любой сдвиг мировых констант, даже на мизерную величину приведет к фатальным последствиям для всего человечества. Мы приспособлены жить в очень узком интервале значений физических постоянных.

— Но отчего это происходит? — попробовал вставить генерал, но Дмитрий его не услышал.

— А может и для всей Вселенной, — продолжил он беседу "тэт а тэт" с самим собой.

— Мне — после твоих космических рассказов — уже начинает казаться, что солнце начало гаснуть, и на улице потемнело, — громко произнёс Юрий Николаевич, на секунду превращаясь в маленького испуганного мальчишку.

Сказал и тут же постарел, согнулся, ощущая груз ответственности, опустившийся на плечи.

Дмитрий неожиданно вернулся из "путешествия в бесконечность", посмотрел на старого чекиста; тряхнул головой, взбадриваясь.

— Зима на дворе! — неожиданно улыбнулся он. — Солнце не при чём — темнеет рано.

Генерал коротко кивнул, но плеч не поднял — и не скажешь, что согласился. Глаза немолодого человека затуманились.

— Если что-то начнет происходить, мы ничего не сможем изменить, так ведь? — обреченно спросил он.

— Мы не гуорки — звезд создавать не умеем, — не стал успокаивать Димка. — Да и гуорков больше нет. Их, похоже, уничтожил тот же процесс, что воздействует на ядерные реакции в наших электростанциях.

Генерал дернулся, возмущенно зашипел:

— Создавать не умеем, а уничтожать?

— Вы думаете, мы виноваты в том, что происходит? — спросил Дмитрий, выдернув из очереди, столпившейся в голове,

самый злободневный и неприятный вопрос.

— Не знаю. — Юрий Николаевич пожал плечами, шагнул к окну. — До вашего перерождения ничего странного не происходило.

Заглянув за штору, генерал дернулся, как ужаленный. Схватившись обеими руками за голову, он громко прохрипел:

— Нет! Ты только посмотри!

Дмитрий нехотя поднялся из теплого, уютного кресла.

Он знал, его ждет на улице и всё же удивился, уткнувшись взглядом в зеленое море, раскинувшегося прямо под окнами, вырванного из другого мира куска тайги.

Казалось, протяни руку — коснешься верхушек гигантских сосен.

— Хорошо! — неожиданно для себя пробормотал он.

Шумно вдохнув, словно через стеклопакет можно было ощутить свежий таежный воздух, подтвердил:

— Хорошо!

— Что хорошо? — иступлено заорал генерал.

— Это хорошо? — Он ткнул пальцем в окно, задергался всем телом. — Чёрт! Чёрт! Черт!

Потёмкин удивился. Он думал, что службист, повидавший за свою жизнь такого, что простому человеку и не снилось, спокойно выслушав его размышления, в полной мере осознает суть перемен происходящих в окружающем мире. Может он, конечно, и осознал, но осознать и увидеть воочию — большая разница.

И вот теперь, эта самая, большая разница — комом застряла в генеральском горле, — повисла в воздухе громким криком… и упала на стены — тяжелым, неловким испугом. Дорогие обои не пожелали впитывать вырвавшиеся на свободу чувства и те еще долго бродили по квартире, натыкаясь на вздрагивающего человека, породившего их.

Дмитрий дождался, когда Юрий Николаевич успокоится, и продолжил.

— В виртуальном мире — дела ещё хуже. В Сети, я имею в виду, — тут же пояснил он.

— Знаю! — буркнул генерал, падая в кожаное кресло.

— Весь мир вопит!

Потемкин заинтересованно вскинул брови.

— Всё думают, что это наши хакеры. Компьютеризированные системы во всем мире отключаются. Кто мог, и кто вспомнил, как это делается — перешел на ручное управление. Хотя большинство специалистов, — Юрий Николаевич скривился, — уже забыло, как выглядит рубильник отключения и где его искать. Многие, но не все. Благо, что создатели высокотехнологичных игрушек

предусмотрели и такие элементы управления.

— Однако дрова нам, — улыбнулся генерал, пробуя пошутить, кивнул в сторону окна, — очень даже, пригодятся. Будем продавать их особо умным и наиболее забывчивым. Тем, которые всю работу передоверили компьютерам.

Мгновенно преобразившийся деятель, привыкший мыслить в государственных категориях, мечтательно закатил глаза.

— Представь! — произнес он. — Если ветви хронодендрида пересекутся, и множество Земель окажется в нашем распоряжении… Нефть, газ, полезные ископаемые.

— И много, много людей-близнецов! — добавил Дмитрий.

Юрий Николаевич резко дернул головой, возвращаясь в реальный мир, хлопнул глазами.

— А как там поживает повелитель паутины? — неожиданно поинтересовался он, моментально меняя направление разговора.

Потёмкин хлопнул ресницами.

— Вирусапиенс! — пояснил генерал и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Мои люди пытались за ним следить, но очень быстро потеряли его из виду. В Турции упустили, где он пытался изображать из себя мессию. Вербовал сторонников новой религии, говорят, но судя по всему безуспешно. Потом его видели и в Египте, в Австралии. В Иране — похожего — побили камнями, в Америке арестовали и даже закрыли в психушку, но странный пациент исчез из закрытой палаты, чем немало озадачил охрану.

Лицо Дмитрия вытянулось.

— Ты не знаешь где он сейчас? — Юрий Николаевич заглянул Димке в глаза.

— Да я, — стушевался тот, испытывая неловкость под взглядом чекиста, — именно поэтому и пришел.

— Вирусапиенса необходимо найти! — решительно выдохнул он, злясь на себя, за ребячье смущение и душевные ужимки.

— Нужно — найдём! — мгновенно среагировал многоликий Янус, прикидываясь исполнительным и бодрым служакой.

Экран, висевшей на стене гигантской панели, пискнул, высвечивая изображение, пришедшее с дверного глазка.

— Папа! Димчик! Открывайте — пропела Светлана, поднимая к камере набитый продуктами пакет.

— Ваша мама пришла, молочка принесла.

— Откуда она… — одновременно воскликнули наблюдатели: генерал, нажимая клавишу на пульте, Потёмкин, радостно улыбаясь.

— Знает, что ты здесь? — закончил отец, сжал губы в полоску и покачал головой.

— Всё меняется, — прошептал он. — Но Светик?!

В комнату влетела сияющая девушка и с порога закричала:

— Мальчики вы в окно выглядывали?

Прыгнув навстречу Дмитрию, она повисла на его шее, и жадно впилась взглядом в смеющиеся глаза.

— Я думала до подъезда не дойду — песком занесет.

Юрий Николаевич вздрогнул, побледнев, прекратил кивать головой и бросился к окну. Отодвинув тяжелую занавеску в сторону, он обмер с широко открытым ртом.

За стеклом бушевала песчаная буря. Блуждающие многометровые барханы плавно перемещались с места на место, как будто в поисках мира, из которого пришли.

Тяжелые песчинки, горячей позёмкой, разгонялись на пологих склонах. Собираясь в плотные вихри, они взлетали в воздух. Рыжая туча заслонила солнце.

— Нет! — застонал генерал. — Мои старые мозги, никогда не смогут к этому привыкнуть.

Поворачиваясь, он замолк, обнаружив, что остался в комнате один. Молодежь исчезла в подъезде, мелькнув тенью на большом экране, висевшем на стене.

— Пора на пенсию, — пробормотал Юрий Николаевич и быстро пересёк комнату.

Послонявшись из угла в угол, пожилой мужчина схватил со стеклянного стола глянцевую трубку и быстро набрал номер.

— Вирус сапиенс, где ты был? — пропел он, прислушиваясь к длинным гудкам.

* * *

— На базаре водку пил! — Юрий Николаевич толкнул бесчувственное тело. — Там мои ребята его и нашли. Не стали приводить в чувство, а сразу доставили ко мне.

— К-к-как пил? — задохнулся удивленный Потёмкин.

Он не мог поверить своим ушам. Однако дурно пахнущее тело, подтверждая слова генерала, шелохнулось, застонав, икнуло, перевернувшись на спину, и забормотало, что-то долгое, громкое и несвязное.

— Пьяный в стельку, — Дмитрий толкнул в грязный бок, пожевал неожиданно пересохший язык.

— Вы уверенны, что это ваш Вирусапиенс? — поинтересовался стоявший рядом молодой человек в военной форме.

Ощутив непривычную тяжесть в голове и боль в распухших, трескающихся губах, Дмитрий не сразу сообразил, что это не его

ощущения.

— Конечно!

— А он не может, очнуться и… того? — Юрий Николаевич закатил глаза к потолку. — Исчезнуть.

— Сейчас это не совсем безопасно, — пробормотал Дмитрий, вспоминая свой последний прыжок. — Я думаю, он в курсе.

Генерал раздраженно сжал губы.

— Он во хмелю, а не в курсе! — прошипел, взглядом прогоняя, ожидавших приказаний подчиненных.

Бойцы неспешно покинули комнату, похоже, их очень интересовал вопрос: "Зачем ловить одного пьяницу целым взводом спецназовцев?"

Мужик громко всхрапнул, открыл глаза и невидящим, мутным взглядом посмотрел в потолок.

— Интересно! — негромко произнёс Дмитрий, всматриваясь в помятое, обрюзгшее лицо.

Отвисшая челюсть, стекающая по подбородку, густая слюна, исчезающая в пуке светлых, засаленных волос. Борода спуталась, впитав, все что употреблялось и все что извергалось, — торчала паклей.

— Как вы думаете, почему человек пьёт? — Потёмкин повернулся к Юрию Николаевичу.

— Вот и я задал себе этот вопрос, — раздался голос за спиной, — как только понял, что Бога из меня не получится.

Димка повернулся на голос и встретился глазами с прояснившимся взглядом Вирусапиенса.

— Люди охотнее верят, в то, что никогда в жизни не видели, — продолжил трезвеющий мессия, — чем своим глазам. То, что перед глазами, они пытаются любыми способами отвергнуть, соглашаясь на любые придумки. Они даже готовы согласиться принять собственное сумасшествие.

Руки немытого мужика затряслись мелкой дрожью.

— Не оболочка, а инструмент садиста, — раздраженно буркнул он, с трудом останавливая похмельную трясучку. — Скоро простейших физиологических функций выполнить не смогу.

— Во, нахал! — заревел Юрий Николаевич. — Ухлестался ву смерть и на тело человеческое давай пенять! И ведь, судя по вони, далеко не первый день возливает.

— Никак не могу вас людей понять, — не обращая внимания на возмущенного генерала, продолжил Вирусапиенс.

— Придумали для себя кучу условностей. Сами им не следуете, словно придумали их для кого-то, но от других требуете. Большая часть человечества находиться в

полуобморочном состоянии основную часть своей жизни. И ничего!

— Посмотрел я на окружающих меня людей, посмотрел… Думал — может опьянение, и дает то особое состояние, которое помогает им понять смысл их существования. Может именно оно предоставляет те возможности, которые не характерны обычному человеку. Думал, все они, пребывая в эйфории, что-то ищут, познают истину, но теперь я точно знаю — в таком состоянии нельзя долго существовать. В таком состоянии, не то что смысл жизни найти нельзя, но и себя отыскать через некоторое время, вряд ли удастся, — прохрипел Вирусапиенс, и потянулся к стакану с водой.

Тело его покрылось испариной. Крупные жирные капли выступили на лбу, покатились по горячей коже, и тут же испарились, оставив после себя грязные длинные разводы. Он приводил себя в порядок, выгоняя из организма, скопившиеся за время душевных экспериментов, шлаки. На это его сил пока еще хватало.

— Нет, лучше быть мессией! — шумно вытолкнул Вир воздух из груди. — Не так болезненно, как простым человеком. Бедные люди! Сплошные страданья. И после этого, требовать от них вселенской доброты.

Жирные капли на лбу высыхали, но на их месте тут же появлялись новые.

— Чёрт! Что-то не так, — прошипел Вирусапиенс. — Не могу контролировать.

— Не ты не можешь. Мир меняется, меняя наши возможности, — пояснил Дмитрий.

— Давай по-нашему, по человеческому — в душ! — проворчал он, подталкивая неудавшегося мессию к генеральской ванной. — Ты нам здоровый нужен. И не вздумай прыгать — без тела останешься.

Дверь закрылась, и из-за неё донесся недовольный голос:

— А то я раньше без тела не оставался?

Димка вздрогнув, ухватился за мелькнувшую в голове мысль: "А ведь он прав. Тромб, Вирус, я — все мы хоть ненадолго, но оставались без тела, без оболочки. Это ли не "чистый разум", о котором говорил Бейрут?"

В голове закричал Вирусапиенс. Тело ужалили ледяные струи. За дверью зашумела вода.

— Ты не прав хозяин! — иронично произнёс выздоравливающий алкоголик, забираясь прямо в мозги. — Тромб находился либо в твоей оболочке, либо на магнитных носителях.

— Да? — усомнился Дмитрий. — А когда он перемещается по Сети между компьютерами?

— Ну, Димитрий, стыдно! — воскликнул голос в голове.

— По-твоему, провода состоят не из той же материи, что магнитные слой на дисках винчестера? — продолжал Вирусапиенс. — Те же атомы, те же электроны. Да, и к тому же, все мы находимся в оболочке нашего мира, прописаны на его поверхности.

— А Бейрут считает, что информация, как неотъемлемая часть разума, — одно из измерений окружающего нас мира.

Дмитрий скрипнул зубами, чувствуя на своём теле, теперь уже, обжигающе горячие потоки воды.

Защитник загудел, и неприятные ощущения исчезли, вместе с чужим присутствием.

— Я всегда знал, что этого хакера нужно опасаться. Такие люди способны уничтожать миры, — абсолютно голый Вирусапиенс, подмигнул Потёмкину и спокойно прошествовал на кухню.

— Как, впрочем, и создавать их, — заступился Дмитрий за своего товарища.

— Ничего хорошего твой друг создать не сможет!

— Это еще почему? — удивился Потемкин.

— Существо с моим родственничком на борту, — голый мужик, открыл холодильник и задумался, теребя мокрую бороду.

Разглядывая продукты, бородатый стриптизер продолжил:

— Не может создать объект, не передавая ему хотя бы часть признаков нашей программы.

В этот момент Юрий Николаевич вышел из комнаты с телефоном в поднятой руке, да так и застыл, разглядывая наглого гостя, шарящего в его холодильнике.

— С с светка! — заикаясь, выдохнул он возмущенно и исчез в комнате, чтобы через секунду появиться с ворохом одежды в руках.

— Быстро! — рявкнул он улыбающемуся нудисту.

— Чёрт! — воскликнул Дмитрий. — Может быть, именно поэтому программаторы Бейрута взрываются! Вирус.

— Я же просил, называть меня Вир, — возмутился голос, доносившийся из-под наброшенного на голову свитера.

— Я же не обращаюсь к тебе — человек, — пробормотала бородатая голова, высвобождаясь из шерстяного плена.

— Я не о тебе. Я о вирусе Бейрута, — оправдался Потёмкин.

И довольно подмигнул Виру.

— А ты молодец. Неплохо соображаешь, — произнес он.

— И это я тоже говорил. — Вирусапиенс смущенно крякнул.

— Для алкоголика, ты имел в виду? — поправил Юрий Николаевич.

Вир повернулся к хозяину квартиры, и открыл было рот, но в эту минуту за окном громыхнуло, небо разрезала слепящая молния, и как-то, вдруг, резко потемнело.

Дмитрий выглянул на улицу и вздохнул.

На улице лил дождь — сплошной стеной. Вспышки молний изредка озаряли насыщенный влагой воздух. Быстрые ручьи мчали по асфальту мусор, омывая грязную дорогу. Ничего не напоминало о календарной зиме, обязанной по расписанию "катить в глаза".

— Боюсь у нас осталось очень мало времени, — произнес Потёмкин.

— Нужно к Бейруту, — пояснил он генералу, жестом приглашая Вира следовать за собой.

— Похоже, вы проворонили свой мир, — вздохнул тот, безучастно наблюдая за разгулявшейся за окном стихией.

Дождь вдруг прекратился, но светлее не стало — солнце едва пробивалось сквозь тучи.

— Пошли! — позвал Димка, выходя из квартиры генерала.

За спиной что-то стукнуло. Громко выругался Юрий Николаевич.

— Машину возьмите! — крикнул он.

Звякнули ключи, и на пороге появился нахмурившийся Вир.

— Что? — поинтересовался Дмитрий.

Но Вирусапиенс молчал, пока лифт не остановился на первом этаже.

— Сейчас увидишь, — прошипел он, открывая двери подъезда.

Длинный пи-и-ик замолчал и Дмитрий, шагнув на улицу, застрял в дверях, с открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

— Боже мой! — прошептал он, и рука его потянулась к губам.

Зимние молнии прекратились.

Небо очистилось от туч.

Багровое солнце, висевшее в вышине, лениво поливало землю темными лучами.

— Теперь и Бога вспомните, — съязвил Вирусапиенс, разглядывая черную кляксу, проявившуюся на другом конце небосклона и протянувшую свои жуткие отростки в направлении привычного светила.

Пошел снег. Багровые снежинки медленно падали на мокрую землю и тут же таяли, обращаясь слякотной взвесью, постепенно остывающей и затягивающейся пористой корочкой льда.

— Поехали мессия! — воскликнул пришедший в себя Дмитрий.

Колеса фыркнули и тяжелый «Мерседес», разрывая тонкий наст, рванулся вперед.

* * *

Очередной поворот едва не выбросил тяжелого металлического зверя в разверзшуюся поперек автотрассы гигантскую трещину.

Обтекаемый хищник, упираясь в ледяную поверхность четырьмя широкими колёсами, вгрызался в зеркальную дорогу металлическими шипами.

Зашипел плавящийся лёд.

Приближающаяся дыра в земле замерла на мгновенье и внезапно остановилась в нескольких сантиметрах от дымящейся резины.

— Ничего себе ямка! — выдохнул Дмитрий, высовываясь в окно.

Вглядываясь в противоположную стену необычайного каньона, он опустил взгляд и не увидел дна.

Нескольких метров бесконечной пустоты повисшей между двумя берегами, хватило для того, чтобы спокойно проглотить брата-близнеца генеральского «Мерседеса», вылетевшего на трассу с обратной стороны провала.

Автомобиль, как ни упирался, не смог зацепиться за идеальное ледяное зеркало дороги. Многотонная махина, медленно оторвалась от края пропасти, взлетела, и на секунду зависнув в воздухе, рухнула вниз.

— Пацаны, прыгайте! — завопил вывалившийся из салона Анатолий.

Дмитрий рванулся к вспыхнувшей фигуре.

— Не смей прыгать! — рявкнул он, но тело Анатолия уже исчезло в искрящейся воронке.

Потемкин облегченно вздохнул, когда телохранитель тут же появился на длинной трубе, торчащей из противоположной стены разлома.

Широкая разорванная теплотрасса яростно плевалась паром. Помимо телохранителя она приютила еще двух странных пассажиров. "Клоуны!" — решил Димка, вглядываясь в яркие пятна, высвечивающиеся в тумане.

— Жорка! Илья! — заревел Анатолий, провожая взглядом исчезающий в горячем тумане, четырехколесный силуэт.

Хлещущий из разорванной трубы, кипяток быстро накрыл разлом плотным паровым облаком.

Исчез Анатолий, пропали из виду испуганные ряженные.

За спиной сопел Вирусапиенс.

— Выберутся твои дружки! — пообещал он, положив руку на плечо Потёмкина.

И действительно через несколько секунд, недалеко от автомобиля возникла большая, скрипящая тень.

Дмитрий рванулся навстречу.

Склонившийся над обрывом, Илья удивленно смотрел вниз.

— Жорка! Только что был здесь, — Здоровяк внимательно посмотрел на свою руку.

— И вы здесь, голубчики! — раздался удивленный голос Анатолия.

— Телохранитель ты где? — рявкнул здоровяк, вглядываясь в непроглядную пелену тумана.

— На трубе мы! — вернулось из молочного далёка.

— Кто там с тобой? — поинтересовался Илья.

— А и Б! Старые знакомые, — ответил Анатолий. — Творчеки!

Илья хищно осклабился.

— Я бы на твоём месте сбросил их к едреней фени, — посоветовал он невидимому собеседнику. — А ещё лучше, оставь их там. Будут "творчеки на пару".

В горячем мареве кто-то громко крякнул, шумно завозился, поскуливая.

Видимо перспектива быть сброшенным вниз соседей телохранителя совсем не устраивала.

— Становись на плечи! — рявкнул из клубящейся мглы Анатолий.

Ухнул тяжелый удар. Кто-то жалобно ойкнул.

Спаситель, судя по всему, не очень церемонился со спасаемыми.

— Ну, вот и ладушки, — расслабленно выдохнул он через минуту и, вслед за этим, разразился нецензурной бранью.

— Дружище ты чего? — крикнул Потёмкин.

— Я их тащил, упирался, как дед репку… а они? Исчезли, когда уже оказались наверху, — зашипел невидимый Анатолий. — Нет, чтобы минутой раньше, с трубы вернуться в свой зомбированный творческий мир.

— Ребята я сейчас, — крикнул удаляющийся голос и через несколько минут из тумана появился приближающийся силуэт.

— Трещина идет до самых домов! — пробормотал запыхавшийся молодой человек. — Метров триста в эту сторону

— не меньше.

Махнув рукой вправо, он повернулся к Дмитрию и испуганно поинтересовался:

— А дальше, что будет?

— Думаю, будет еще хуже, — Потёмкин удрученно покачал головой.

— Мы едем, или сопли пускаем? — спокойно поинтересовался Вирусапиенс, высовываясь из машины. Казалось, окружающие природные катаклизмы его совсем не касаются.

— А этот, что здесь делает? — надвинулся недовольный Ванькин.

Он отошел от обрыва, но не перестал оглядываться в темную пропасть, словно чего-то ждал.

— Хочу взглянуть на вашего друга-хакера, — пояснил Вирусапиенс.

— Он говорят, на роль Бога метит.

* * *

Дмитрий постучал в перекошенную дверь: звонок не работал. Скрипнув ржавым железом, дверь медленно отворилась, и на пороге появился удивленный Жора.

— Что? Уже?

— Одиннадцать тридцать! — воскликнул Анатолий, догоняя Потёмкина, но вдруг резко обернулся к лестнице и удивленно спросил:

— Я прав Геракл?

— Минута в минуту, — подтвердил спешащий следом за ними Илья, согласно кивая.

Жора зевнул, посторонился, пропуская гостей в квартиру.

— А я уже спать собирался, — пробурчал хакер.

Потёмкин шагнул в черный склеп с обгоревшими стенами, оглядел привычное пепелище. Улыбнулся:

— Опять взорвались программаторы?

— Извержение вулкана, — хохотнул Илья, пиная ногою угольно-черные куски бывшей мебели.

— А на чем ты спишь? — поинтересовался он осматриваясь.

— Аа, это? — Жора повертел головой, в поисках волшебного места.

— Действительно, где? — удивился он.

За спиной заскрипели двери и, оглядываясь, Дмитрий обнаружил входящего в квартиру Вирусапиенса. Тот, не обращая внимания на царивший в квартире разгром, двинулся к окну,

поверхность которого при его приближении заколыхалась и исчезла.

— Что это? — прошептал он. Перебираясь через сохранившийся подоконник, остановился перед стеклянной поверхностью.

Потёмкин подтолкнул замершего Вира, заслонившего проход в бескрайнее помещение.

Точнее это было не совсем помещение — это был другой мир, иное пространство. Стены и потолок, едва ощущались, теряясь где-то в бесконечной дали.

Воздух светился сотнями, миллионами, миллиардами огоньков, собирающихся в тяжелые шары, линзы, диски. Вращаясь, звездные скопления пересекались друг с другом, вырывали маленькие капли звёзд, разрушая их, превращая в светящуюся пыль. Рассыпающиеся полосами, газопылевые туманности величественно плыли в вышине, вспыхивая новыми светилами.

Рукотворная вселенная едва заметно вибрировала.

— Нет стабильности! — Голос возник одновременно в головах всех присутствующих.

— Самоуничтожается! — натужно прохрипел Бейрут.

Невероятное напряжение звучало в его голосе.

Дмитрий вскинул голову и увидел висевшее в вышине подрагивающее, человеческое тело.

Поначалу он подумал, что это Бейрут, но, присмотревшись, узнал соседа — Трофима. И тот был явно не в лучшем состоянии.

Раскинув руки в стороны, Добровик пылал огнём, рассыпая в разные стороны тонкие, светящиеся нити. Энергетические ручейки текли в направлении каждой из сотен миллиардов туманностей; протягивали свои русла к галактикам, питали звездные скопления.

Однако процесс поддержания жизни у нынешней модели мироздания внушал серьезные опасения.

Дмитрий чувствовал возрастающие колебания. Каждую секунду внутренняя вибрация гигантского кокона нарастала.

— Помоги! — рявкнул он, поворачиваясь к Вирусапиенсу, протянул руки в сторону висящего в светящейся сфере, выгнувшегося дугой мужчины.

Земля под ногами задрожала, где-то гулко загудело. Кажется там, где был выход из странного, нереального пространства — где находился реальный мир.

Дмитрий, презрев запреты, созданные им самим, бросился в сознание Трофима, на ходу осматриваясь, но вместо человеческих переживаний и привычных мыслеформ, натолкнулся на нечто

громадное и абсолютно чужое.

Холодный взгляд коснулся непрошеного гостя, и тот вдруг почувствовал себя микроскопической клеткой бесконечно большого организма.

Дмитрию показалось, что сама Вселенная заглянула в его мысли. Миллиарды раскаленных игл впились в затылок, боль рванулась к вискам, в ушах загудел затягивающий водоворот.

Дезориентированный разум заметался в поисках привычных человеческих понятий. Пугаясь открывшейся перед ним картины, он чуть было не бросился назад.

То с чем столкнулся разум Потёмкина, показалось ему настолько чуждым, что он решил, что промахнулся и залез в голову к негуманоиду.

Завыл, включаясь, защитник. Мозг выдал предупреждающий сигнал. Кто-то или что-то, меняло его внутреннюю структуру. Дмитрий из последних сил рванулся на волю, пытаясь разорвать светящиеся нити, вцепившиеся в его напряженное тело, и… прозрел.

"Невероятно сложное, не значить чужое, — успокоил он себя. — Программа-взломщик — вот что такое программатор".

— Молодец, либерис. Почти в точку, — прошелестел в голове знакомый голос. — Жалко, что не хакер.

Бейрут появился неожиданно словно вынырнул из ближайшей миниатюрной галактики. Только что его не было и вот он, стоит и смотрит в глаза.

— При помощи нее можно будет войти в прописанную действительность. Она едва не взломала твои мозги, пытаясь подключить их к себе.

— Но зачем? — спросил Дмитрий.

— Чтобы использовать твои вычислительные мощности, — Бейрут смущенно пожал плечами. — Да я, если честно, и сам до конца не понимаю, как это все работает.

Дмитрий осторожно вернулся в мыслесферу Трофима, ощущая затягивающую силу программатора.

— Останови этого идиота, пока он не взорвал тут все вокруг, — возмутился Бейрут, мотнув головой в сторону Вирусапиенса.

Потёмкин повёл плечами, прислушиваясь к себе. Он словно заново родился и по-новому взглянул на мир.

Мозг, перестраиваясь, вставлял измененные константы в физические законы, пересчитывал, сопоставлял полученные данные заново. Толпившиеся в голове вопросы, ожидавшие своей очереди, как-то разом исчезли.

— Боже мой, это мы! — выдохнул Потёмкин, бросаясь к

Вирусапиенсу.

— Прекрати! — крикнул он, становясь перед сияющим прожектором, в который превратился Вирусапиенс.

Зеленоватый луч, устремленный в сторону Трофима, повисшего в центре гигантского программатора, погас.

— Фу, ты! — выдохнул Вирусапиенс. — Почему так тяжело?

— Это мы! — повторил Дмитрий. — Мы уничтожаем Землю!

— Не понял, — буркнул Вирусапиенс.

"Тяжело. Не понял. Пить нужно меньше!" — мелькнула в голове чужая мысль, и Димке показалось, что распятый в вышине Добровик улыбнулся.

Громко засмеялся Ванькин, хихикнул Анатолий.

— Некогда объяснять, — выдохнул Дмитрий. — Нужно найти отца Михаила.

— Не спеши торопыга, а то успеешь, — буркнул Ванькин.

— Да уж, поясни нам убогим, зачем нужен отец Михаил? — поддержал здоровяка Анатолий.

— Ладно, — сдался Потемкин.

— Ты говорил, что его программаторы взрываются. Отчего же тогда этот, — вмешался Вирусапиенс, не обращая внимания на злобные взгляды телохранителя, кивнул на подрагивающий гигантский, светящийся мириадами огней шар, — до сих пор цел?

— Это пока Трофим в нём, — ответил Бейрут. — Человек каким-то образом сдерживает распад программатора. Но ненадолго.

— Понятно, — протянул Вирусапиенс.

— Черт! — воскликнул Бейрут, глядя на Трофима. — Похоже, всё! Вирус Добровика в программаторе. Пора его вытаскивать.

— Долго вы еще возиться будете? — возмутился Бейрут, на секунду поворачиваясь в сторону Вирусапиенса.

Тот, подняв руки, выставил их перед собой.

— Погоди! Еще вопрос. Что за зверь поселился в моей сети? В компьютерной, я имею в виду, — поправился он, замечая недовольный взгляд Потёмкина.

— Трудно понять, долго объяснять. Нужен отец Михаил, — прогремел голос. — Поспешите!

Светящееся великолепие колыхнулось и фантастический шар, дрогнув, резко отпрянул от слушателей. Точнее, программатор не двинулся с места — он лишь сжался и его оболочка, ближний ее край, убежала от наблюдателей.

Дмитрий, затаив дыхание, смотрел на уменьшающуюся, но все еще гигантскую конструкцию. Уж очень она напоминала живое существо.

Противоположный край программатора, невозможно было

различить, не включая расширенное зрение. Он терялся в бесконечной вышине, отгородившись от зрителей сотнями миллиардов галактик и миниатюрных туманностей.

Даже не смотря на мысленное внушение хакера, Димка не мог поверить, что висевшее перед ним сооружение — материализовавшиеся математические символы, ожившие формулы, способные существовать лишь в определенных условиях, в определенном пространстве.

— Быстрее! — воскликнул Бейрут.

Потёмкин бросился к выходу, но, услышав спокойный голос Вирусапиенса, остановился на подоконнике.

— И еще, — произнес тот, поглаживая светлую бороду.

— Я уверен, что любое существо, несущее в себе моего родственника, не способно создать здоровый объект. — Последние слова Вирусапиенс выдавил с трудом, словно заставлял себя произносить их.

— Может поэтому твои… — бородач задумался, — твои конструкции взрываются?

— Нет! — прошелестело в голове. — У меня нет вируса. Я сбросил его в первый программатор, а в этот выгоню Трофимовский. Он так и так обречен.

Вирусапиенс кивнул головой и нехотя двинулся за молодыми людьми.

— О чём это он? — спросил Илья, коснувшись плеча хакера.

Жора повернулся и задумчиво пробормотал:

— Кажется, он наконец-то признал, что его вид — болезнь, зло.

Вирусапиенс вспыхнул, повернувшись к хакеру, поднял засветившуюся руку, но в последний момент передумал. Зеленый разряд впился в пол,

— Что я делаю в этом теле? — вдруг встрепенулся он. — Какой толк от меня в этой никчемной, болезненной оболочке?

Потёмкин с интересом посмотрел на спутника, неожиданно вспомнил о виртуальном бойце, оставшемся один на один с могущественным противником.

— Ты хочешь в Сеть? — с замиранием в сердце спросил он.

Вирусапиенс кивнул.

— А как же он? — Димка кивнул на тело, в котором в настоящий момент пребывал Вирусапиенс.

— А мне, какое дело? — прошипел тот. — Чтобы управлять этим агрегатом, нужен не просто человек? Я тут много чего изменил.

Потёмкину показалось, что в последний момент тон Вирусапиенса смягчился. Может он даже пожалел о принятом

решении.

— Ты хотел, чтобы я поменялся местами с твоим другом!? — неожиданно засмеялся Вир, разглядывая смущенного Дмитрия. — То есть ты знал, что я… Нет! Нет! Нет! — Улыбка быстро сползла с его лица. — Ты не мог этого знать! — забормотал Вирусапиенс испуганно.

— Я и не знал! — торопливо произнес Потёмкин. — Я только хотел предложить тебе это… хотел просить тебя, но не думал, что ты сам предложишь.

Вирусапиенс опустил голову, пряча довольную улыбку.

— Здорово у вас, получается! — наигранно возмутился он. — Опять я за вас отдувайся — только теперь в Сети.

— Вздорный же ты человечишка! — воскликнул Ванькин, приняв возмущения Вируса за чистую монету.

Вздорный человечишка, однако, не обратил на недовольного здоровяка никакого внимания. Не останавливаясь, он коротко кивнул Потёмкину.

— Ладно, поехали в Храм, — предложил он. — Вы к старцу Михаилу, который не совсем Михаил, хотя и старец, а я в сеть. Откуда вышел, туда и уйду!

— А вот этого, пожалуй, — не нужно, — шепнул Дмитрий, выскакивая в обгоревшую комнату. — Мне и без тебя хорошо.

— И все-таки, зачем нам отец Михаил? — не успокаивался Анатолий, едва поспевая за Потемкиным.

Дмитрий спешил.

— Садовники должны знать, что происходит с нашим миром, — пояснил, выходя в подъезд.

— А причем здесь отец Михаил? — продолжил телохранитель.

— Я подозреваю, что он и есть Садовник.

* * *

Двери Храма распахнулись, едва нога Анатолия коснулась ступеньки, и на пороге появился возбужденный Игорь.

— Я вас давно жду, — воскликнул он, устремляясь к Потемкину. — Беда!

— Спокойно, брат, — шепнул Потёмкин, посылая нескладному добродушному здоровяку мысленное приветствие.

Монах не желал успокаиваться, размахивая руками и хватая гостей за рукава, он буквально тащил их за собой.

Показалась знакомая лестница, мелькнули отшлифованные ступени, открылась тяжелая дверь.

Дмитрий заглянул в кабинет священника.

Дубовый стол на месте, кресты, иконы — всё как всегда, всё неизменно.

Вот только к привычной материальной неизменности добавилась непривычно-замершая фигура отца Михаила.

Старец неподвижно восседал в массивном кресле; неподвижно настолько, что вполне мог сойти за умершего пожилого человека.

— И давно он так? — поинтересовался Потёмкин, касаясь теплой руки священнослужителя.

— Пульс нормальный, сердце работает, дыхание в порядке, — констатировал он. — А что не так?

Коснулся мыслесферы священника, тяжело вздыхая, осмотрелся, наблюдая за реакцией организма. Никого не заметив, проник глубже, остановился разглядывая мысли старца.

Страх висел в темноте, заслоняя остальные человеческие чувства. Дмитрий ощутил его невыносимо-холодное прикосновение и, сжавшись, едва не покинул оболочку священнослужителя. Лишь в последний момент он почувствовал присутствие хозяина тела.

Далекое, едва заметное биение… испуганная мысль коснулась его сознания и исчезла, словно источник ее мгновенно сделался неразумным.

Дмитрий решил не спешить и, осмотревшись, заметил в дальнем углу громадного зала, похожего не церковный, маленькую дверь из-за которой, в очередной раз донеслось едва различимое бормотание. Быстро подойдя к тайному убежищу, он рывком открыл дверь и увидел сжавшегося, испуганного человека.

Тот, сжимаясь, сидел в темном углу и шептал непонятную молитву.

— Изыди сатана! — зашипел старик.

— Я знаю тебя! Ты — Дьявол!

Дмитрий, сделав над собой усилие, заглянул в душу старца и мгновенно прочувствовал всю глубину ужаса охватившего глубоко верующего священнослужителя. Из его жизни были вырваны значительные куски. И беда для божьего человека заключалась не в том, что он не помнил происходящего с ним в это время, а в том, что он знал что делает, но не мог противиться захватившему его тело существу. Словно автомат, выполняющий заложенную в него программу, он дышал, двигался, произносил чужие слова, оставаясь при этом лишь зрителем, выброшенным в дальний угол сознания.

Но так было не всегда. Поначалу священник думал, что

разговаривает с господом, выполняет волю создателя и это грело его торжествующую душу.

Однако время шло, и сомнения все чаще посещали отца Михаила. Но, несмотря на это, старец старался выполнять указания голоса посещавшего его в минуты размышлений.

Мысль о том, что его действия совсем не соответствуют тем заповедям, которым он привык подчиняться в жизни, впервые появилась в тот момент, когда он увидел странного молодого человека, способного творить невозможное. Однажды появившись, она больше не покидала его. Чем больше он сомневался, тем чаще в его голове звучал гипнотический голос, тем меньшее влияние он имел на собственное тело, тем большие куски жизни выпадали из его памяти.

Он страдал, но сделать ничего не мог. Мысленно взывая к Богу и днём, и ночью, молил его о прощении. Даже осознав тщетность своих усилий, он продолжал бороться за живущую своей жизнью оболочку.

Все кончается в этом мире, истощилось и его терпение. Одним днём он оставил попытки вернуть своё тело, опустил руки и, замкнувшись в созданном им закутке, стал ждать. Теперь он полагал, что лучше умереть, чем вернуться в проклятое тело. Впрочем, если бы он знал как умереть, то давно бы уже не жил.

— Выходи, святой отец! — произнёс Дмитрий и, отойдя в сторону, стал ждать.

"Нет! Таким образом, ты только добьешь его, — рядом появилась светящаяся фигуру Вирусапиенса. — Старичок и без того на грани помешательства. Дай мне поговорить с ним".

— Попробуй, — прошептал Дмитрий и оставил старческое сознание.

— Ну?! — одновременно воскликнули Илья и Анатолий, заглядывая в глаза Потёмкину.

— Нет, — выдохнул Дмитрий. — Кто бы в нем не был, садовник или еще кто, но он давно ушёл.

— А кто остался? — спросил телохранитель, кивая на замершего в кресле старика.

— Отец Михаил, — ответил Дмитрий, замечая заинтересованность, появившуюся во взгляде старца.

Тонкая, точно пергамент, кожа на щеках священника порозовела, руки затряслись, а на глаза набежала одинокая слеза.

— Боже! — прошептали губы убеленного сединой старца, и иссохшая рука медленно подняла ко лбу сомкнутые пальцы. — Я знал, что ты не оставишь раба своего.

Прикрытые веки задрожали.

— Всё в порядке! — зашептал Вирусапиенс. — Если Садовник

и вернется в это тело, то он будет знать, что мы его ищем. Пора убираться, а то старичок не выдержит, когда увидит меня во плоти. Он-то думает, что говорил с Богом.

Друзья удивленно уставились на Вирусапиенса, ожидая пояснений. Но тот, не дожидаясь пока отец Михаил придет в себя, быстро зашагал к двери.

— Он прав, нужно уходить, — поторопил Дмитрий. — Все к машине!

И бросился следом.

Столкнувшись с Игорем, Жора заговорщески подмигнул.

— Нас здесь не было, — прошептал он.

Здоровенный детина сунулся в дверь, споткнувшись о собственную рясу, громко чертыхаясь, влетел в келью.

— Не богохульствуй! — раздался мягкий голос отца Михаила и вслед за этим послышался радостный вскрик молодого монаха.

— Молодые люди! Постойте! — донеслось из-за открытой двери, и на пороге появился взволнованный батюшка.

— Может я смогу хоть чем-то вам помочь? — поинтересовался священник.

Посмотрев на Потемкина, он вздрогнул и попятился к двери, словно увидел приведение.

— Я знаю тебя! Я видел тебя! Ты — дьявол! — зашипел отец Михаил, осеняя себя крестом.

— Тьфу ты! Что внутри, что снаружи! — пробормотал Дмитрий, ускоряя шаг и оглядываясь в поисках Вирусапиенса.

Тот словно сквозь землю провалился. Только что его светлая шевелюра мелькала впереди и вот, — уже нет нигде.

— Или мне кажется, или раньше батюшка был посмелее, — задумчиво произнес Ванькин.

Шедший впереди Потемкин остановился.

— Вы Вируса не видели?

— Я, видел! — откликнулся Анатолий. — Он в компьютерный зал шмыгнул, пока вы с батюшкой во взаимной нелюбви объяснялись.

Ванькин, задрав голову к небу, уперся взглядом в темнеющую в небесной вышине гигантскую кляксу.

В глазах атлета заплясали злые чертики.

— Что делать будем, бойцы? — прохрипел он. Повернулся к красному апельсину, висевшему на противоположной стороне небосклона, и мгновенно меняясь в лице, пробормотал:

— Неужели потухнет?

Встряхнулся.

— Я так понимаю: с садовником мы прокололись? — поинтересовался он недовольно.

— Не мы, а вы! — пропищал Анатолий чужим голосом, явно кого-то изображая.

Дмитрий был уверен, что где-то уже слышал и этот голос, и эту фразу.

— А ты? — рявкнул Илья. — Знаешь где он?

— Не уверен на все сто, — улыбнулся молодой, человек, и, постучав пальцем по лбу, продолжил, — но думаю здесь, есть все необходимое, чтобы его найти. Я ведь встречался с ним, когда заблудился в пространстве и времени.

Дмитрий с удивлением посмотрел на товарища.

— Ну, я вам рассказывал про чудилу в непонятной лаборатории, застрявшей где-то между мирами. Если бы не он, то я бы еще долго трепыхался, пытаясь писать против ветра. Он мне подсказал про возвращающую силу, действующую между временами, и посоветовал ей не сопротивляться. Первый — так, кажется, он себя назвал.

— Нужно только заглянуть в мои мозги, покопаться в памяти, — произнес Анатолий, усаживаясь в машину. Говорил он нарочито громко, стараясь скрыть охватившую его дрожь.

— Да ты не бойся, братишка! — подбодрил он насупившегося Потемкина, — Мне скрывать нечего.

Смотри!

* * *

"Боже мой, чего тут только нет!"

Потемкин, погружаясь все глубже, осторожно пробирался сквозь джунгли переплетенных воспоминаний. Свежие события яркими объемными картинками мелькали перед глазами. Занимающие основное пространство оперативной памяти телохранителя они были неупорядочены и походили на цветастое тряпье, развешанное в лавке старьевщика.

Протиснувшись сквозь яркие эмоционально-окрашенные заросли, Дмитрий ожидал увидеть спокойствие и порядок основного хранилища жизненного опыта. Но не тут-то было. Нагромождение пестрых впечатлений, бесчисленное количество песен и шуток, отрывки из фильмов, смешанные с реальными событиями из жизни, — все это упаковывалось, и хранилось в больших информационных массивах. И только за ними были видны спрессованные пласты черно-белых образов.

Старые воспоминания, отслужившие своему хозяину, превратились в забытые мыслеформы.

Слишком старые — постепенно умирали, превращаясь в пыль

бессвязных символов.

Кое-где, правда, сохранились остатки эмоционального окраса и запаха. Кое-где просматривались более глубокие чувства.

Разглядывая чужую жизнь, Потемкин смутился.

Сменив диапазон восприятия, он быстро просмотрел события последнего времени, сохранившиеся в памяти телохранителя.

Осколки раздробленных воспоминаний ничего общего с Садовником не имели.

Всплывающие лица — знакомые и неизвестные.

Дикари, больше похожие на обезьян, маленькие и не очень, гиганты.

Прыжок, еще один, еще…

Анатолий прыгал, все сильнее погружаясь в прошлое. Сотни, тысячи хаотических прыжков. Тысячи попыток человека противостоять силе влекущей его домой, в своё время.

Ярко-освещенный зал, напоминающий научную лабораторию… Прыжок… профессор, Галочка, идиот в сиреневых штанах…

Стоп! Назад!

Сверкающая белизна стен, столы с несметным количеством склянок, пробирок и колб.

В углу зашуршало и от одного из столов, отделилась, едва различимая, белая фигура. Человек в белоснежном балахоне, больше напоминающий ангела, повернулся.

Нет. Не человек.

В том, что перед ним «нечеловек», Дмитрий не сомневался. Вот только определить где в это время находился телохранитель, не представлялось возможным: с навигацией у дезориентированного Анатолия дела обстояли очень и очень плохо.

— А вы мне мешаете, — недовольным тоном закричал незнакомец с лицом седобородого старца.

Быстро скользнув к столу, он вытащил из большой замутнённой банки нечто попискивающее и извивающее и пересадил его в пластиковый контейнер.

Дмитрий ощущал себя одновременно и Анатолием, и самим собой.

Присмотревшись к незнакомцу, он почувствовал в его движениях неестественность. Нет, — это почувствовал Анатолий. Меняя облик, словно перчатки, необыкновенное существо иногда принимало его — Потемкина облик, иногда превращалось в седого взъерошенного старичка

Седой дедушка, очень похожий на отца Михаила, недовольно

фыркнул, глядя на смущенного Анатолия.

— Я просил называть меня Первый.

— Хорошо, — пообещал Анатолий, не понимая причин раздражения собеседника.

Дмитрий вздрогнул, ловя мелькнувшую мысль.

Свою мысль.

— Первый? — прошептал он.

А в голове промелькнула другая: "ПервоДим?"

Непроизвольно выглянув наружу, Потемкин посмотрел на организм телохранителя под другим углом и тут же почувствовал нарастающую тревогу и ноющую боль.

— Нельзя менять историю не задумываясь о последствиях — слишком тонка историческая ткань. Любое непродуманное, пусть даже незначительное, вмешательство может разрушить всё древо времен, — продолжал выкрикивать старец, но Дмитрий-Анатолий его не слушал. Что-то давило на его мыслесферу, и он искал источник этого давления. На секунду ему даже показалось, что это нудный старикан пытается воздействовать на его сознание. Но сообразив, что так быть не могло, Дмитрий продолжил поиск источника боли. Ведь старик существовал только в воспоминаниях телохранителя, а они не сканируют память и не пытаются залезть в ваши мысли.

Тело молодого человека содрогнулось, сжалось. Где-то в районе живота похолодело, и ледяная волна покатилась по телу, сковывала грудь, не давая телохранителю вздохнуть. В мозг просочилось дымчатое щупальце.

Мир вокруг закружился, заплясал в безумном танце. Вселенная мгновенно вывернулась наизнанку и исчезла.

Дмитрий открыл глаза, глядя перед собой, увидел большую черную муху, медленно ползущую по забрызганному водой стеклу.

"За бортом" — грязная река, несущая навстречу автомобилю кучи мусора. Мутный поток, натыкаясь на шахты колодцев, закручивается в водовороты, образуя настоящие пороги в местах понижения.

Бледный Анатолий лежит на сиденье рядом. Трясущиеся руки обхватили голову, лицо покрылось фиолетовыми пятнами. Он открывает рот, но не кричит, а лишь двигает губами, пытаясь захватить побольше воздуха. Он задыхается.

— Илья за руль! — выкрикнул Дмитрий.

Он прикрыл глаза, настраиваясь на погружение в организм товарища. Темные щупальца, проникающие во все органы человеческого тела, мгновенно вырисовались перед всевидящим взглядом Потемкина.

— Вирусапиенса не ждем? — спросил Ванькин, подстраивая место водителя под свои немалые габариты.

Дмитрий, услышав слова атлета, резко мотнул головой:

— Едем!

— Куда едем?

— Куда? — задумался Дмитрий.

Не открывая глаз, он прижал руки к дрожащему телу телохранителя.

— Что с ним? — кивнул атлет.

— Вирус!

— Он же остался там, — Ванькин растерянно посмотрел на храм.

— Его вирус! — раздраженно добавил Дмитрий, касаясь руками грудной клетки Анатолия

И в этот момент он вдруг вспомнил слова Бейрута: "У меня нет вируса. Я сбросил его в первый программатор".

Перед глазами мелькнул Трофим, висящий среди галактик и туманностей.

"А может программатор еще не взорвался? Может, успеем и телохранителя подключить?"

— Давай к хакерам, — бросил он атлету. И в этот момент ощутил холодное, пугающее прикосновение.

Дмитрий глубоко вздохнул, словно хотел напоследок глотнуть побольше воздуха и, прикрывая глаза, нырнул в кричащий от боли организм Анатолия.

Сжавшееся тело едва заметно светилось. Грязные фиолетовые пятна, затянули область сердца, позвоночник и большую часть мозга. Восставший спрут пожирал здоровые органы избирательно, стремясь в первую очередь завладеть центральной нервной системой. Наступая и разрастаясь, он отключал оставшиеся, живые огоньки, клетка за клеткой, нерв за нервом.

Взревел мотор, завизжали колеса, лишь на секунду возвращая Дмитрия в привычный мир.

"Знакомая картина, — подумал он, вжатый в спинку кресла, готовясь к долгому противостоянию. — Попробуем потянуть время и слегка утихомирить зверя".

* * *

Серое, каменное крыльцо храма осветила горящая линза и тут же растворилась, оставив после себя лишь затухающие, падающие к земле искорки и маленького светловолосого паренька.

Он посмотрел на солнце, скользнул взглядом по сорвавшемуся с места, дорогому «Мерседесу», покачал головой и решительно шагнул в затемненную прохладу, навстречу серьезным ликам святых, задумчиво взирающим с потрескавшихся от старости стен.

Вглядываясь в пустоту молельного зала, Емельян никого не обнаружил.

Только старушка на входе, прикорнула на стульчике и как-то по-домашнему задремала, тихо посапывая.

За колонной зашуршало, и мимо пронесся неуклюжий здоровяк, беспрерывно одергивающий непомерно большую рясу.

— Стой! — резко окликнул Емельян и, обернувшись к бабульке, улыбнулся, вспоминая свой внешний вид. "Едва ли не моя ровесница, — подумал он. — Буду изображать малолетку".

— Вы не подскажите, где я могу увидеть Потёмкина? — крикнул он, догоняя исчезающего в дверях служителя. Попытался, но не успел.

Однако, промелькнувший батюшка, видимо услышал его вопрос, так как через несколько секунд отозвался. Появляясь из небольшой комнаты, заставленной компьютерами, он внимательно оглядел Емелю с ног до головы и, раздвинув руки, громко произнес:

— Нет, юноша, Дмитрий, только что уехал, со своими друзьями. Вы разве на заметили?

"Мерседес. Опоздал. Теперь к хакерам", — подумал Емельян, расстроено вздохнул и тут его взгляд упал на одинокую фигуру, видневшуюся за спиной монаха.

Сердце испуганно рванулось из груди, и он тут же позабыл и о хакерах, и о Потёмкине.

За столом, тупо уставившись в экран монитора, сидело его прежнее тело. Та же — только отмытая — светлая борода, торчащая паклей, то же лицо, но непривычно здоровое, без синяков и шрамов.

— Вы его знаете? — проникновенно, заглядывая в глаза, спросил служитель церкви.

Емельян кивнул. Не замечая волнения в голосе монаха, прошел в компьютерный зал и остановился возле стола, за которым устроилась неподвижная фигура.

— Очень хорошо.

Мысли, как испуганные лошади, заметались в голове. Он видел перед собой живую человеческую оболочку, вот только разума в ней, судя по всему, не было никакого.

Тело не шевелилось, лишь грудь слегка вздымалась, что уже было неплохим признаком.

"А где же нынешний владелец?" — спросил себя Емельян. Забывшись на мгновенье уставшим, недетским голосом поинтересовался:

— А тебя как величать отрок?

— Игорь, — удивлено произнес священник, нервно теребя немытые волосы и присматриваясь к странному посетителю.

— А вы молодой человек кто?

Не привыкший валять дурака Емеля, взмахнул рукой:

— Ааа, ладно!

— Емельян, я, — добавил тут же, но посмотрев на монаха, понял, что его признание нисколько не прояснило ситуацию. Вопрос, читаемый во взгляде священника, не исчез.

— Черт тя дери, Либерис я, и тело это еще недавно было моим, — вытолкнул он и замолк, ожидая удивления, возмущения, но только не спокойного понимания.

— Тогда понятно, — проговорил Игорь негромко, кивнул головой, но глаз не отвел.

— Вот те раз! Стало быть, тебя это не удивляет, — опешил Емельян.

Игорь пожал плечами:

— После того, что я вижу в небе, когда выхожу за порог? Нет!

— И то верно, — выдохнул Емеля удрученно. Подойдя поближе к телу, слегка толкнул его в плечо.

— Есть здесь кто-нибудь, проговорил он, пытаясь ощутить малейшее биение мысли.

Не замечая никаких признаков мыслесферы, Емельян заглянул в голову неподвижного типа и понял, что тот и жив-то по непонятным причинам. Покинутое тело меж тем не собиралось отключаться — сердце стучало, гоняя кровь по сосудам, легкие насыщали ее кислородом.

"Неплохо поработал Вирусапиенс, — решил Емельян, — все, что можно, переделал. Однако не будет же оболочка до бесконечности работать без управляющего разума. Нужно что-то решать. Или оставаться в этом мальчишке, или…"

— Что делать будешь? — спросил Игорь, словно услышав мысли Емельяна.

— А это тело? — разозлился тот, осматривая юную оболочку. — По-твоему, пусть умирает?

Игорь закашлялся, испуганно отстранился. Подхватывая рясу, перекрестился.

Емельян, сообразив, что неправильно понял монаха, постарался изобразить виноватую улыбку.

— А ты о чём?

— Я говорю, что дальше делать будешь? — повторился Игорь.

— Не знаю, — Емельян задумчиво потеребил мочку уха. — Пойду я.

— С богом, — услышал он, выходя из зала, и обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на пусть и не родное, но привычное тело.

Пока выходил, наткнулся на пороге храма с кучкой недовольных мужиков, но обратил внимания на них никакого внимания. Только крикливый седобородом старичок на секунду привлек его взгляд.

— Это все ученые! Они виноваты, — услышал он слова, сквозь пелену задумчивости, дошедшие до его сознания, и прошел мимо.

"Куда же деть это тело?" — спрашивал он себя, вышагивая по мрачной улице. Шел и шел.

Сзади завыла сирена и мимо пролетела карета скорой помощи. И только тогда Емельян огляделся. Он стоял недалеко от невысокой ограды, опоясывающей громадное новое здание.

"Научно-исследовательский институт детской онкологии и гематологии " — гласила надпись на указателе, висевшем на ближайшем столбе.

"Хватит голову ломать! — обругал он себя и, повернув на асфальтированную дорожку, ведущую к зданию, быстро зашел внутрь.

Едва переступив порог большого учреждения, Емельян сжался от боли. Взглянув на бесконечные коридоры, с множеством дверей, заметил снующих людей в стерильных халатах, бездонные детские глаза над белыми масками, ощутил страх и боль, услышал тихий плач.

Он ощущал горе. Оно было всюду, выползало из-за каждой двери, смешиваясь, двигалось по коридору широким потоком, накрывая с головой, и врачей и пациентов, мешая трезво мыслить, сжимая грудь. Емеля, не замечая протестующих жестов женщины в белом, выскочившей из-за стойки, двинулся в самую гущу темнеющего потока.

— Мама, мама, я умру? — услышал он слабый голос и, заглянув в кабинет, уперся взглядом в блестящую, как биллиардный шар, голову. Мальчишка обнимал склоненную над ним женщину, а глаза его, казалось, заглядывали в самую глубину души Емельяна.

— Нет, сынок. Ты только уснешь. А когда проснешься, — женщина, с трудом сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, прятала воспаленные мокрые глаза, — Бог даст тебе здоровое тело.

Затухающий взгляд парнишки, еще раз коснулся Емельяна, и маленькое тело безвольно повисло в объятьях вздрогнувшей

матери.

— Нет! — заревел в голове женский крик, и Емеля вспыхнул, сворачивая воздух вокруг себя в искрящийся кокон, шагнул вперед.

Перед глазами мелькнул черный силуэт, церковные стены, компьютерный зал, послышался удивленный голос Игоря.

— Опять ты!

— Что это? — взвизгнула женщина, отброшенная от сына, сквозь пелену слез всматриваясь в комок тел, копошившихся на кровати.

— Не трогайте моего сына! — завизжала она, замечая появившегося прямо из воздуха мальчишку и бородатого мужика.

Чувствуя уходящую из тела силу, Емельян прижался к лысой головке умирающего мальчугана и прыгнул навстречу затихающему крику.

Он умирал, в страхе и страданиях.

— Мама! — пронеслось в сознании, и тело скрутила невыносимая боль.

Затем и она пропала. Остался лишь горький осадок.

Емельян открыл глаза и, ощутив себя здоровым и непривычно большим, услышал, как рядом кто-то шумно вздохнул.

— Мама, мама! Я проснулся… — прошептал белокурый паренек и, улыбаясь, посмотрел вначале на бездыханное тело в зеленоватой маске респираторе, а затем на исчезающий силуэт человека со светлой бородой.

— И я видел Бога.

* * *

Странное это дело — ехать по бескрайней пустыне, разбрызгивая воду из-под колес. Ледяные лужи в раскаленных барханах. Ха!

Однако, чего только не бывает в жизни.

Дмитрий открыл глаза и осмотрелся. Храм исчез. И не только он, но и дома.

"Мерседес", медленно пробирался сквозь желтую горячую пургу.

Ванькин, сжимающий руль, громко выругался. Песчаные кучи доходили до самой крыши автомобиля, но, казалось, не препятствовали движению ревущего четырехколесного зверя.

Машина двигалась медленно и равномерно.

Ни смотря на открытые окна и видимую жару, в салоне было сыро и прохладно.

Потемкин высунулся из машины, когда та нырнула в очередную песчаную насыпь, и зажмурился, защищая глаза от вездесущего и всепроникающего песка.

В лицо плеснуло грязной ледяной водой.

— Мираж! — заорал Ванькин.

Он коротко махнул рукой в сторону громадных барханов. Затем вновь обхватил руль руками. Прижался к баранке, словно боясь, что та попытается ускользнуть, устремил взгляд в одну точку, где-то далеко впереди.

— Скоро будем на месте, — Илья торопливо хлопнул ресницам.

Атлет, судя по всему, различал настоящую дорогу, точно также как Потёмкин видел «ненастоящую» песочную круговерть.

Дмитрий хлопнул себя по лбу и попытался, используя внутренние резервы, взглянуть на мир под другим углом. Однако все его попытки отфильтровать изображение реального мира, не дали ощутимого результата. Он видел залитую водой дорогу, кучи мусора увлекаемые бурным потоком. Но стоило поднять голову, как взгляд его упирался в песчаные волны, раскаленные насыпи. Правда пустыня все же была менее реальна, чем грязь и лужи. Она словно просвечивала, пропуская сквозь себя лучи света и позволяя видеть предметы, находящиеся за толстым слоем песка. И для этого не обязательно было сканировать улицу в инфракрасном, или ультрафиолетовом диапазоне. Достаточно было сосредоточиться на каком либо предмете перед собой. На реальном объекте.

Видимо Илья знал об этом свойстве среднеазиатского ландшафта, просочившегося на Московские улочки.

За окном, кто-то закричал.

— Коля! — донеслось из песчаной кручи.

— Лида! — отозвалось эхом из-за соседнего бархана.

Заблудившиеся в тумане люди пытались отыскать друг друга.

Кто-то выскочил на дорогу, и едва успел увернуться от крадущегося четырехколесного зверя.

"Мерседес" рыкнул и, шумно расплескивая грязную воду, остановился.

— Все! — выдохнул взмокший Илья, бросая руль. — Больше не могу. Мне проще кого-нибудь убить, чем рулить в таком… — здоровяк не смог найти нужное слово и замолчал.

— Илья, если не успеем, рванет программатор, — воскликнул Потёмкин.

Пустыня "за бортом", словно ждала момента, когда человек сдастся. Стоило большому кулаку атлета коснуться мокрого лба, как миллионы тонн песка медленно растаяли, прямо на глазах

удивленных зрителей. Гигантские барханы поплыли над землей мутным туманом, а затем заколебались исчезающим миражом.

— Черт! Кто же всем этим рулит? — неожиданно спросил Ванькин.

Дмитрий удивленно взглянул на здоровяка.

"Может он прав, и всем этим кто-то управляет?" — подумал он.

Илья хмыкнул, огляделся и осторожно коснулся обтянутой дорогой кожей баранки. Затем медленно вжал педаль газа. При этом он ежесекундно оглядывался, точно боялся, что пустыня вернется, как только машина тронется с места.

"Мерседес" неуверенно двинулся вперед, но ничего не произошло.

Илья облегченно вздохнул, но как только его взгляд остановился на выгибающемся Анатолии, сдвинул брови.

— Похоже, и меня скоро так зажмет, — кивнул он на подрагивающего телохранителя.

Тот шевельнулся, открыл глаза и вымученно улыбнулся.

— И вновь продолжается бой, — выдавил, и снова отключился.

Потемкин чувствовал состояние товарища, но помочь ему был не в силах. Его сноровки хватало лишь на то, чтобы сдерживать наступление пробудившегося вируса. У него был некоторый опыт в сдерживании вируса, но нынешний противник давно начал свое перерождение, и в настоящий момент очень сильно отличался от вируса деда Трофима.

Это был очень сложный симбионт.

Он предпринял последнюю попытку захвата организма — метался на подступах к мозгу, протягивая свои полупрозрачные отростки, но проникнуть сквозь барьер, созданный Дмитрием, не мог. Пока не мог.

Через несколько минут показался дом хакеров.

Взвалив телохранителя на массивное плечо, Илья быстро исчез в подъезде.

Потемкин последовал за ними. Он чувствовал, что его умение поддерживать связь с опекаемым организмом растет. Однако он также ощущал возрастающее сопротивление, идущее отовсюду. Казалось, даже воздух препятствует его стремлению поддерживать контакт с Анатолием.

* * *

Заплеванная лестница, облупленная краска на стенах, щербатые ступени.

Ванькин загремел каблуком в дверь: звонок не работал.

Скрипнув ржавым железом, дверь медленно отворилась, и на пороге появился удивленный Жора.

— Что? Уже?

— Одиннадцать тридцать! — проскрипел Анатолий, поднимая голову, посмотрел в лицо здоровяка и вымученно поинтересовался:

— Я прав Геракл?

— Минута в минуту, — подтвердил Илья, согласно кивая.

Жора, зевнул, посторонился, пропуская гостей в квартиру.

Илья, не останавливаясь, пересек комнату, быстро впрыгнул на подоконник. Стекло колыхнулось, на секунду превращаясь в жидкое озеро, пропустило атлета, оставившего на сомкнувшейся за спиной поверхности расходящиеся круги.

— А я уже спать собирался, — зевнул хакер.

Потёмкин шагнул в черный склеп с обгоревшими стенами, оглядел привычное пепелище. Улыбнулся:

— Дежавю!

На секунду задержавшись в комнате, Дмитрий шугнул в «зазеркалье» — на голос Бейрута.

— Долго вы добирались.

— Будь у нас верблюд, а не «Мерседес», давно бы прибыли, — оправдывался атлет. — Каракумы на дворе.

— То ли еще будет, — сказал Бейрут.

Отстранено произнес — без эмоций, безразлично.

Анатолий куда-то исчез. Дмитрий нашел глазами дымящуюся фигуру хакера.

— Он там, — кивнул тот, в сторону вибрирующей модели мироздания. — Вы вовремя, я совсем недавно отправил Трофима домой.

Хакер, в который раз ответил на вопрос, который только зарождался в голове Потемкина.

Дмитрий вскинул глаза вверх и обнаружил Анатолия, висевшего в сияющей паутине.

Раскинувший руки в стороны, телохранитель был похож на распятого мессию. Тонкие светящиеся энергетические нити, идущие от крохотных галактик, туманностей и звездных скоплений, опутывали прогнувшееся человеческое тело.

— Странное дело, но после сброса вируса Трофима, модель на некоторое время стабилизировалась, а так бы вы никак не успели, — продолжил хакер.

"До этого точно так же висел Трофим, — подумал Потемкин. — Вот и средство для удаления вирусов".

— Ты думаешь, я для каждого вируса буду делать отдельный программатор? — возмутился Бейрут. — Этот конечно так и так обречен, но больше не надейся. Я, отчего то, уверен, что попыток на создание стабильной модели осталось немного.

Детище Бейрута, словно подслушав разговор, затряслось. Сходство программатора с механизмом, доживающим последние мгновенья, росло с каждой секундой. Галактики ускорили вращение, а от туманностей, расплескивая материю, стали отрываться большие куски.

— Еще пару минут протянет, — прошептал хакер, наблюдая за агонией своего творения. — Успеем сбросить вирус Анатолия, как раз до распада!

— Всем на выход, сейчас здесь будет жарко, — предупредил Бейрут, исчезая.

Он тут же появился возле телохранителя.

Прижав обмякшее тело, хакер несколько секунд повисел рядом, словно прислушиваясь к внутреннему состоянию Анатолия. Затем коротко кивнул и метнулся к выходу.

Дмитрий, проскочив сквозь жидкий экран, активировал защитника, расположился в углу комнаты и стал ждать взрыва. Он уже много раз наблюдал эту картину и потому оставался спокоен.

Бейрут опустил беспомощное тело телохранителя прямо на обгоревший пол. Прикрывая глаза, повернулся к окну. Пальцы задвигались, запорхали над невидимой клавиатурой. Над головой хакера появилась фиолетовая сфера. Загораясь и разворачиваясь, она затянула вход в невидимую лабораторию тонкой светящейся пленкой.

Закончив колдовать над защитным экраном, Бейрут повернулся к молодым людям и спокойно произнес:

— Все по графику. Успели.

Затем, глядя на окно, он начал обратный отсчет:

— Пять, четыре, три, два, один…

— Ноль, — продолжил Илья, но взрыва не последовало.

— Странно! — удивился Бейрут и тут же повернулся к Потемкину. — Ты как думаешь, почему не взрывается?

Дмитрий молчал.

Прошла минута… другая, — а взрыва все не было.

— Семя стабилизируется в присутствии жизненной

программы, — произнес в голове знакомый голос.

— ПервоДим? Откуда ты… — Дмитрий замолчал. В голове замелькали мучавшие в последнее время вопросы. Осколки мозаики постепенно складывались в законченную картинку.

— Ты и есть Садовник? — наконец спросил он.

— Я бы так не сказал, — ответил мысленный собеседник, — но и отрицать это не стану.

— Мне нужно было это давно понять Первый. Еще тогда, когда я копался в мозгах телохранителя.

— Не все так просто. Я не могу существовать отдельно от разумной системы. Точнее, не может существовать та моя часть, которая общается с тобой. Другие проявления могут присутствовать в мире и без разумного носителя. И потому я несу в себе часть того в ком нахожусь в настоящий момент. Сейчас я не ПервоДим, и не Садовник. По вашей терминологии я перемещающийся информационный симбионт. Я — мысль, рождающаяся в голове одного из твоих я. Блуждающая информация.

— Я же говорил, что разум может существовать и без материального носителя, — завопил в голове радостный голос. Это хакер бесцеремонно протиснулся сквозь гудящую защиту мыслесферы.

— Чем больше разумная составляющая, тем стабильнее причинно-следственный модулятор, — продолжал далекий голос. — Вирус, который вы заправили в него, обладает зачатками разума. Поэтому и наступила временная стабилизация. Они синхронизируют друг друга. Надеюсь что ненадолго, ибо получить стабильный зараженный модулятор гораздо хуже.

— Что хуже? — вскликнули Дмитрий и Бейрут одновременно.

— Вы еще не поняли?

— То, что вы сейчас имеете и есть….

Громыхнул взрыв. Стекло в окне вспучилось, огненные языки, лизнув фиолетовый экран, ударились в него горящей стеной и… спали, исчезая в темноте уходящего в бесконечность зала.

Исчезло и ощущение привычного течения времени.

Потемкин ждал этого момента и быстро метнулся в сторону, выскакивая из ускоряющегося временного потока. Он думал, что река времени повернет и двинется вспять, как это неоднократно происходило до этого, но хронопоток, заметно ускорившись, устремился вперед.

— Черт! — ругнулся он. — И без того времени мало.

Дмитрий смотрел на мелькающих перед ним хакеров, видел Анатолия, быстро ползущего прочь от окна, и думал: "Садовник — информация принимающая форму мысли разумного существа.

Но! Если он знает, что создает Бейрут, то это должно быть очень важным".

Успокоившееся время замедлилось, двинулось равномерно, входя в привычное русло и не нарушая заданного ритма.

Потемкин шагнул в сторону и оказался в многократно сгоревшей комнате. Через открытое окно, врывался сухой горячий воздух. Пепел, скрипящий под ногами, плавно взлетал к потолку.

— Нет садовников! Есть только программа помощи, хелпер, справочный файл, — пояснял Бейрут стоящему перед ним Жоре. — И коды, коды, коды. Везде, во всем! Программные коды, сложнейшие преобразователи, компиляторы. Понять, как все это работает одному человеку невозможно, будь он хоть трижды супервычеслитель. Но… отдельные части могут быть доступны многим. Связать все никак не получится, но найти общие алгоритмы, не вникая в частности, возможно.

— Из меня словно позвоночник вытянули, — застонал телохранитель, поднимаясь. Опасливо выгибаясь и похрустывая суставами, он приблизился к замолчавшему Бейруту и тихо спросил:

— А что дальше будет?

— У всех по-разному, — нехотя ответил Бейрут, на секунду сбрасывая маску глубокой задумчивости. — Однако без перезагрузки не обойтись, а значит, будет еще хуже.

— Без перезагрузки? — едва слышно выдохнул Анатолий. — Это что — сдохнуть?

— Хуже! — пробормотал хакер, отворачиваясь.

Анатолий оглянулся и, встретившись взглядом с Потемкиным, вымученно прошептал:

— Домой хочу.

Произнес и в тот же момент с громким хлопком исчез.

Пепельный вихрь метнулся за исчезающей фигурой, но светящаяся мембрана, проглотив телохранителя, сомкнулась за его спиной. Взлетевшая в воздух черная пыль на мгновенье повисла над полом, заполнила пустоту, образовавшуюся на месте исчезнувшего Анатолия. Темный силуэт, теряя человеческие очертания, медленно осел на пол.

— Последнее желание умирающего — закон, — облегченно вздохнул Бейрут, словно сбросил гору с плеч.

— Ты уверен, что отправил его домой? — поинтересовался Дмитрий.

Вспоминая свой последний эксперимент в области перемещения в пространстве, он содрогнулся.

— У него с ориентацией непорядок и раньше был, а сейчас тем более.

— Да ты не бойся, — прервал его Бейрут. — Дорогу домой любой из нас всегда найдет даже в бессознательном состоянии.

Видя сомнение во взгляде Дмитрия, хакер продолжил:

— Раньше ему вирус мешал правильно ориентироваться, а сейчас — нечему. Поправку на изменяющиеся граничные условия я ввел.

— Как ввел? — опешил Дмитрий.

— Мы только что об этом говорили, — рассердился хакер. — Все что мы видим вокруг, это материализация очень сложных программ. Здесь вещи… там, — хакер кивнул в сторону окна, — в информационном измерении — куски программы. Нихт ферштейн?

— Это как файл 3D-изображения! — встрял в разговор Жора. — На экране — стул, а на самом деле набор символов на мировом жестком диске. Цифирьки на Универсуме.

Бейрут молча кивал, соглашаясь с другом.

Когда Потемкин в очередной раз покачал головой, выражая свое сомнение, хакер, шумно засопев, похлопал себя по карманам. Ничего не найдя Бейрут, глянул на Жору.

— Есть что-нибудь? — поинтересовался он. — Предмет какой-нибудь.

Жора погрузил руки в большие накладные карманы, порылся и, зардевшись, вытащил зеленоватую банковскую упаковку.

— Только это, — смущенно пробормотал он.

Бейрут взял плотный прямоугольный брикет, сморщился и громко заржал. — Все играешься? — съязвил он.

Протягивая деньги Потемкину, шагнул в сторону окна.

— Держи крепче! Фома неверующий.

Когда произошла подмена — Потемкин не понял. Лишь ощутил давление со стороны долларовой упаковки, обхваченной пальцами. Сантиметровая бумажная пластина вдруг медленно набухла, потяжелела, раздвинулась, подталкивая напрягшиеся фаланги. Дмитрий непонимающе уставился на свои руки. Две упаковки — вместо одной. Не может быть.

Жора громко заржал.

— Еще, вопросы есть? — Бейрут высунулся из колыхнувшейся глади окна, ожидающе воззрился на Потемкина.

— Как? — удивился тот, ломая хрустящие пачки в руках.

Купюры были новые, ровные, рельефные на ощупь, — неотличимые от настоящих дензнаков.

Бейрут сошел с подоконника.

— Определил координаты предмета, нашел его в информпространстве, вычленил кусок проги, указывающий на эту область, и копировал, — спокойно пояснил хакер.

— Ты себе червонец в тюрьме накопировал, а то и больше, — буркнул Ванькин из-за спины Потемкина.

— Дублирование — самая простая операция, — махнул рукой Бейрут, словно речь шла об изготовлении ксерокопии.

— То есть! — Дмитрий вдруг вытаращил глаза, набрал побольше воздуха и выдохнул. — Там за окном… в твоей лаборатории — дублированная Вселенная? Эти твои программаторы…

— Близко, но не в точку, — улыбнулся хакер.

— Умник! А может, ты еще скажешь, что за зверь движется к нашему Солнцу? — подал голос Илья.

— Демон пустоты? Только попробуй представить, что перед тобой сородич нашего очеловечившегося симбионта — вселенский вирус. Разумный он или не разумный, не знаю, но с нашей точки очень агрессивный. Враг всему сложному и упорядоченному. Я бы назвал его программным ограничителем или корректором, но, боюсь, тогда вы совсем запутаетесь.

— Давай попроще умник, — потребовал Илья.

— Попроще? — Бейрут задумался. — Всякий предмет несет в себе информацию. Видимые характеристики, атомарное строение, энергетические связи — все обо всем.

Информация может быть здоровой, правильной, а может быть больной, с нарушенной целостностью, меняющей строение этого самого предмета. Она, условно говоря, несет в себе вирус. А теперь представьте, что этот вирус передается от предмета к предмету.

— Вирус в вещах? — прервал Илья. — Чушь!

— Это ж надо такое придумать, больной стул. Глупость! — не унимался Ванькин.

— Да постой ты, — утомленно попросил Бейрут. — Плохой мастер изготовил кривую гайку. Она несет в себе вирус и, попадая в двигатель автомобиля, заражает его. Через некоторое время весь агрегат выходит из строя. Мастер-человек передал вирус машине — неживому предмету. Дурацкий писака накропал мерзкую статью о больных СПИДом, те из них, кто прочитал рожденную в злобе писанину, умерли. Что? Как? Почему? Статья, перенасыщенная негативом, несла в себе смертельный вирус. В природе все взаимосвязано, как и в человеческом обществе. Вирус — запрограммированное отклонение от правильности, — хакер на секунду задумался, — симметрии, внутренней красоты — если хотите.

Любой дефект, любая аномалия в пространстве, вызывает сложный каскад изменений, передающихся от предмета к предмету, приводящих к отклонениям в их строении, в

физических законах, в духовном содержании.

Законы природы, как и юридические законы, прописанные людьми, — это программы, сбой в которых ведет к определенным последствиям.

Где-то из-за несовершенства законов гибнут люди, где-то разваливается экономика, где-то из-за вмешательства в законы природы гибнут животные, Земля, гаснут звезды… где-то умирают галактики.

— Не вяжется, — неожиданно запротивился Жора. — В природе все должно быть уравновешенно. Вирус — антивирус. Добро — зло. Если у природы есть враг, то она просто обязана иметь механизмы защиты от него.

— Именно! — завопил довольный Бейрут. — Мы где-то вмешались в работу вселенной — и она ответила нам. Мы для нее стали вирусом. Антивирусная защита — вот что приходит в наш мир. А у любого сканера есть три возможности: лечить, изолировать, удалить. Наш демон — реализация последней. Он стиратель.

— Тебя не поймешь, — пробормотал Потемкин. — То вирус, то антивирус.

— Ваша беда, — проговорил хакер отрешенно, — что вы мыслите однобоко: либо так, либо сяк.

Искра разговора погасла. Бейрут замолк. Дмитрий задумался. Только Жора еще некоторое время пытался, что-то сказать.

* * *

"Странный зверь, — подумал Тромб, вспоминая наступающую со всех сторон прозрачную массу. — Не зверь — процесс. Интересно как Горев справился с сетью станции. И что осталось в ней после нашествия непонятной программы. Или все-таки не программы?"

Бейрут исчез так же неожиданно, как и появился. Спасая Тромба от растворяющей информацию пакости, он перетащил его в безопасное место, опустил на землю, и, не сказав не слова, растворился в воздухе. Словно очень торопился.

"Не пожирает информацию, а разлагает на составляющие, или проще сказать: упрощает или стирает, — продолжал размышлять боец. — При этом сама упорядочена, как и любая программа. Остается одновременно в памяти всех компьютеров — как медленно текущий процесс — Демон, так, кажется, называют его хакеры. Впрочем, как его не назови, но он находится в сети и обязан подчиняться законам компьютерного пространства, —

возмутился боец. — А значит с ним можно бороться".

Тромб огляделся в поисках ориентиров. Вокруг незнакомые компьютеры — чужая сеть. Недостроенная башня в середине уходящего вдаль бесконечного леса. Гигантские деревья замерли в ожидании то ли ветра, то ли птиц, а может в ожидании жизни.

"Неужели все это исчезнет?" — Тромб резко дернул головой и двинулся в направлении одинокого строения. Уже поднимаясь вверх, по витой металлической лестнице, он почувствовал присутствие чужого. Того кого недавно назвал демоном.

Ускорившись, воин выскочил на крышу.

Темный туман плыл над землей, среди высоких деревьев. Там где протекала дымчатая река, мощные стволы оседали и неторопливо исчезали в тумане.

Ярость обуяла бойца.

Просека расширялась, медленно надвигаясь на башню, окружая ее со всех сторон, но, не трогая, словно враг знал, что в башне находиться существо, более опасное, чем безобидные деревья.

Помня о своем беспомощном положении в теле виртуального человека, воин торопливо переделывал себя. Элементы будущего крыла он начал рассчитывать, еще находясь в лапах летучей собаки-Бейрута, когда тот уносил из сети АЭС.

Любое изменение тела требует определенного времени: необходимо переписать программу, отвечающую за оболочку, укрепить защиту, расширить функциональные возможности. Боец спешил. Поглядывая на дымку, приближающуюся к его убежищу, он отрастил себе большие кожистые крылья. Почти как у крылана, только у того они были руками, а Тромб создал себе крылья за спиной, не отказавшись от человеческих рук. Взмахнув кожаными полотнищами, развернувшимися за спиной, Тромб медленно оторвался от крыши и нерешительно встал на крыло. Виток за витком, он чувствовал себя увереннее, взлетал все выше.

Когда одинокое кирпичное строение начало медленно оседать в наползающий туман, Тромб мощно взмахнул крыльями и устремился ввысь. Его охватило упоение полетом, но взглянув вниз, он быстро вернулся с небес на землю.

Всюду клубилась серая масса. Расширяясь и захватывая все большие территории, она лениво ползла дальше и дальше. От компьютера к компьютеру. От одной локальной сети, к другой.

Резко спикировав, Тромб выпустил в шевелящуюся тьму реактивный снаряд и снова взмыл вверх.

Грохот разрыва быстро превратился в противное шипение. Мрак поглотил яркую вспышку, мгновенно укротив родившуюся огненную бурю.

Удар термической гранаты даже не всколыхнул уплотняющуюся дымку.

"Как же с ним бороться? — задумался Тромб. — Он разрушает информацию, превращая ее в набор нулей и единиц. Если пытаться собрать то, что он разрушает? Черпание воды в тонущей лодке чайной ложкой. Нужен насос. Точнее, встречный процесс, тот же природы, что и Демон, но с обратным знаком".

На горизонте Тромб различил яркие вспышки и поспешил навстречу свету.

Далекие огненные всполохи и мощный грохот приблизились, превращаясь в непрекращающиеся разрывы мин-ловушек, густой сетью расставленных вокруг огороженного каменной стеной пространства.

Заглядывая за ограду брандмауэра, боец увидел ярко-освещенный двор, с небольшой церквушкой в центре, и понял, что вплотную приблизился к знакомой церковной сети.

Аккуратно-подстриженная трава прижалась к земле, прогибаясь под резкими порывами ветра — боец интенсивно лупил большими крыльями по воздуху. Начинающий летун с излишней осторожностью совершил свое первое приземление. Наконец-то встав на ноги, Тромб сложил кожистые крылья и оглянулся.

Маленькая площадка, рассеченная золотистой линией тропинки, словно приглашавшей войти внутрь белоснежной церкви, с золотистой маковкой купола. В общем, все как всегда — знакомая картина преимущественно в пасторальных тонах. Вот только привычная идиллия церковного дворика в этот раз нарушалась множеством отвратительных механических многоножек, беспрестанно мелькающих перед глазами. Механические жуки, спешно перебирая металлическими сочленениями, спешили вереницей из церковных дверей. Они тащили на своих кривых спинах всевозможные предметы: скамейки, стулья, обломки чего-то большого, напоминающего громадное распятье.

Странная конструкция, установленная неподалеку от защитной стены, громко заурчала, вращающийся барабан остановился, демонстрируя широкий зев открывающегося люка. Забросив в круглое отверстие очередную скамью из церковного зала, многорукий грузчик двинулся обратно.

Дробилка спокойно перемолола заглоченную скамейку и вытолкнула на землю два тяжелых блока, которые тут же подхватила низкая тележка с большим манипулятором, напоминающим механическую руку.

Скользнув к стене, механический строитель уложил гигантские кирпичи в ряд, и несколькими толчками выровнял свежую кладку.

"Что за место такое, что не делаю, возвращаюсь сюда, снова и снова", — подумал Тромб, всматриваясь в окружающее виртуальную церковь пространство. Он никак не мог решиться ступить на золотистый песок — ожидая подвоха, замер на месте.

Двери храма медленно отворились, демонстрируя пустой зал, с небольшим, деревянным возвышением в середине. Из церкви вышел недовольный светлобородый человек, за спиной которого торчал большой пузатый баллон, очень похожий на огнетушитель. Выдвигающийся из него шланг заканчивался широким раструбом.

Глянув в сторону Тромба, Вирусапиенс — а это был именно он — нахмурил брови.

— Присоединяйся! — пригласил он, кивая, и направился к стене.

Тромб сделал шаг, под ногами скрипнул песок, но ничего не случилось. Он быстро поднялся по каменным ступеням вслед за Вирусапиенсом. Лишь на сомом верху брандмауэра, больше похожего на крепостную стену средневекового замка, воин огляделся.

Темные силуэты, копошились в тяжелом тумане, то приближаясь, то исчезая из вида. Только отсюда, сверху, можно было заметить всю тщетность усилий защитников храма. Чем ближе к стене подступал туман, тем тяжелее и прозрачнее он становился.

Волны жидкого стекла наползали на камни, цеплялись за выступающие кирпичи и ползли вверх, въедаясь в разрушающуюся поверхность.

Стена, усилиями механических строителей утолщалась с одной стороны и так же быстро растворялась с другой.

Упираясь ногой в край площадки, Вирусапиенс вытащил из-за спины гофрированный шланг и направил угрожающий раструб в наползающую клейкую массу.

Импровизированный огнетушитель загудел, харкнул мощной струей красного порошка. Там, где алая взвесь коснулась прозрачной поверхности, громко зашипело. Тут же вспухли расширяющиеся островки каменеющей пены. Казалось — наступающий враг дрогнул и на мгновенье отступил. Только на мгновенье.

В следующий миг каменные куски, покрываясь проседающими язвами, окутались легкой дымкой.

Угловатые возвышенности, выступившие над дымящейся

поверхностью, поплыли, опускаясь в прозрачное тело Демона.

— Тварь! — прошипел разозленный пожарник, на ходу перестраивая свой на первый взгляд незамысловатый инвентарь.

Из металлического сопла вырвалась расширяющаяся струя пламени. Огненная стена встала на пути невозмутимого бездушного противника, испаряя верхние слои гигантской амебы. Демон продолжал свой путь, не обращая никакого внимания на исчезающие в огне куски своей плоти.

— Придется разрушать физическую поверхность носителей, — пробормотал Вир, бросив бесполезный баллон в качнувшуюся волну. Мощный взрыв тугой раскаленной волной ударил в лицо Тромба, едва не сбросив его со стены.

За спиной Вирусапиенса полыхнуло маленькое красное солнце. Темная фигура мелькнула над краем стены и тут же исчезла.

— Нет! — заорал Тромб.

Хлопая глазами, он бросился к тому месту, где только что стоял Вирусапиенс.

Перегнувшись через край площадки, боец испуганным взглядом проводил падающее тело. Вир медленно погружался в прозрачную смесь. Некоторое время ему казалось, что он уменьшается, растворяясь в агрессивной среде. Но неожиданно картинка изменилась. От вспыхивающего зеленым светом, человеческого силуэта во все стороны потянулись темные ветвящиеся отростки, похожие на трещины во льду. Расширяющаяся паутина быстро проникала во все стороны. Однородная поверхность помутнела. То там, то здесь вокруг Вирусапиенса стали появляться рыхлые островки и темные провалы.

Почувствовав опасность, Демон отпрянул одновременно во все стороны, стараясь избежать любых прикосновений к светящемуся телу.

Густые воды разверзлись, и Вирусапиенс стал на ноги на обнажившемся дне.

— Ха! — выдохнул он довольно, сделав движение в сторону прозрачного аморфа. — Не нравиться?!

Вирус сделал шаг вперед и вместе с ним сдвинулись в сторону окружающие его прозрачные стены. Еще шаг… и снова воздушная воронка, в центре которой он расположился, последовала за ним.

— Вир, сзади! — заорал Тромб, когда за спиной вируса вспух гигантский пузырь.

Верхняя половина сферы потемнела, теряя прозрачность, и резко метнулась в сторону расслабившегося бородача. Шумно,

как будто весила несколько тонн, упала на землю, накрывая при этом улыбающегося во весь рот Вирусапиенса.

Несколько секунд шарообразный бурый горб торчал над прозрачной поверхностью, но затем в нём стали появляться дыры, из которых вырывались зеленоватые лучи. Оплывающие края расширялись — купол быстро растекался черной густой смолой. Тонкие темные ручейки, словно живые, потянулись к прозрачному телу аморфа, но тот резко ужался, метнулся в сторону, постепенно отдаляясь от опасного противника.

Гигантская колышущаяся амёба, двинулась дальше, обходя церковные стены стороной, потащила за собой, густое облако тумана.

"Вот он — процесс с обратным знаком!" — обрадовался Тромб, ожидая Вирусапиенса.

— Ты как? — поинтересовался боец, когда тот поднялся на стену.

— Не могу понять, — прошептал вирус. — На какое-то мгновение мне показалось, что я нахожусь сразу в нескольких местах.

— Как это?

— Сам пока не знаю. Знаю, только, что там, — Вирусапиенс кивнул на ползущего Демона, — после него ничего не остается. Он пожирает не только информацию, но и магнитный слой носителя, как будто живет не только в инфопространстве, но и в реальном мире.

— Как же тогда ты… — начал было Тромб, но Вирусапиенс не дал ему договорить.

— Говорю тебе — я был не только там. Я раздоился. Где-то еще прописана моя копия… или, точнее, часть меня. Где-то далеко и в тоже время так близко, как будто я торчал прямо здесь. Там где нет расстояний и времени, где только информация. И именно эта моя часть оказалась ему не по зубам.

— Странно, — прошептал Тромб.

— Такое ощущение, что он находиться повсюду, действует во всей Вселенной одновременно. Он, как физический закон, действия которого не избежать, где бы ты ни находился — здесь или в соседней галактике. — Вирусапиенс, размышляя вслух, мерил стену широкими шагами. — Если я смогу понять, где то место, в котором находиться моя резервная копия, я смогу беспрепятственно перемещаться по сети с неограниченной скоростью, даже по поверхности, на которой информация не может существовать.

* * *

Угольки громко поскрипывали под ногами, пепел, взлетая в воздух, щипал глаза, но Потемкин, не замечая вездесущего запаха гари, продолжал вышагивать из угла в угол, меряя жилище хакеров широкими шагами.

— Я все-таки никак не могу понять, — говорил он, приближаясь к Жоре, сидевшему на полу, прямо посреди сгоревшей комнаты. — Зачем кому-то уничтожать наш мир. Откуда появился этот стиратель, или Демон пустоты, как вы его обозвали?

— Не мы! — поправил хакер. — Любой вялотекущий в оперативной памяти процесс, называется Демоном. А пустоты, потому, что он все, с чем сталкивается, разлагает до простейших форм. Информацию — до нулей и единиц, а материю…

— Где же ты видел материю без информационной составляющей? — прозвучал голос Бейрута. — Предмет без свойств не может существовать. По крайней мере, он не наблюдается нашими органами чувств, не реален для нашего мозга.

— Допустим! — согласился Дмитрий, — но почему, Демон не пытается лечить или изолировать, как любая антивирусная программа? Почему только удаляет?

— Ты не прав, — возразил Бейрут. — Не только удаляет. Было уже и лечить, и изолировать. Ты, вспомни падение метеорита на дом, в котором вы с телохранителем дурковали.

Знаешь, какова вероятность такого падения? Вспомни приезд моей мамочки, упрямое возвращение нас всех во времени. Зачем все это, если не для того чтобы наставить нас на путь истинный, отучить от стремления переделать Мир на свой лад.

Ванькин, прислушиваясь к разговору, удивленно вскинул брови, вытянул лицо.

— Где же здесь лечение? — попытался вмешаться он.

Бейрут, вскинув руки к потолку, раздраженно закатил глаза.

— Когда ты порезался и боишься занести инфекцию, что ты делаешь? — раздраженно спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил, заглядывая в глаза стоящего в углу здоровяка. — Правильно! Прижигаешь ранку. Чтобы уничтожить бактерии.

То-чеч-но! Вот вам и метеорит!

А искусная резьба по моей памяти с использованием мощных стимуляторов в виде мамочки, и зацикливание во времени — это как если бы он решил нас переименовать и отправить в карантин, то есть изолировать.

Не помогло? Гангрена? Удалять!

Вначале руку, ногу, потом все остальное.

Ну, да ладно. Заболтался я тут с вами. Пора мне, — выдохнул

Бейрут и, вздыхая, полез на подоконник. — Будут идеи — добро пожаловать, ко мне, — махнул он рукой в сторону окна.

Потемкин с удивлением уставился на исчезающую поверхность стекла, различая проступившую картину плавающих в воздухе сгустков раскаленной материи.

— Они, что у тебя, сами себя создают? — пробормотал он потрясенно.

— Ну, никак не поймешь! — засмеялся хакер и шагнул за окно. — Это же программы, а не помидоры! Их не нужно поливать и ждать, пока созреют.

Сбоку кто-то шумно охнул и тяжело вздохнул.

Потемкин повернулся и увидел скрючившегося Жору.

Сидя на покрытом углями и сажей полу, хакер прижимал ноутбук к животу. Тело его сотрясалось, крупной дрожью, в глазах мелькал страх. Но так продолжалось недолго. Заметив пристальный взгляд Дмитрий, Жора захрипел, тряхнул головой и раздраженно пробормотал:

— Я, кстати, тоже ни-фи-га не пойму.

Открывая пластиковый корпус, захрипел, коснулся взглядом дисплея, громко хмыкнул и удивленно воззрился на монитор.

— Слушай, зачем тебе компьютер? — спросил Потемкин. — У тебя в голове беспроводной интерфейс. Ты же можешь к любой сети подключиться и работать. А вместо этого лупишь по клавишам и пялишься в монитор.

— Интерфейс?

Хакер пожал плечами.

— Либо я к нему еще не привык, либо он не всегда работает. Сейчас, например, я его совсем не чувствую… — В широко открытых глазах молодого человека мелькнуло удивление, словно он увидел свою давно умершую бабушку.

Дмитрий быстро скользнул к светящемуся экрану, пытаясь различить, что же так удивило Жору, но был разочарован, наталкиваясь на пустой экран. Прикрывая глаза, быстро нырнул в Сеть.

Инфопространство встретило его непривычной тишиной. Вокруг — никого и ничего. Исчезли даже стандартные долины безмятежности. Потемкин оглянулся и обнаружил за спиной высокую насыпь, состоящую из бесконечного множества похожих на грязные градины цифр.

Чуть поодаль высилась еще одна куча бессвязных символов: нулей и единиц.

Мертвый сюрреалистический мир, безжизненная цифровая свалка. Даже земля здесь присутствовала лишь условно, как рисунок на стекле. По крайней мере, вокруг Дмитрия еще можно

было различить цифровую пыль, собравшуюся на небольшом пятаке, а отойди он на два шага в сторону, не увидел бы ничего кроме разверзшейся под ногами бесконечной пустоты. Вот только приближаться к серому провалу совсем не хотелось.

Постояв в безмолвной пустоте, Потемкин решил было возвращаться, но именно в этот момент за его спиной кто-то громко выругался.

— Черт возьми! — донеслось из огромной насыпи.

Дмитрий дернулся навстречу знакомому голосу и увидел недовольное лицо Вирусапиенса. Голова, с присыпанной единичками бородой, торчала прямо из кучи цифр, а тело, как магнит, собирающий железную стружку, складывалось в единое целое из рассыпанных вокруг нулей и единиц.

— Ты? — удивился он. — А Тромб где?

— Тут, недалеко, в церквушке, — ответил Вирусапиенс, выбираясь из цифровой шелухи.

— Он здесь не сможет, — продолжал вирус, обводя рукой висевшие в серой пустоте насыпи.

— А ты как? — спросил Дмитрий.

— Я, как и ты, из другого мира, — вирусапиенс гордо выпятил грудь, сдвинул брови. — Думаю, даже из другого измерения. Не весь конечно, но какая-то часть меня — точно оттуда. Благодаря ей и существую. Вот.

Потемкин не понял, что хотел сказать вирус, но не стал уточнять, лишь покачал головой.

— Я думал, ты отпустишь Тромба, — пробормотал он.

Вирусапиенс недовольно нахмурился.

— Я тоже так думал, когда перемещался в сеть, — громко произнес он. — Я ему и тело уже подготовил. Да тут такое началось!

Вирус кивнул в сторону соседней насыпи:

— Результат видишь!

Дмитрий задумался.

— Как же вы уцелели? — поинтересовался он.

Вирусапиенс, словно ждал этого вопроса. Не обращая внимания на жесты нетерпения со стороны Потемкина, он подробно рассказал об атаке Демона на церковную сеть.

— Некогда, — торопливо шепнул Дмитрий, замечая, что собеседник готов и дальше повествовать о своих подвигах.

Шепнул и… открыл глаза, потер руками, удивленно хлопая ресницами.

Что-то произошло во внешнем мире.

Потемкину поначалу показалось, что его выкинуло из сети, но оглядевшись, он на мгновение засомневался, решив, что не до

конца выбрался из киберпространства. Вокруг, вместо квартиры погорельцев — насколько хватало глаз — раскинулась бескрайняя степь. Желтая трава гнулась к земле под порывами горячего ветра. Серые тучи быстро скользили над землей.

Он даже решил, вначале, что степь вокруг — фокусы Вирусапиенса, но прислушиваясь, понял, что не ощущает ни одного компьютера поблизости.

"Почему же меня выкинуло из инфопространства? — подумал он. — Ну, да это не беда, — подбодрил он себя. — Сейчас разберемся".

Взглянув под ноги и замечая, что стоит на здоровенном покатом валуне, Дмитрий быстро поднял глаза. Осмотрел окрестности, не обращая внимания на маленькую точку у самого горизонта.

Однако через несколько минут темное пятнышко привлекло его взгляд, приближаясь, превратилось в небольшое облако, а затем в громадную серую тучу.

Горизонт заволокла темная туча, стелющаяся над землей. Темные силуэты наездников выскочили из пыльной завесы. Коротконогие всадники с криком и гиканьем скакали в сторону Дмитрия. Размахивая нагайками, они тащили из-за спины короткие луки, круглые легкие щиты болтались у седел.

Потемкин шагнул вперед, еще…

Поверхность камня закончилась, а он, как и ожидалось, завис в воздухе, в метре над землей.

"Опять мираж".

Наездники, удивленно поворачиваясь, проносились мимо. Вытаращенными глазами воины впивались в странно-одетого молодого человека и летели дальше, испуганно выворачивая шеи.

Все кроме одного — последнего.

Его, почему-то, вид Потемкина, идущего по воздуху, не смутил. Всадник, быстро вскинув лук, рванул из-за спины стрелу, зазвенела тетива и круглое смуглое лицо озарила хищная улыбка.

Плечо обожгла резкая боль, и только после этого пискнул защитник. Дмитрий вскрикнул и опустил глаза. Короткое оперение торчало прямо перед носом.

Привыкший к ментальному и энергетическому воздействию защитник, пропустив первый удар незатейливого, но очень эффективного оружия, запоздало загудел. Вокруг Потемкина засветилась полупрозрачная сфера.

Однако бесстрашного стрелка вид охваченного голубым свечением человека не остановил. Кровожадный наездник решил продолжить свои небезопасные тренировки в меткости. Притормозив коня, он решительно повернул возбужденное

животное в сторону гигантского булыжника.

— Ие-хаа! — разнеслось над степью.

Вновь щелкнула тетива и в воздух взлетела вторая стрела.

Потемкин дернулся но, полагаясь на поле защитника, остался на месте.

Он ощущал свой мир, чувствовал запах горелой проводки, знал, что вокруг него только обгорелые стены, но глаза выдавали картину чужого мира. И судя по резкой боли в плече, не только глаза, замечали проникновение чужой действительности в Земную реальность.

Не сумев больше ничего придумать, Дмитрий изо всех сил оттолкнул заблудившийся мир от себя.

Черная обожженная стена мгновенно встала на пути деревянной палочки с острым металлическим наконечником и коротким опереньем на хвосте.

— Дурдом! — воскликнул возмущенный голос, и перед Потемкиным появился громадный Ванькин.

Он с удивлением рассматривал торчавшую из бетонной стены переднюю часть стрелы. Подойдя к Дмитрию, атлет неторопливо осмотрел пробитое плечо. Стрела проткнула мягкие ткани и вышла наружу с обратной стороны руки.

Здоровяк быстро отломал фигурный наконечник и уверенно извлек продолговатый стержень из кровоточащей раны, словно делал это каждый день.

— На тебе, как на собаке, — пробормотал он, разглядывая затягивающуюся окровавленную дырку и покачнулся.

Его вдруг затрясло, глаза потемнели, затянулись ртутной пленкой. Здоровяк отпустил плечо, напрягаясь, медленно сжал громадные кулаки, глубоко вздыхая, согнулся пополам. Казалось, он пытается сдержать пылающий внутри него огонь, не давая ему возможности вырваться наружу.

Потемкин поискал глазами Жору.

Хакер сидел с прикрытыми глазами.

"Либо интерфейс заработал и он теперь в сети, либо в отключке", — подумал Дмитрий.

"Что же мне с вами делать?" — лихорадочно соображая, он в очередной раз посмотрел на содрогающегося атлета.

Ванькин менялся на глазах и выглядел с каждой секундой все хуже и хуже. Вначале позеленело лицо, большие изумрудные язвы, прорастая в кожу, поползли к мощной шее атлета. Пульсируя, они то исчезали, то мгновенно увеличивались настолько, что сливались друг с другом, превращая здоровяка в подобие громадной ящерицы. Из груди атлета вырывался болезненный стон.

Дмитрий думал, лихорадочно ища ответы на появляющиеся вопросы.

Анатолий… Ванькин. Неужели изменяющаяся реальность действует не только на физические законы, но и на вирусы, сидящие в человеческих организмах? А может и интерфейс Жоры отключается именно потому, что меняются физические константы?

Вопросы… вопросы… вопросы.

Парадокс на лицо — чем большими знаниями он обладал, тем больше вопросов рождалось в его голове и оставалось без ответа.

"Хорошо бы иметь базу данных, в которой хранились ответы на все вопросы", — подумал Дмитрий.

Где-то на самом краю сознания, мелькнуло ощущение важности посетившей его мысли. Что-то знакомое и нужное, попросилось из подсознания и исчезло, не найдя поддержки в виде привычной ассоциации.

"Интересно, во что превратиться человек, если его вирус победит?" — неприятная мысль заинтересовала молодого человека и тут же позорно ретировалась: Дмитрию стало стыдно, что в такой момент он может думать об этом.

Он одернул себя. Ванькин на грани, Жора едва сдерживается, а я философствую. Нужно действовать, пока они не превратился в монстров!

Впрочем, я то чем могу помочь?

Бейрут со своими модуляторами пока не готов. Да и не будет же он, для каждого вируса создавать целый мир.

Вирусапиенс?

Черт! Вот кто нам нужен! Опять без него никуда!

Дмитрий поспешно восстановил пропавшее подключение и нырнул в мир инфопустыни, с бессмысленными пятнами нуль-единичных холмов, расположившимися на равнине, напоминающей бесконечный стеклянный стол.

— Я знал, что ты вернешься, — услышал он голос, стоявшего неподалеку Вирусапиенса. — Ты не глупый, но не очень быстрый.

— Вирусы! — воскликнул Потемкин.

— Вирусы? — эхом отозвался собеседник.

И оба замолчали.

— Мне нужны помощники, на которых не действует Демон, а вам хотелось бы поскорее избавиться от моих собратьев. Так? — после секундной паузы, спросил вирус.

Дмитрий согласно кивнул.

— Ты можешь на несколько минут впустить меня к себе… — осторожно попросил Вирусапиенс, коснувшись пальцем виска.

— Чего-о? — завопил Потемкин, передергивая плечами и испуганно отодвигаясь. Закрылся вытянутыми перед собой руками. — Ни-ко-гда!

Вирусапиенс кивнул, опуская голову.

— Ничего другого я не ожидал, — устало выдохнул он и тут же пояснил. — Ты мне нужен, только для контакта с симбионтом здоровяка. Или ты забыл, что я теперь в Сети и потому не могу контактировать с ним непосредственно?

— Нет! Нет! Нет! — Потемкин, не желая слушать вируса, мотал головой, закрывал глаза, сжимал уши руками.

Вирусапиенс неожиданно упал в кучу невесомых нулей, взлетевших от его резкого движения вверх, и, развалившись, словно на перине, зевнул.

— Да мне-то что? Пусть твои приятели остаются со своими сожителями наедине, — он снова длинно и громко зевнул.

Дмитрий обреченно посмотрел на скучающего Вирусапиенса. Он в очередной раз проиграл: противостояние с самим собой окончилось не в его пользу.

— Да ты не бойся, я не задержусь. — Вирусапиенс улыбнулся. — Если не веришь моему слову, создай защищенный туннель, ведущий к нервным окончаниям на твоем теле, — к любому участку кожи.

Ты хочешь сказать, что тебе нужно, чтобы они через меня вошли в сеть? — спросил Дмитрий.

Представляя схему, предложенную вирусом, он с удивлением обнаружил, что знает, как ее реализовать в реальном мире.

— Нет! Я хочу вероломно забраться в твое тело и остаться там навсегда! — скривился тот.

— Но у Жоры есть интерфейс не хуже моего.

— Давай тогда сначала мордоворота, а хакера я сам вытащу.

Подойдя к бородачу, Дмитрий взял его за руку и выглянул наружу.

Ванькин выглядел ужасно. Тающее тело полностью покрыла металлическая пленка. Жидкие зеркальные капли падали на пол, собираясь в небольшие лужицы. Глаза пылали черным огнем, и огонь этот растекался по телу.

Дмитрий схватил здоровяка за теряющее форму плечо. Между руками проскочил разряд, соединяя виртуальный мир с реальной действительностью.

Тело атлета замерло, словно мгновенно окаменело. Тонкая пленка стала стремительно стягиваться, собираясь вокруг руки Потемкина.

Дмитрий почувствовал себя металлическим проводником, через который идет электрический ток высокого напряжения.

Информационный поток был густым и невероятно быстрым.

— Тормози партнер! — возник в голове голос Вирусапиенса и Дмитрий с ужасом понял, что тот спокойно проник сквозь защищенные стены созданного им туннеля. — Пока мы заодно с моим родственником и твоего приятеля не переместили.

Потемкин не удержался и заглянул в сеть. Дикое, темное «нечто» скакало вокруг спокойного бородатого Вирусапиенса.

— Брр! — затрясся Дмитрий, замечая рядом с собой хакера, вращающего соколиной головой. Видимо Жора, подключенный к сети, также избавился от своего симбионта.

— Все! — шепнул Вирусапиенс.

Дмитрий громко хлопнул в ладоши, как будто проверял, что никого ни в одной из реальностей не касается.

— Фу-у-у! — облегченно выдохнул он, как только почувствовал, что остался один.

Теперь он знал, как осуществляется перенос человеческих симбионтов в сеть. Он даже подумал, что в случае необходимости может переместить в электронное пространство и человеческую личность. Однако, что делало вирусы такими послушными, он так и не понял. Ведь они могли игнорировать созданное для них соединение.

Вир сумел получить помощника для своей борьбы с Демоном, не раскрывая своего главного секрета. Даже в критической ситуации он пытался сохранить хоть один аргумент для возможных в будущем переговоров.

Потемкин вновь заглянул в сеть. В куче бесполезных математических символов что-то шевелилось. В воздух взлетали нули, сыпались ручейками единицы. Дмитрий только сейчас заметил, что Вирусапиенс не покидает границ цифровой свалки.

— Здесь и только здесь, не нарушен магнитный слой носителя, — пояснил Вирусапиенс, словно читая мысли Потемкина.

— А сюда-то ты как попал? — поинтересовался Дмитрий.

Он с удивлением смотрел, как тело Вирусапиенса сливается с вновь прибывшим симбионтом и превращается в клонящийся к земле шест, медленно тянущийся в сторону соседнего нуль-единичного холма. Лишь когда дальний конец «живой» шестовины погрузился в наваленные кучей цифры, ближний край стал медленно отрываться от приютившей его насыпи и двигаться к следующей. Процесс перемещения повторился с точностью до наоборот. Затем еще раз… и еще… От кучи к куче, от холма к холму.

" А как же Тромб? — запоздало вспомнил Потемкин — живая арка вспухала и опадала далеко на горизонте.

* * *

Открыв глаза, Дмитрий ощутил холодный пластик. Смахнув с лица провода, огляделся. Кругом бардак: системные блоки, странные устройства, паутина соединительных кабелей, мониторы — работающие и темные безжизненные — забытый антураж хакерских апартаментов.

"Странно! Я ведь никуда не прыгал, и не ощущал неспецифичного движения времени. Тогда откуда прошлое — далекое, когда еще не было программаторов, взрывов, пожаров, не было Демона пустоты, — подумал Дмитрий и, выбравшись из пластмассовых джунглей, выглянул в серое окно. — Утро. А где же Жора с Бейрутом?"

— В какое время меня занесло? — пробормотал он, уставившись на один из светящихся мониторов.

— Черт! — воскликнул Дмитрий, замечая едва различимые цифры в нижнем углу. — Это же день моей операции! Что делать?

"Мы где-то вмешались в работу вселенной — и она ответила нам, — вдруг вспомнил он слова Бейрута и тут же предположил. — А может быть именно с этого момента и началось наше вмешательство. Может быть, именно сейчас можно все, если уж и не вернуть назад, то хотя бы остановить".

Что-то толкнуло его вперед — какая-то необъяснимая, внутренняя сила, внезапный порыв. Он, не задумываясь, прыгнул, ощущая непреодолимую жажду действий. Пытаясь сопротивляться внутреннему давлению, затормозил прыжок, но, несмотря на это, тело продолжило движение, чтобы через мгновенье появится в зеркальном кабинете с непонятным аппаратом, напоминающим пульт космического корабля.

"Собачья лечебница", — вспомнил он, оглядывая кабинет под номером 201.

Дмитрий оглядел операционный стол, над которым нависала механическая рука. Изучив фантастический механизм, задержал взгляд на распростертом на большом лежаке «своем» более молодом теле.

Он смотрел на механизм с длинной иглой на конце, погруженный в череп неподвижного пациента и думал: "это я, или уже не я."

"Мешать нельзя! — возникло в голове, и тут же эхом отозвалось. — Останови!"

Гулкие мысли, заметались в черепной коробке, наталкиваясь друг на друга.

Сдерживаемая узким обручем, голова раннего Потемкина неожиданно дернулась. Дмитрий вздрогнул и, превозмогая себя,

шагнул к столу. В нем словно боролись два человека. Один требовал срочно вмешаться в операцию, другой напротив, всячески предостерегал от этого. При этом оба приводили довольно убедительные аргументы.

Неожиданно панель запищала, вспыхнув красным, щелкнула и отключилась. Погасли мигающие огоньки, стихло гудение управляющих моторов.

"Электричество отключилось! — мысленно завопил Дмитрий, стряхнув охватившее его оцепенение. Нужно действовать!" Нырнул в более молодое тело, перехватывая сигналы, поступающие к головному мозгу от разных органов. Он ощущал себя невидимым зондом, погружающимся в атмосферу чужой планеты.

Тут же вспомнились уверения Тромба о непогрешимости проведенных им расчетов и безупречности параметров операции.

Дмитрий громко выругался. Он только сейчас понял, насколько безрассудным было тогдашнее его согласие. Последствия вживления чипа, были не смертельны, но очень опасны. Да и работать в нужном режиме созданная конструкция не могла, даже без внепланового отключения электричества. Ну, а после сбоя в питании подобная возможность и вовсе исключалась. Зато вероятность повреждения мозга становилась реальной перспективой. Это он понял сразу — как только взглянул на электронную схему, нелепо торчащую в его черепной коробке.

Поврежденные клетки мозга окружили чужеродный предмет со всех сторон. Процесс отторжения уже начался, несмотря на то, что со времени проникновения микросхемы в мозг прошло не больше нескольких минут.

"Но со мной же ничего не случилось, — пришла успокаивающая мысль. — Я здесь и голова моя в порядке. Если я, конечно, не буду вмешиваться".

"А может я сейчас на больничной койке, в сумасшедшем доме, и злоключения последних дней — плод моего больного воображения, — предположила другая половина и завопила. — Сделай же что-нибудь!"

Дмитрий смотрел на торчащую из головы длинную иглу и размышлял о том, как поведет себя программный медицинский комплекс, после включения питания. Его знаний и вычислительных способностей не хватало, но то, чтобы выдать даже приблизительный прогноз.

Вдруг, аппарат зашуршал, замигал огоньками, на экране монитора замелькали символы, убеждающие наблюдателя, что управляющая комплексом операционная система загружается.

"Ну, уж нет, обойдемся без ваших программ", — решил

Дмитрий, беря управление медицинским комплексом на себя.

Пока он разбирался в технике управления, его мозг лихорадочно просчитывал возможность сосуществования живой ткани в содружестве с электроникой. Можно допустить, что при определенных условиях операция закончиться успешно, но слаженную работу мозга и внедренной в него платы представить было невозможно. Необходимо извлечь чип и перемкнуть несколько проводящих дорожек, затем…

"Руками паять будешь? — мысленно завопил Потемкин, глядя как индикатор загрузки, медленно, но неотвратимо заполняющий стартовый прямоугольник. — Когда этот чёртов комбайн заработает, тогда уже ничего не поправишь, — страх тяжелой волной метнулся к горлу, сжимая грудь, мешал дышать. Он дернул головой, пытаясь разогнать застывающую кровь. — Как же я сразу не догадался, ведь достаточно заглянуть в свою черепушку, чтобы увидеть, там ли микросхема? Нет!"

— Без паники Либерис, — попробовал взбодриться, непонятно зачем похлопал по карманам.

Стоп! Что это?

Рука наткнулась на пластиковую коробочку. В нее он высыпал "мозговые интерфейсы", которые ему отдал Анатолий.

"Плейты! Как я мог забыть? — Дмитрий хлопнул ладонью по лбу. — Неужели все это цепь случайностей?… Некогда размышлять, нужно исправлять ситуацию, спасать себя родимого. Он вдруг представил, что операция оканчивается неудачно и на столе остается кандидат в психушку, а рядом растворяется нечеткий силуэт несостоявшегося Хомо Либериса. — Ну, уж нет!"

Система, пока он размышлял, загрузилась, но управляющая программа, не пожелала продолжать прерванную операцию. Механическая рука шевельнулась — угрожающего вида игла еще больше погрузилась в череп спящего пациента. Потемкин попытался подать на взбунтовавшееся устройство электрический сигнал, приводящий в движение управляющие моторы. Миниатюрные движки загудели, но однорукий хирург не шевельнулся.

Сбросив куртку, Дмитрий схватил лежавший на соседнем столе скальпель, и быстро отвинтил пластиковую крышку, скрывающую передаточный механизм; раздвинул разнокалиберные шестерни, стараясь ничего не сломать, вытащил проникший в голову «младшего» Потемкина щуп. Для того чтобы тот разжал свои микроскопические клешни и отпустил едва заметную плату, пришлось открутить еще полтора десятка болтиков, сместить несколько штифтов, и только после этого цепкая клешня отпустила бесполезную микросхему.

"Полдела сделано, — решил поражающийся своей ловкостью техник. — Теперь все в обратном порядке. Закрепить горошину плейта, вернуть щуп в черепную коробку, разжать клешни и ждать пока внешняя оболочка биоэлектронной конструкции творчеков растворится. После этого семечко биоинтерфейса начнет создавать устойчивые связи с клетками головного мозга.

А может ограничиться устранением последствий неудачной попытки вживления чипа, и на этом закончить? — спросил себя Потемкин. — Может тогда обезумевшая Вселенная успокоиться, — попытался трезво мыслить Дмитрий, но в тот же миг в голове родилась другая — не менее разумная мысль. — А если не успокоиться, кто же тогда будет спасать наш дом?"

То, что он делал, можно было бы назвать слесарной сборкой, потому, что хирургу, использующему методы, отдаленно напоминающие приемы Филиппинских хиллеров, приходилось спаивать нервные окончания, удалять поврежденные чипом отмирающие клетки. Он облучал, резал, склеивал. Благо до этого, он успешно попрактиковался на организме Трофима. В общем, как сказали бы хакеры: "лудим, паяем, починяем!"

Только когда был запаян последний кровеносный сосуд, закручен последний болт однорукого механизма, Потемкин расслабленно вздохнул полной грудью и, найдя пузырек с нашатырем, промокнул им большой кусок ваты.

— Пора вставать братишка, — прошептал он, поднося едкий кусок к носу " крайне близкого" пациента.

Димка, лежащий на столе, дернулся, отворачиваясь от источника пронзительного, едкого запаха.

— Что случилось? — спросил он, с трудом поднимая тяжелую голову. Несколько секунд смотрел в потолок, кривясь от боли и, лишь потом, продолжил:

— Получилось?

Пытаясь подняться, пошатнулся, но устоял на подгибающихся ногах.

Потемкин отошел в сторонку и в этот момент двойник повернулся и лениво посмотрел сквозь него совсем не удивленным взглядом. Словно смотрел на свое отражение в стекле.

— Нужно уходить, — прошептал вчерашний Потемкин, фокусируя затуманенный взгляд на зеркальной поверхности.

Отражающая дверь неожиданно отворилась, и на пороге возник мужчина в голубом халате. Что-то в его внешности говорило о том, что он не доктор… и не пациент.

"Техник!" — вспомнил Потемкин, пытаясь сдвинуться чуть-чуть в сторону — на доли секунды во времени, но получилось

лишь слегка переместиться в пространстве.

Время стало для него категорией абсолютной, вынуждая двигаться по раз и навсегда проложенной колее.

"Странно, но на техника этот мордоворот тоже не очень походит", — подумал Потемкин, ощущая себя гвоздем, забитым между двух деревянных стенок. Он оглянулся и только когда увидел висящий на плечиках белый халат, понял, что находится в шкафу для одежды медперсонала.

Маленький светлый лучик, просачивающийся сквозь тонкую перегородку, привел его к небольшому отверстию, через которое он мог наблюдать за кабинетом.

— Ты как сюда попал? — послышалось из-за стены.

— Точно так же, как и все: по записи, — рыкнул в ответ его голос.

Хлопнула дверь.

Дмитрий вжался в стену, приник к отверстию, но доступная щель не давала широкого обзора: сквозь нее была видна лишь малая часть комнаты и совсем не та, которую Потемкин желал видеть. Недолго думая он решился и, шагнув сквозь деревянную перегородку, появился за спиной странного техника.

Дмитрий замер, следя за каждым движением коренастого мужчины, он старался не пропустить момент, когда тот будет поворачиваться. Незнакомец подошел к механической руке, внимательно осмотрел каждый стык в конструкции, каждый винтик, пощупал иголку.

Дмитрий, стараясь оставаться незамеченным, бесшумно следовал за ним, оставаясь за спиной, он совершал едва заметные прыжки в пространстве.

Техник уверенным движением отключил питание комплекса и вытянул из компьютера бокс сменного винчестера.

Дмитрий почему-то не очень удивился, когда мужчина достал из кармана точную его копию и мгновенно заменил извлеченное устройство.

В действиях незнакомца прослеживалась система. Он вначале исследовал программно-медицинский комплекс, ища следы воздействия на него: как механического, так и программного. Закончив осмотр и спрятав в карман предполагаемые «улики» мастер несколькими движениями восстановил работоспособность системы, перекрестился и быстро удалился.

"Божьи дети", — решил Потемкин.

Скрипнула дверь.

А это еще кто?

На пороге показался полковник Коваль и тут же растаял, вместе с окружающим его антуражем. Исчез зеркальный кабинет

со сложной аппаратурой. Растворился странный хирургический "однорукий хирург". Померк солнечный, хоть и не яркий, свет, пробивающийся сквозь оконное стекло.

Мелькнуло мрачное болото, появившись из ниоткуда, оно дохнуло на молодого человека промозглой сыростью.

Ударом шквального ветра Дмитрия встретил следующий мир. Его бросило в сторону, едва не размазав по каменному склону. Появилась и исчезла скала, торчащая над бушующим океаном. Брызги пены, отрывающиеся от бушующих бурунов, взлетая высоко в воздух, касались разгоряченного лица. Но и в этом мире он долго не задержался. На мгновенье солнце погасло, и на глаза надвинулись пылающие галактики, взрывающиеся сверхновые, мертвые туманности, засасывающие излучение и материю черные дыры.

— Вокруг тебя мир сходит с ума, — услышал Дмитрий голос Бейрута.

Затем и сам хакер появился перед ним — длинный, напряженный, сухой.

— Ты живая аномалия, отклонение от всех известных законов, — продолжал он, нервно поглядывая на подрагивающее мироздание.

Дмитрий тоже посмотрел на созревающий программатор. "Созревающий!?" — уцепился он за мелькнувшее в голове слово.

Не понимая, что же именно показалось важным в едва обрисовавшейся мысли, он попытался сосредоточиться.

Программатор, по всей видимости, опять потерял стабильность. Звезды бесновато носились по несвойственным им орбитам, привычное вращение галактик нарушилось. Туманности расширялись слишком быстро, а само мироздание при этом стремительно сжималось.

— Опять? — спросил Потемкин.

— Угу, — буркнул в ответ Бейрут, покачивая головой. — Не хочет стабилизироваться. Где брать эту самую разумную составляющую, о которой говорил Садовник, — не знаю, — закончил он.

— Может меня подключить? — спросил Потемкин, в глубине души боясь, что Бейрут скажет «да».

— Хочешь разделить судьбу вируса телохранителя? — улыбнулся хакер.

Дмитрий машинально качнул головой.

— Как там Тромб? — осторожно поинтересовался Бейрут, так, словно ему и не очень-то интересно — невзначай.

"Тромб! Вот кто тебе нужен! Вот кого ты хочешь запихать в свои бомбы с отсроченным временем взрыва, — мысленно возмутился Дмитрий. — Нет! Только не это. Я не согласен!"

* * *

— Хорошо, — заявил боец с экрана монитора. — Я согласен! В сети я больше не нужен. Какой толк от беспомощного воина?

Тромб спокойно выслушал Бейрута, не дрогнул, когда тот поделился опасениями относительно его дальнейшей судьбы.

— Я согласен! — повторил он, глядя на недовольную физиономию Дмитрия.

— Надоело бродить по стенам вокруг церкви, не имея возможности ничего изменить в гибнущем виртуальном и уж тем более в реальном мире, — пояснил он. — Лучше погибнуть в борьбе.

— Хороший выбор, — подбодрил бойца Бейрут. — Ты готов? — поинтересовался он у Потемкина.

— Я, как поводырь, таскаю слепых из реальности в реальность, — пробурчал тот.

— Все мы для чего-то появились в этом мире, — Бейрут, прикрыв глаза, сосредоточенно орудовал на воображаемой клавиатуре.

Дмитрию показалось, что он видит светящуюся прямоугольную пластину, зависшую в воздухе перед хакером. Он даже на мгновенье различил светящуюся нить, выходящую из клавиатуры, и нечто напоминающее виртуальный шлем на голове Бейрута — но только на мгновенье.

— Начинаешь видеть? — улыбнулся хакер. — Это мой мозговой интерфейс, только модернизированный, — кивнул он.

Потемкин вздрогнул, вспоминая недавний экскурс в прошлое, но в этот момент в него впились сотни миллионов, миллиарды светящихся нитей, соединяя его с каждой частью созданной Бейрутом модели мироздания, и ему стало не до размышлений.

Он закричал, но не от боли — от удивления и восхищения; ощутив прикосновение Вселенной, на мгновенье почувствовал себя атомом водорода, звездой, галактикой и туманностью одновременно.

Он был везде и всегда, он сам стал временем и пространством; мог управлять движением звездных систем и мог лепить материю из гипотетических кварков.

Он мог рассеять газопылевую туманность в пространстве на многие световые годы, а мог скатать ее же в плотный шар, чтобы

тот, через некоторое время, запылал, превращаясь в молодую звезду.

— Я есть Вселенная, я суть мироздания! — завопил восхищенный разум.

Множество вопросов мгновенно исчезли, аннигилируя с появившимися ответами, превращаясь в энергию знаний. Однако "свято место — пусто не бывает", и новые знания породили новые вопросы, требующие ответов, истощающие перерождающийся разум.

Почему все это великолепие холодно?

Отчего в бесконечно-сложном механизме, существует абсолютная симметрия, присутствуют физические законы, но нет смысла, нет жизни?

Нужно исправить, переделать, наполнить логикой, внутренним смыслом!

Кто это сделает, кто творец?

Я!

— Дима не расслабляйся! Может рвануть в любой момент, — предупредил Бейрут, проникая в мысли. — Подключайся к компьютерной сети.

— У меня все под контролем, — уверено заявил Потемкин, ощущая себя центром мироздания — новоиспеченным Богом. — Не нужно Тромба!

Кто должен быть здесь!

Я!

В голове взорвался возмущенный крик Бейрута:

— Черт! Этого я и боялся! Он действует на тебя!

— Пока я здесь — не бойся, — засмеялся отец отцов, альфа и омега, — хозяин мира.

— Не может один человек учитывать все нюансы, взаимодействие причин и следствий, не может он знать тонкостей поведения атомов и Галактик. Рано или поздно ошибки в работе программатора накопят критическую массу, перейдут из количества в качество, и тогда ты не сможешь контролировать его работу. Ты погибнешь вместе с ним, — убеждал Бейрут. — Впусти Тромба и возвращайся. Нам нужно спасать наш мир!

— Нет! Я все решил! Мне никто не нужен! — выкрикнул Потемкин и замолчал.

Он чувствовал движение раскаленной до сверхвысоких температур материи, поглощал энергию рождающихся звезд, ощущая насыщение, словно после вкусного обеда. Взрывы сверхновых подбодрили требующий энергии бесконечно большой организм.

— Если ты не вернешься, мы вытащим тебя силой! —

пригрозил Бейрут.

Мир закрутился, ускоряясь, затягивая человеческий разум во вселенский водоворот. Масштаб времени изменялся. Потемкин чувствовал это, но не обращал внимания — он был слишком занят, своими ощущениями. Он уже с трудом различал растянувшийся во времени голос хакера, продолжавший что-то говорить.

— Ха! — Дмитрий засмеялся в ответ так, что несколько сотен недозревших сверхновых вспыхнули, не дожидаясь своего срока, — несколько вспыхнувших, потухли, сбросив оболочку и превращаясь в черные дыры. — Попробуйте!

— Жо-ра, Иль-я! — произнес низкий незнакомый голос, где-то далеко — на пределе слышимости.

— Ну-ж-н-а в-а-ш-а п-о-м… о…… щ…… ь!

* * *

Мир, окружающий его и являющийся частью его, жил по своим законам, в своем времени. Постоянно пытаясь уйти из-под контроля, он походил на взбрыкивающую, необъезженную лошадь, не желающую становиться под седло.

Поначалу все шло хорошо. Кокон стабилизировался. Звезды успокоились. Туманности прекратили свой бег на пути к полному распаду. Галактики мерно шествовали по проторенному маршруту. Правда, восстановление распадающегося «мироздания» отняло все время у бывшего человека: не осталось ни доли мгновения на размышления, — даже на мимолетную мысль. Стоило только на миг отвлечься, как тут же появлялись проблемы. Впрочем, проблемы появлялись и тогда, когда он не отвлекался. Все чаще в работе бесконечного механизма возникали сбои, все чаще они могли сойти за катастрофу вселенского масштаба — страшную и неотвратимую.

Вот, после очередных экспериментов со спином электрона, исчезла целая группа галактик; растворилась гряда черных дыр, расположенная на самой окраине его Вселенной. И, несмотря на то, что подобное происшествие по ощущениям можно было сравнить с вдруг исчезнувшей на пятке мозолью, он понимал, что это начало серьезной болезни.

Пытаясь изменить гравитационную постоянную, добиваясь увеличения скорости образования звезд, он вдруг ощутил острую нехватку энергии — это потухли квазары, греющие его конечности.

Почему потухли — непонятно. Добивался прибавки энергии,

хотел подмолодить свой организм, а получил — обратное.

Почему?

Задумался. Понял, что так и должно быть. Однако думал непростительно долго. Пока считал и анализировал, потерял еще сотню другую звездных скоплений.

Холодно… скучно… устал… мир сжимается, а желания сохранять его — уже нет. Не хватает энергии, и главное, — нет желания.

Что же ты хотел?

Где-то вдали. За пределами мира блеснула соблазнительно яркая искорка, приближаясь, поманила, позвала к себе. Странная искорка, необычная отличающаяся от всего того, к чему он привык в своем мировом коконе.

Нить сознания скользнула в направлении непривычного теплого света и вдруг завибрировала, ощущая жизненную силу.

— Живой свет! — завопил он, вспоминая забытый язык, удлиняя промежутки времени так, чтобы стала понятна человеческая речь, несущаяся к нему навстречу — вместе со светом.

— Димыч! Ты гибнешь! Подключай сеть и уходи! — с трудом различил он знакомый голос.

Стоило только на миг отвлечься, перестать заниматься расчетами траекторий, вычислением интенсивности излучений и величины взаимодействий; вытряхнуть из головы мгновенные значения меняющихся постоянных; забыть о балансе излучений и влияние темной материи, как тут же пришло ощущение — знакомое, но забытое чувство. Он все вспомнил.

Он человек!

— Димыч, поторопись! — продолжать взывать голос Бейрута.

Потемкин выглянул за пределы сжимающегося пространственного кокона, увидел суетящихся людей. Жора, Бейрут и еще кто-то, бородатый. Рванулся наружу, разрывая натянувшиеся кровеносные сосуды, по которым неслась энергия и информация.

Горящие нити, соединяющие его с программатором, нехотя расставались с человеческим телом. Разорванные, они хищно тянулись к извивающимся светящимся обрубкам.

— Нет! — взвыл Потемкин и выпал из программатора. Дернулся, оглядываясь, и с удивлением обнаружил, на своем месте Вирусапиенса.

— Быстро подключаешь Тромба и сразу назад, — распоряжался Бейрут, мелькая перед глазами.

— Емеля, ты меня слышишь? — кричал хакер, то появляясь, то исчезая.

Дмитрий удивленно смотрел на распятого в программаторе бородача: "Емеля?"

— Учи мамку, щи варить, — проворчал недовольный голос из вздрагивающего программатора.

* * *

*** 9 ноября

— И если Тромб ничего не придумает, то и этот программатор взорвется. К тому же вместе с ним, — Бейрут ходил из угла в угол, заглядывая в зеркало окна, словно чувствовал опасность, идущую из бесконечной лаборатории. — Изменения зашли слишком далеко. Уже нельзя просто поддерживать текущие процессы.

Сдвинув брови, он посмотрел на Потемкина.

— А мы не можем помочь ему, подправить модель снаружи? — поинтересовался Жора, также не отрывающий взгляда от колышущегося стекла.

— Или вытащить назад?

— Зачем тогда было загружать его? — спросил Ванькин.

Дмитрий молчал, чувствуя неловкость. Как ни крути, а это он виноват, в создавшемся положении. Именно он едва не уничтожил нынешнюю модель Вселенной своими дурацкими экспериментами. Он не выдержал испытания божественностью, или как выразился Бейрут, — "пробожил ситуацию".

— Одному невозможно уследить за всем миром, пробормотал Дмитрий. — Мы слишком человеки, чтобы отречься от своей сущности. Слишком много параметров: не остается времени, даже на мгновенье задуматься.

Бейрут, похоже, думал о том же.

— Если загрузить несколько сознаний, будет лучше? — спросил он и тут же покачал головой.

— Однажды лебедь, рак… да эта… как ее? — щука! — улыбнулся Ванькин.

Бейрут одобрительно кивнул, и здоровяк расцвел широченной улыбкой: не часто Бейрут соглашался с его мнением.

— Ты представляешь, что с тобой будет, если у тебя печень начнет размышлять, и сердце, и селезенка? Долго ты проживешь, если у каждого органа свое мнение появиться? Организм должен быть единым!

— Вы, хоть убейте меня, — воскликнул Илья, замечая на себе ироничные взгляды товарищей, — но я не пойму, почему нужно

заниматься этими вашими программаторами?! У нас, что важнее дел нет? Мир гибнет, кругом плывуны, солнце гаснет, а они… Сознание, ткань мира, сущности, — продолжил здоровяк, кривляясь.

Дмитрий погрузился в кожаную мягкость, но тут же вскочил, как ужаленный. Подпрыгнув, удивленно уставился на новый шикарный диван, занимавший пространство от стены до стены. Он только сейчас заметил, что в комнате появилась мебель. Да и стены больше не пугали своей закопченной мрачностью. Просто серый бетон, чистый, как будто только что с завода. Ни копоти на потолке и стенах, ни сажи, ни хрустящих под ногами углей.

— Это у нас Жора практикуется, познает информационную составляющую, расшифровывает коды мироздания, улучшая окружающий мир в отдельно взятой квартире. Пепелище то он стер… с моей помощью, — добавил Бейрут и кивнул в сторону своей лаборатории, — а вот обои на стенах — прописать не в силах.

— А мебель, он тоже там создавал? — спросил Потемкин серьезно, непроизвольно дернувшись в сторону окна.

— Мебеля он на выигранные в Казино деньги заказал, — пояснил хакер и ядовито добавил. — Пока ты в Бога играл, нам ее привезли и собрали.

— Неужели кто-то в такое время еще бизнесом занимается? — удивился Дмитрий.

Первым среагировал Ванькин. Он громко засмеялся и, не переставая скалиться, заявил:

— Ты что? Сейчас самый бизнес и начался.

Жора видя замешательство Потемкина, пояснил:

— Народ у нас предприимчивый. Кто очки с измененным фокусом и поляризованными линзами предлагает, чтобы видеть сквозь наплывающую несинхронную реальность, кто навигаторы продает, с загруженными картами любого временного плывуна.

Врут, конечно, что карты реальные, но народ ведется — берет. В мире, где каждый час происходят изменения, вера необходима. Если есть карты, значит — кто-то исследует плывуны, значит — ничего в них страшного нет. Сейчас особо ценятся металлические зонты — веса никакого, а прочность, как у бронежилета.

Дмитрий выпучил глаза.

— Железные зонты-то зачем?

Жора понимающе закивал:

— В последнее дни на Москву очень специфичный хроноплывун надвигается. Град больше на щебенку с острыми, как бритва краями, похож; кожу как туалетную бумагу рассекает.

Кто не успел, того…

— Того в лохмотья! — подсказал Илья.

— В лохмотья, — согласился Жора, сразу погрустнев.

Дмитрий покосился на Бейрута, который предвосхитил его вопрос.

— Тебя не было, почти четыре месяца, — пояснил он. — Теперь проникающая к нам действительность не просто мираж, — хакер замолчал.

— Это что же, получается? — воскликнул Потемкин. — На дворе уже лето?

За спиной громко хмыкнул Илья, — аж закашлялся.

Бейрут мгновенно появился рядом.

— Думаю, хронодендрид теряет свою структуру, — предположил он. — Разваливается!

— В прежнем пересечение ветвей было невозможно, но сейчас, — многозначно закончил хакер, мрачно понижая голос.

— Уже лето! — не унимавшийся здоровяк, пыхтел и ухал.

Дмитрий, не обращая на него внимания, спросил:

— А люди как?

За спиной опять хмыкнули.

— Что ты там кряхтишь? — недовольно воскликнул Потемкин, оборачиваясь к сопящему атлету.

— Ты на улицу выйди, — тогда и не так закряхтишь! — выкрикнул Илья. — Времени года не существует: выйдешь в лето, вернешься зимой.

Жора согласно закивал.

— И люди — не люди — и даже не звери.

Бейрут молча сжал губы.

Потемкин посмотрел в окно, но понял, что оно давно уже не исполняет главной своей функции и через него так же сложно увидеть улицу, как через входную дверь подъезд.

Стоило ему подумать о двери, как металлический лист закрывающий вход в жилище хакеров вздрогнул. Снаружи кто-то стоял и лупил по нему ногой.

— Анатолий! — обрадовался Потемкин, сквозь стену различая, знакомый эмоциональный силуэт. Он поспешно двинулся к двери, но тут опять услышал хмыканье Ванькина.

— Это он только для вида ломится, — пояснил здоровяк. — Сейчас сам нарисуется.

И, действительно, телохранитель не стал дожидаться, пока хозяева впустят его в комнату. С негромким хлопком он появился в центре комнаты, прямо перед вздрогнувшим от неожиданности Потемкиным.

— А ты как думал, теперь и мы со Вселенной на ты, —

Анатолий обнял растерявшегося друга.

— Там сторонники нашего батюшки развлекаются, — вспомнил он, поворачиваясь к Бейруту.

Взгляд его при этом потемнел, наполняясь злой решимостью.

— Всех бы кончал, — прошипел телохранитель. — Они все же нашли последнего козла отпущения из бригады ученых работавших на Адронном коллайдере, — закончил он.

— И? — рявкнул мгновенно рассвирепевший Бейрут.

— Распнули… и камнями… — неохотно ответил Анатолий и тут же добавил, глядя на напрягшегося хакера. — Не суетись! Он умер еще до моего появления. Я бы не дал.

Потемкин сосредоточенно молчал: он вдруг понял, как сильно отстал от идущего вперед времени. Слишком много событий произошло с момента его погружения в причинно-следственный программатор.

— А ты говоришь люди! — Бейрут задохнулся от возбуждения.

— Давайте-ка по порядку, — попросил Потемкин. — С самого моего отключения.

— Ты хотел сказать подключения, — пробормотал хакер, неожиданно, словно вспомнив что-то очень важное, подскочил на месте, смахнув с лица свирепую маску, исчез, шагнув к окну.

— Спроси телохранителя, он у нас на связи с общественностью, — прошептал на ухо голос Бейрута, хотя сам хакер не появился.

Дмитрий нахмурился. Ему не понравилось то, с какой поспешностью исчез хакер, насторожила проскользнувшая в голосе нотка то ли испуга, то ли вины.

— Жорка кончай компилить! Обойдемся без обоев, — зазвучал нарочито сердитый голос за окном.

— Работа ждет.

*** 10 ноября

— У меня работы нет, потому я как мальчик на побегушках… — пробурчал Анатолий

— Хочешь, чтобы я рассказал, что происходит в мире? — Обычно словоохотливый, телохранитель нервно теребил пуговицу на рукаве спортивной куртки. Казалось, его совсем не радовала перспективе побыть некоторое время в центре внимания.

Дмитрий быстро закивал головой.

— И поподробнее, — попросил он.

— Та-а-а-к, — длинно произнес Анатолий, поправляя светлую челку. — Когда ты выпал из нашего мира?

Он вспоминал трудно, словно из последних сил листая страницы толстой потрепанной книги, подолгу останавливаясь на каждой, разглядывая истертые надписи на выцветшей бумаге.

Дмитрий, в ожидании, нетерпеливо выбивал носком ботинка быструю дробь на бетонном полу.

Анатолий молчал, продолжая наряжено морщить лоб, вглядываясь внутрь себя.

— Дружище, а побыстрее нельзя? — не выдержал Потемкин.

— А, вот! — встрепенулся телохранитель, как если бы наткнулся в безмерных кладовых памяти на интересующий его предмет. — Это было… как только я освободился от своего вируса. Точно! — он старательно избегал встречи с взглядом Потемкина.

— В чем дело? — недовольно поинтересовался тот, заподозрив неладное.

— Сам же просил подробнее, вот я и стараюсь найти момент, от которого плясать.

Дмитрий еще сильнее застучал ботинком.

— Хорошо! Давай без подробностей, — уступил он. — Хотя бы в общих чертах.

Анатолий резко повернулся в сторону окна и вызывающе закричал невидимому собеседнику:

— А почему я?

— Потому, что у тебя действительно нет никакой работы, — донеслось в ответ.

— Слушайте! Что произошло, черт возьми?! — завопил Дмитрий, сообразивший, что случилось что-то страшное. Что-то такое, что касалось лично его.

— Мама? — схватил он телохранителя за грудки и сильно затряс.

Тот замотал головой. Поспешно пробормотал:

— С ней все в порядке.

— Отпусти! — потребовал он.

Дмитрий разжал пальцы, выпуская Анатолия и непроизвольно заглядывая в его мысли.

События прошедших дней замелькали в памяти молодого человека, словно ожидали появившегося зрителя.

Взаимопроникающие Миры, все чаще сменяли друг друга, атакуя родную действительность, они сеяли панику у жителей Земли.

Стихийные демонстрации проходили по всему миру, несмотря на то, что основной удар чужевременных фантомов приняла на себя Европа и Европейская часть России.

Тут же нашлись информированные люди, которые высчитали,

что эпицентр максимального воздействия на настоящую реальность, находиться на границе Швейцарии с Францией, именно там где был расположен адронный коллайдер. Местоположение "центра зла" у многочисленных «вычислителей» разнилось. У одних это была Москва, другие даже не удосуживались привязать опасную точку к местности. Они просто указывали на причину всех бед — людей, и не простых, а ученных.

— Наука виновата во всем! — вопили негодующие у телеэкранов зрители. — Это все умники придумали! — размахивая руками, вопили вчерашние пользователи компьютеров, призывая весь оставшийся мир избавляться от всех благ научно-технического прогресса.

Дмитрий — глазами Анатолия — просмотрел телевизионные репортажи с мест событий.

Вот десятки тысяч людей собравшиеся над тем местом, где глубоко под землей находится гигантский ускоритель, скандируют: "долой шарлатанов".

Камеры на улицах Токио, Лондона, Нью-Йорка, демонстрируют гигантские толпы народа. "Безопасный ученый — мертвый ученый!" — гласят большущие буквы на транспарантах, колышущихся над головами демонстрантов. Людской страх превращает толпу в неуправляемое стадо погромщиков и убийц.

Улицы Москвы.

— Дьявол, маскируясь под господа нашего, посетил отца Михаила, — гудит громогласный голос над толпой собравшихся.

Широкоплечий мужик, бородатый, с выдающимся вперед животом, выскочил на крыльцо знакомой церкви.

— И показал ему, что нас ждет впереди.

Это уже не камера. Телохранитель, похоже, лично наблюдает за многотысячной сходкой.

— Все беды от ученых, — заверещал святой отец, появляясь за спиной круглолицего бородатого толстяка и перекрестился. — Компьютеры, коллайдер, наночастицы, атомные бомбы, уроды в пробирках! Это все они! Солнце потухнет — если не остановить дьявольские эксперименты!

"Не то, все это! — мысленно рыкнул взволнованный Дмитрий, пытаясь ускорить просмотр мнемоленты. Дальше… быстрее!"

Потемневшее небо — разрезанное наполовину: два светила в зените — черное бесформенное, как чернильная клякса и тускло-красное, каким бывает на закате. Мгновенно меняющийся ландшафт; вопящие люди, с безумными глазами, смотрящие на что-то перед собой; многометровая волна, несущаяся из ниоткуда;

мечущаяся перед храмом толпа.

События следуют одно за другим, живые картинки мелькают с сумасшедшей быстротой.

Память, хранящая все, что ощущал телохранитель, послушно воспроизвела не только визуальные образы, но и переживания. Эмоциональная составляющая более яркая: глядя на нее стороны, можно увидеть резкие всплески и приблизившись к ним рассмотреть, что их вызвало.

Дмитрий заглянул дальше, метнулся, пропуская множество незначительных сцен. Красная вспышка, крик боли впереди. Почерневшее небо разверзлось, и темная туча обрушила на головы испуганных людей тонны острых как бритва, камней, оставляя после себя кровоточащие изломанные силуэты, страшными красными мешками опускающиеся на заваленную камнями площадь.

Вокруг стоны и боль, крики и плач.

Сердце зажало тисками, в глазах — фиолетовый туман, жалко, тоскливо, больно.

Перед глазами отец Светланы.

— Светка, была в это время на улице, — страдающий сочащийся болью взгляд. — Сам видел, как ее накрыло волной и бросило на стену, — хрустят сжатые кулаки. — Никого не нашли… только ее вещи.

Дмитрий возненавидел весь свет, плеснув ему в лицо ненавистью, ощутил пустоту в груди.

— Не могу больше! — завопил в голове голос Анатолия. — Оставь меня!

С трудом приходя в себя, Дмитрий растерянно огляделся.

Суетившийся перед диваном Илья, почувствовав леденящий душу взгляд, поспешил ретироваться.

Телохранитель сидел рядом. Сгибаясь над коленями, сжимал голову подрагивающими руками.

Не в силах терпеть боль, острыми шипами разрывающую душу, Дмитрий встал и, пошатываясь, вышел из комнаты.

Грязный подъезд встретил его хмурыми стенами, сбитыми ступенями, мрачная улица плеснула возмущенными криками в лицо.

В голову ударил камень.

Физическая боль отрезвила, всколыхнув душу, подняла на поверхность закипающую ярость. В глазах заклубился кровавый туман, заостряя и без того искаженные злостью человеческие лица.

Летящий в лицо булыжник вдруг остановился, наталкиваясь на горящий взгляд, на миг завис в воздухе и рухнул на землю.

Звенящая тишина, сменяя гневные крики, заложила уши. Озверевший народ замер, боясь пошевелиться.

Громко бухнул падающий на дорогу камень, и вместе с ударом взорвалась толпа, вмиг превращаясь в обезумевшее испуганное стадо.

Дмитрий пылал ненавистью, материализовавшейся в яркие трескучие разряды, срывавшиеся с его рук. Над головой — словно в продолжение — пронизывая плотные серые тучи, сверкнула яркая молния, хлынул холодный дождь.

Толпа взвыла. Вопящие от страха люди бросались наутек.

Через минуту ледяной ливень сменился сухим ветром, и небо мгновенно очистилось от мрачной хмари, хотя светлее от этого не стало. Горячий воздух мрачно светился фиолетовым светом.

"Вот это беда! — зло одернул себя Потемкин, глотая комок, застрявший в горле. — Давай без соплей! Кто сказал, что она погибла? Потерялась — да! — смыло волной, исчезнувшей в другом мире, в том, откуда принесло эту самую волну. Там она и сейчас. Найдем! — взбодрился Дмитрий и вновь поглядел на грязное небо".

Черное пятно, наползая на беззащитную звезду, уже закрыло край Солнца. Конечно, это была оптическая иллюзия, вызванная тем, что Демон расположился между светилом и Землей. В случае физического контакта катастрофические последствия не заставили бы себя долго ждать. Если верить Вячеславу, то этот процесс запросто уничтожил Сверхновую, ну а с желтым карликом он долго возиться не станет.

Паника ушла, разрывающие душу страдания на время затихли. Человек, захваченный в безумный водоворот страстей и переживаний, всегда цепляется за минимальную пусть и неправдоподобную надежду.

"Интересно где сейчас белобрысый бродяга? — подумал Дмитрий, вспоминая Пугачева. — Светка… — попыталась вырваться паническая мысль, но Потемкин загнал ее, как можно глубже, на уровень подсознания, чтобы вернуть, когда появиться время. Махнул рукой. — Мир гибнет".

Из подъезда выскочил Анатолий.

— Не время горе горевать, — произнес он на ходу. — Найдется Светик, не переживай.

— Нет тела — нет дела, — неуклюже пошутил он, почто дословно, озвучив недавние мысли Дмитрия.

Постояв немного, телохранитель вздохнул.

— Ты куда? — поинтересовался Потёмкин.

— К Добровику с Емелей. Пойдем, — предложил телохранитель.

— Ты сказал, с Емелей, — вспомнил Потёмкин. — Он же в программаторе был?

Анатолий согласно кивнул, и произнес, не оглядываясь:

— Ты забыл, что он Либерис. Только в отличие от меня, не боится выходить из привычного пространства.

Заметив вопросительный взгляд Дмитрия, Анатолий пояснил:

— Я ведь самостоятельно прыгаю, только в пределах видимости — за горизонт боюсь. А Емеля — мужик без страха. Он не только в пространстве, но и в душах людей путешествовать может.

— Ты имеешь в виду: мысли читает?

— Да нет, — проворчал телохранитель. — Он не просто может зайти к тебе в голову, но и выйти… вместе с тобой, — пояснил Анатолий. — Или с вирусом, что гораздо быстрее и главное для нас полезнее.

— То есть? — не понял Потемкин.

— Ну не знаю, как он это делает, но только вирусы вместе с ним, как ручные, уходят из организма. Кто знает, сколько бы людей погибло, если бы не Емеля.

— Куда уходят? — продолжал удивляться Дмитрий, ощущая себя школьником, не выучившим урок.

— В Сеть, конечно! — раздраженно произнес телохранитель, скривился и хлопнул ладошкой по лбу.

— Черт, тебя же не было, — произнес он.

— Угу! — кивнул Потемкин.

— Короче! — воскликнул Анатолий. — Бейрут слегка усовершенствовал плейт, и теперь Емеля может в сеть не только вирусов вытаскивать, но и, как говорит Жорка, создавать "виртуальные слепки человеческого сознания". Теперь каждый желающий мог бы в сеть переместиться. Только сети, той к которой ты привык, уже нет, но для вирусов и нынешняя сойдет.

— Зря, значит, Вирусапиенс старался, — без него теперь обходимся, — улыбнулся Дмитрий.

— Как же! Без него обойдешься! — засмеялся Анатолий. — Если бы не он, не было бы Сети, даже такой, какая она сейчас. Бестолковое стадо разбежалось бы в одно мгновенье. А без них Демона не сдержать.

Димка не стал задавать вопрос, вертевшийся на языке, решив не мешать рассказчику, лишь удивленно вскидывал брови.

— Нет больше разумных вирусов, — пояснил телохранитель останавливаясь. — По сравнению с Вирусапиенсом, нынешние — глупые обезьяны.

— И много?

— Чего много? — не понял Анатолий.

— Обезьян!

— Достаточно, — произнес телохранитель, грустно улыбаясь. — Бейрут говорит, что и вирусы мутируют — дальше больше. С тех пор как появился Демон, они все чаще, как по команде, включают механизм уничтожения носителя.

— И? — дернулся Потемкин.

— Это как свет выключается, — увлеченный рассказчик слегка сбавил темп. — Без энергии внутренние органы отказываются работать и человек быстро угасает. Болезненно и быстро.

Помолчав немного, Анатолий продолжил:

— Поначалу думали, что очередная эпидемия началась, стали искать виновника смерти, но самого вируса обнаружить не смогли, ведь он часть человеческого организма, его информационная составляющая. Потом стало не до того, плывуны пошли — решили, что именно с ними пришла неизвестная науке зараза. Потом и к самой науке стали относится, как к заразе, а потому махнули на многочисленные смерти рукой и…

Анатолий не договорил. По улице прокатилась волна горячего воздуха, пропитанного сыростью и плесенью. Под ногами сквозь асфальт проступила противная жижа, с чавканьем поглотив ботинки телохранителя, двинулась выше. В нос ударила нестерпимая вонь. За несколько секунд на месте широкого тротуара возникла покачивающаяся трясина.

— Плывун! — завопил Анатолий, поспешно выдирая ноги из вязкой жижи. — Вон тот дом, — махнул он в сторону старенькой пятиэтажки, прижавшейся к подножью высотного дома. — Прыгай туда.

Дмитрий прикрыл глаза, сосредоточился и шагнул вперед.

Расплывающаяся тень на мгновение вспыхнула, мелькнув над болотом, исчезла, чтобы возникнуть прямо на крыльце одного из подъездов, в полуметре от Анатолия.

— Осторожно! — воскликнул тот, уворачиваясь от непомерно длинной змееподобной твари, гулко врезавшейся заостренной головой в металлическую дверь.

Хвост еще не покинул топи, когда треугольная морда, с торчащими в разные стороны зубами, разлетелась от удара каблука телохранителя.

— Не терплю гадов!

Потемкин с удивлением наблюдал, как резко очерченный кусок зыбкой поверхности перемещается по улице, увлекая за собой многочисленную живность: противные твари появлялись над грязной водой и, как ни в чем не бывало, погружались назад.

Зверье жило привычной жизнью, продолжая по ходу

движения, как ни в чем не бывало, охотиться друг на друга.

— Действительно плывун, — кивнул он вслед скользящему мимо осколку чужой реальности.

— А если засосет? — спросил, ощущая холодок, зародившийся в груди.

— Если не успеешь выбраться, до того момента, как синхронизируется временная частота, — зрачки Анатолия, были обращены к небу и видно было, что он повторяет чужие слова.

— Ну, в общем, до того как плывун вернется назад, — пояснил он, поднимаясь по заплеванной подъездной лестнице, — окажешься в настоящем болоте. Там — в другом Мире.

Вдавливая кнопку звонка, он не стал ждать, когда хозяева откроют. С довольной улыбкой шагнул навстречу двери, точнее переступил через нее, тут же появляясь в длинной затемненной прихожей.

Дмитрий толкнул приоткрытую створку, покачал головой, и прошел следом за смеющимся телохранителем.

— Играешься? — прошептали его губы.

Душная прихожая впитавшая недавнюю боль, хмуро взглянув на гостей, толкнула навстречу волну страха и отчаяния.

Потемкин выглянул в большой зал и вздрогнул. Что-то мистическое было в представшей перед ним картине. В свете тусклой лампочки, на полу лежали стонущие люди. Много людей — может быть десять, может быть больше.

Горячий воздух, идущий от парящих тел, дрожащими волнами поднимаясь к потолку, выскальзывал в открытые форточки. В колышущемся мареве бродил Трофим. Он что-то нашептывал, касаясь распухшими красными руками подрагивающих тел, подолгу замирал над теми, кто больше всего нуждался в помощи.

— Квартира Игорька, — шепнул Анатолий.

Потемкин сжал голову руками. Слишком много боли.

— Вы как тут? — спросил телохранитель, спокойно, видимо не замечая повисшего в воздухе, переполненного страданием эмоционального облака.

— Делаем, что можем, — добровик кивком поприветствовал Дмитрия.

— Емеля, похоже, не успевает, — прошептал он. — Освобождаем людей, а народу прибывает все больше.

Потемкин оглянулся на вошедшего в комнату человека и узнал в нем, одного из работников "Медвежьей берлоги" — Сашу Мелехова. Некогда веселый молодой человек, ведя за собой испуганного до бледной синевы мальчишку, едва перебирал ногами.

— Братишка! — с трудом произнес он, хлопнув ресницами. — Привел, пока и его не скрутило.

Потемкин вздохнул и, стараясь не шуметь, догнал Анатолия.

— Что здесь происходит? — проникая в мысли телохранителя, поинтересовался он.

— Емеля вируса изгоняет, — шепнул Анатолий, мотнув головой в сторону соседней комнаты.

Там действительно происходило действо больше напоминавшее тайный обряд по изгнанию дьявола. Бородатый экзорцист, усаживая испуганного подростка перед собой, заглянул ему в глаза.

Вдруг, тело Емельяна обмякло, а тело сидящего напротив напряглось, испуганно сжалось, забилось в конвульсиях.

Дмитрий с удивлением огляделся. Замечая обгоревшие компьютеры, составленные друг на друга, перед которыми сидел неуклюжий здоровяк в несвежей засаленной рясе, подошел ближе.

Игорь не отрывал взгляда от странного прибора, походившего по количеству мигающих лампочек и индикаторов на миниатюрную цветомузыкальную приставку.

Дмитрий невольно прикоснулся к сознанию Емельяна и мгновенно понял, что за таинство происходило перед ними. Он сам совсем недавно был в похожей роли — в роли проводника, соединяющего сознание человека, с компьютерной сетью. Только тогда переговорщиком был Вирусапиенс, а он лишь переправил строптивого дикого родственника вируса, а теперь Емельян, был и проводником и переговорщиком.

После ускоренной процедуры, освобожденного от опасного симбионта, младшего Мелехова проводили в соседнюю комнату, где он должен был дождаться тяжелого перерождения.

— Чем меньше — тем легче, — прошептал Емельян, глянув на Потемкина, внимательным взглядом.

— Можешь подключаться? — предложил он. — Я направляю, ты перебрасываешь.

Игорь, сбоку, смущенно засопел, негромко хмыкнул.

— Перерыв! — объявил он. Продолжил, касаясь тонкой зеркальной пластины, необычайно компактного системного блока:

— Будем ждать Вирусапиенса. Пока он не заберет новеньких, места не будет, — Игорь посмотрел на экран монитора и кивнул, словно соглашаясь с самим собой.

Белоснежные стены виртуальной церквушки дрогнули, большие деревянный двери колыхнулись навстречу зрителю, с трудом сдерживая мощный удар изнутри.

— Как с ними Вир, справляется? — выдохнул

расслабившийся батюшка и повернулся к удивленному Потемкину.

Да и как не удивляться?

А впрочем… мир не так уж сильно изменился, за те четыре месяца, которые он провел в коконе программатора: Вирусапиенс в сети, — где и был, Демон пустоты в пределах солнечной системы. Одним словом, мир на пороге гибели, — у последней черты, разве что чуть ближе к ней, и проблемы поострее, и их чуть побольше.

"Каждый из них нашел свое место в изменившемся мире, — подумал Дмитрий, поглядывая на отдыхающих спасателей. — А где мое место?"

Зевнувший Емеля заинтересованно взглянул на Потемкина, и сразу же взвыл защитник.

Емельян улыбаясь, отвернулся, всем своим видом показывая, что проникать в голову Потемкина он не помышлял. Но мысль, появившаяся в сознании Дмитрия следом за этим, все же была чужой.

"Не сиди сиднем, — мелькнуло в голове. — Делай же что-нибудь!"

"А что делать? — спросил себя Потемкин. — Сесть рядом с Емелей и перетаскивать вирусы из умирающих людей в Сеть? Зачем? Они так и так умрут, — совсем скоро: и люди, и вирусы, и Солнце, и Земля".

А может быть, Демону хватит одного Солнца, и человечество получит небольшую отсрочку.

— Земля! Солнце! Весь мир катиться в тартарары, а люди продолжают трястись над своим мирком и своими никчемными жизнями, — мысль со стороны в очередной раз протиснулась в голову. Только на этот раз родитель ее не поспешил исчезнуть.

— Вир?! — воскликнул Потемкин. — Но как?

— Догадайся с трех раз, умник, — предложил тот, поддерживая белый балахон, появился перед глазами.

Дмитрий зажмурился, но Вирусапиенс не исчез, зависнув в сером полумраке, погрозил пальцем.

— Неужели ты думал, что твой интерфейс работает только в одну сторону? Это раньше я глупый был, не знал, как к тебе подобраться, а сейчас…

Потемкин скрипнул зубами, ощущая поднимающуюся к груди горячую волну, сжал кулаки.

— Да ты не бойся, — продолжал вирус, поглаживая бородку. — Я же говорил, что твой организм меня не интересует. Хотел бы, давно в любого из этих хлюпиков переместился.

— Что тебе от меня нужно? — спросил Дмитрий.

— Сам не знаю, — вздохнул Вирусапиенс. — Я ведь до последнего времени был убежден, что и без вашего племени смогу спокойно обойтись.

— А почему нет? — убеждая себя, он повысил тон. — Демон меня не трогает. Прописать себя я могу везде — даже в обычном булыжнике.

Дмитрий с трудом сдерживался.

— Что тебе от меня нужно?

— Ладно-ладно! — Вирус, примирительно вскинул руки. — Если вы ничего не придумаете, конец всему.

— Это я и без тебя знаю.

— Ты не понимаешь. Исчезнет все! Вначале энергия, а вместе с ней и материя, пространство и время. Исчезнет даже то, что ваш супервзломщик называет информационной составляющей Мироздания, — кричал в голове испуганный голос, в то время как его хозяин пытался изобразить приближающийся апокалипсис.

*** 16 ноября

— Конец света еще не настал, а солнышко уже потускнело, — грустно произнес Анатолий, выходя на улицу.

— Почему так Димыч?

— Думаю, в этом повинны изменяющиеся мировые константы.

— А проще нельзя?

— Горев говорит, что-то происходит с атомами, — попробовал объяснить Потемкин, но замолчал. Он и сам не до конца понимал, как может измениться скорость ядерной реакции.

Всматриваясь в хищную тень, наползающую на багровый диск светила, телохранитель вдруг вспомнил детский стишок и с чувством прочитал:

— Горе! Горе! Крокодил. Солнце в небе проглотил!

— Кого в этот раз медведем назначим? — попробовал пошутить он.

— Ты почему не остался? — спросил Потемкин.

— Толку от меня там… Мокрые тряпки подносить?

Дмитрий кивнул, устремляя задумчивый взгляд на пустынную улицу. Багровые тени фонарных столбов медленно ползли по коричневым тротуарам, темные окна удивленно взирали на вымершие дороги.

Город затих, словно готовясь к бесконечной ночи: кое-где парили разорванные трубы, скрипели незапертые двери, хрустел битый кирпич — собака пробежала через дорогу.

"А где машины, где люди?" — мелькнуло в голове.

— Машины! — улыбнулся Анатолий. — Попробуй, заведи — аккумулятор, заряжай, не заряжай, за ночь в ноль садиться, — его голос зазвучал в голове. — Да и езда по улицам нынче к экстремальным видам спорта приравнивается. Выезжаешь в одном мире, а заезжаешь…

Потёмкин возмущенно вскинул руки:

— Вы что, все теперь, мои мысли читаете?

— У меня ведь тоже интерфейс, от творчеков остался… — произнес телохранитель виновато. — И он, в последнее время, сильно изменяется.

— Бейрут говорит, что плейты напрямую друг с другом даже сквозь железную плиту могут соединяться, — досказал Анатолий, не размыкая губ.

"Нужно будет посмотреть на это устройство поближе, — подумал Потемкин, и в этот момент впереди дробью застучали звонкие каблучки: на середине широкой дороги появилась испуганная девчушка.

Яркая косынка развивалась на ветру, как знамя, широко открытые глаза молили о помощи.

"Мама моя комсомолка! — прошептал телохранитель, поднимая голову и вытаращив глаза.

Громадная водная стена выкатывалась из-за домов, стоявших по обе стороны дороги, и, поднимаясь до верхних этажей, гналась за маленькой девочкой. Пенные буруны, сминая друг друга, поднимали в воздух тучи брызг, срывали с места и несли вперед пустые киоски, тяжелые грузовики, оставленные на обочине дороги. Невозможное цунами вырывало деревянные скамейки в скверике, но посаженные возле пятиэтажек кустики оставались целыми и невредимыми: бушующий океан, приближаясь к жилым домам, мутнел, теряя очертания, а дальше волны плыли тяжелым туманом над землей.

Сотни тысяч тон воды, взлетев над крышами, покатились вниз, догнав девчонку, подхватили маленькое тело.

— Ааа!

Потемкину на мгновенье показалось, что из набежавшей волны доносится голос Светланы. Прыгая вперед, он на мгновенье прикрыл глаза. Ощущая прикосновение сырого воздуха, услышал голос Анатолия и уткнулся лицом в асфальт.

— Фантом!

Дмитрий оглянулся. Ни воды, ни девчонки.

— Тьфу ты! И вправду фантом. Но как?

Телохранитель, испуганно глядя сквозь Потёмкина, застрочил:

— Нет-нет-нет-нет!

Тот ойкнул, ощущая недоброе, повернул голову.

Мощный вал, возвращаясь, гулко ударил в спину, подбросив вверх, потащил в неизвестность.

Лишенный возможности видеть и дышать, Дмитрий пришел в себя только через несколько секунд. Ледяные тиски сжали грудную клетку, сердце заухало, насыщая кислородом вибрирующие мышцы.

Стараясь оставаться на плаву, он огляделся.

За зыбкими пенными горбами, венчающими гигантские волны, виднелись, казавшиеся фантастическим видением, пустынные улицы мрачного города.

Потёмкина, догребая руками, оседлал волну, нёсся все дальше и дальше, и это «дальше» быстро изменялось, как будто выплеск чуждого океана прорезал множество соседних миров, и сейчас, возвращался домой, просачиваясь из мира в мир.

Постепенно картина "за морем" помутнела, дома стали выше, теряя четкость очертаний, сменились непривычными глазу постройками. Но и они растаяли, уступая место взволнованному бескрайнему океану.

Потемкин повертел головой, но ничего кроме громадных волн не обнаружил.

Многометровые фиолетово-черные холмы, сменяя друг друга, вздымались повсюду, гулко перекатываясь в абсолютной темноте.

"Ночь, — подумал он, в очередной раз, срываясь в тёмную ледяную пропасть. — А может здесь уже солнце гаснет?" Пока летел, Дмитрий ощупал окружающие пространство, и, приземлившись, обнаружил барахтающуюся неподалеку парочку.

— Димыч, я здесь! — радостно завопил Анатолий, размахивая руками. Если бы не испуганно повизгивающая девчушка, судорожно сжимающая его шею, могло показаться, что ему нравиться резвиться среди громадных бурунов.

Дмитрий активно заработал руками, стремясь к телохранителю. Когда до него осталось несколько метров, над головой громко застрекотало.

Большие лопасти вынырнувшего из низкой тучи вертолета ритмично взбивали, повисшую в воздухе соленую пыль. Яркий луч, разрезая темноту, упал желтым, резко-очерченным кругом, на черную воду.

В открытом створе борта появился человек в военной форме, выталкивая плетенную металлическую корзину, что-то закричал.

Анатолий кивнул на маленькую пассажирку, прилипшую к его спине.

— Поднимемся, — донеслось сквозь ритмичный гул.

Видно было, что пока девчушка не окажется в безопасности,

он никуда прыгать не собирается.

— Дмитрий ты мне нужен, — неожиданно прошептал в голове знакомый голос, и перед глазами мелькнуло измученное лицо ПервоДима.

— Я умираю.

Почувствовав присутствие своего двойника, словно тот был совсем рядом, Дмитрий только сейчас понял, в каком мире они оказались.

— Домой доберешься? — поинтересовался он у телохранителя, но тот лишь пожал плечами, хватаясь за край спасательной клетки, подтянулся и быстро завалился внутрь.

Чтобы не пугать спасателей, Дмитрий резкими взмахами рук вытолкнул себя из яркого пятна, рыщущего по воде, и только тогда прыгнул на зов своего второго «я».

Бушующий темный океан мгновенно сменился унылой, серой палатой, в центре которой, в тусклом круге света, стояла одинокая кровать, с привязанным пациентом. Толстые кожаные ремни, крепко держали тощего ПервоДима.

Выплеснувшийся из воздуха Потёмкин, фыркая и отплёвываясь, уставился на мрачную фигуру, застывшую над постелью.

Серая форма в обтяжку, сжатые губы. Темные глаза — едва коснулись холодным взглядом и мужчина, пряча руку с пустым шприцом, испуганно отпрянул, зашарил на поясе.

Потемкин мысленно проник в тело ПервоДима, ощущая, как ядовитая жидкость растекается по венам, сжигая здоровые клетки, отравляет организм. Шагнув к врачу, рванувшему кобуру, схватил за руку. Сжимая кисть так, что захрустели кости, закричал:

— Антидот!

— Противоядия нет! — пискнул тот, оставив попытки достать пистолет. Завывая от боли, упал на колени.

Потемкин, не чувствуя жалости, продолжал ломать кисть военного, пока тот не потерял сознания.

Он уже знал, что справиться с ядом ни у него, ни у ПервоДима сил нет: слишком мало времени, слишком много повреждений, слишком быстро яд распространяется по телу.

"Черт! Был бы здесь Трофим", — пожалел он.

Понимая, что не успевает ничего предпринять, прошептал:

— За что?

— Миллионы людей в нашем мире сходят с ума. Вояки… думают… это мы виноваты, решили, что мы заразные, передаем свою ненормальность, — прошептал ПервоДим, проваливаясь в небытие.

— Нет! — на секунду раздвигая видимые пределы, выглядывая из психушки, закричал Потёмкин.

Чёрная клякса полностью закрыла солнечный диск, холодный фиолетовый свет едва освещал мертвые улицы городка. Сотни людей лежат на земле. Тысячи, словно зомби, бесцельно бродят вокруг неподвижных танков, мимо угловатых, замерших в темноте, бронетранспортеров. Всюду пустые безумные глаза,

Возвращаясь в палату, Дмитрий просунул внутрь умирающего организма невидимые руки.

Он торопился, пытаясь нейтрализовать действие яда и ему даже кое-что удалось, но… поздно: тело уже умерло — осталось лишь несколько ударов сердца.

"Сумасшествие, как заразная болезнь? Только идиоту могла прийти такая мысль! — возмутился Потемкин и тут вдруг вспомнил атаку Демона в Сети, растворяющуюся информацию, всплывающие на поверхность прозрачного зверя нули. — Если Демон уничтожает информацию то, что будет, когда он доберется до мозга людей? Или уже…"

— Братишка не смей помирать! — завопил он, наклоняясь над недвижимым телом, без труда проникая в мозг двойника, остановился.

— Да плевать на зароки, — рыкнул, словно убеждая себя. — Личное, не личное, скоро от всего этого ничего не останется.

Быстро осматриваясь, он шагнул навстречу умирающему сознанию и вдруг почувствовал легкое головокружение. Заметив проникающие в голову ПервоДима светлые нити, удивился. Зеленоватые полупрозрачные извивающиеся лучики, словно живые, просачивались в умирающий мозг. Сменив угол зрения, Дмитрий вгляделся в усложняющийся световой узор. Ветвящихся ручейков, выходящих из его головы, становилось все больше, и они выстраивались в необычайную фигуру.

Потемкин смотрел, как миллионы мерцающих отростков пронизывая череп и удлиняясь, создают сложнейший орнамент, напоминающий дрожащий скелет маленького деревца, очень похожего на маленькую копию Хронодендрида.

Сердце, замирая, стукнуло в последний раз, выталкивая черную отравленную кровь. Всё!

Мерцающий остов больше не менял своей формы. Деревце резко изменило цвет. Вспыхнуло красным, слегка померкнув и тут же, порозовело, отслаиваясь от зеленоватых ветвей, оставшихся в черепе мертвеца. Как только Потёмкин шевельнул головой, розовая невесомая конструкция выскользнула из черепа ПервоДима, качнулась перед глазами, и исчезла, словно впиталась в его лицо.

Он выглянул наружу. Тяжело вздыхая, прикрыл веки мертвому двойнику.

Сбоку раздался шорох. Это пришел в себя типчик с раздробленной кистью. Пошевелился, и тут же в коридоре загремели кованые каблуки.

"Успел оповестить своих гад!" — решил Потёмкин, не дожидаясь пока в комнату ввалятся вооруженные санитары, прыгнул за пределы безумного городка — подальше от колючек, врачей-убийц и сумасшедших военных.

Прислушиваясь к своим ощущениям, он попытался почувствовать изменения, происходившие с ним, после «считывания» своего второго «Я».

Шумного присутствия, характерного для бойца, не было.

Посмотрев на мир, он с удивлением обнаружил, что окружен едва заметным ореолом световых нитей, самой причудливой формы. Длинные просвечивающиеся зеленоватые водоросли покачивались, создавая вокруг его головы мерцающий ореол.

"Черт! ПервоДим, ты где? — воскликнул он, однако присутствия своего Альтер эго, не почувствовал. Зато натолкнулся в голове на продолжение светящихся ветвей, видимых снаружи. Присмотревшись, он различил переплетения зеленоватых отростков, и тут же голову посетила неожиданная мысль:

"Это и есть плейт. Неужели он так изменился?"

Маленькое зернышко, в несколько миллиметров, врастая в окружающие ткани мозга, почти растворилось в них и если бы не сходящиеся к центру световые нити, Потемкин просто не заметил бы физическую структуру биоинтерфейса.

Разглядывая удивительную картину энергетических связей, он взирал на бесконечно-сложный узор заполняющий череп без остатка. Миниатюрное деревце переливалось теперь уже двуцветной радугой.

"А вот и ПервоДим, — улыбнулся Потемкин, присматриваясь к розовым пульсациям более тонких волокон. — Опять нас двое! Эх, был бы у меня напарник, когда я в программаторе висел".

Мысль, почему-то, показалась ему очень важной, но обдумать ее Потемкин не успел, помешал голос, неожиданно возникший в голове.

— Димыч, это ты?

Потемкин почувствовал едва заметное мерцание плейта. Светящиеся отростки, не замечая стенок черепа, высовывались наружу. Один из них странным образом вытянулся, уходя яркой ниточкой прямо вглубь земли.

Неожиданно для себя Дмитрий понял, что нужно проследить,

куда ведет эта ветвь. Стоило ему сосредоточить внимание, как перед глазами возник колышущийся образ девчушки, прикованной к странному креслу.

Потёмкин смотрел на мир глазами Анатолия.

" Прав был Бейрут, когда рассказывал о плейте. Действительно хоть через железную плиту, хоть через километровую толщу земли", — согласился Потемкин.

Пытаясь проследовать за одинокой ветвью, определил местоположение друга.

Вздохнул:

— Глубоко зарылись вояки.

И прыгнув, мгновенно оказался в тесном помещении.

Мелькнули вскинутые руки, громыхнул выстрел, погас свет.

Чувствуя напряженное гудение защитника, Дмитрий двинул кулаком перед собой. Вставшее на пути тело оказалось на удивление легким; ударяясь в железную плиту, со стоном сползло на пол.

В темноте громко засопели.

Моргнув, Потемкин сместил зрение в инфракрасный диапазон и тут же увидел упирающихся спинами в стену, и тыкающих пистолетами перед собой военных. Они были напуганы, и именно страх мог заставить их палить во все стороны.

"Пострадают пленники, — решил Дмитрий и рванулся навстречу ближнему стрелку. Он хотел лишь выбить оружие, но в последний момент рука слегка отклонилась. Пальцы сжались в кулак, хрустнул кадык и человек, противно булькая, захрипел.

Темноту озарила вспышка выстрела, раздался оглушающий грохот. Пуля завизжала, рикошетя от металлической обшивки бункера.

Не раздумывая, Потемкин шагнул вперед. В воздух взлетела нога, и второй вояка сломался пополам, обхватывая руками переломанную грудную клетку.

Неожиданно включился яркий свет, пискнув, заревела противная сирена.

Дмитрий быстро разорвал ремни, сдерживающие Анатолия, переходя к соседнему креслу, заявил:

— Будем прыгать! Я с ней.

— Меняешься ты брат, однако, — покачал головой телохранитель, удивленно рассматривая, корчащуюся на полу девушку. — Было время, когда над здоровенным попом едва не плакал. А сейчас женщину… Не слишком ли сурово?

— Либо они нас, либо мы их, — вытолкнул Дмитрий, глядя, как тяжелые створки шелохнулись и медленно поползли в

стороны.

— Прыгаем! — подхватывая девчонку на руки, крикнул он, засиял, сбрасывая искры, шагнул вперед и тут же появился на том же месте, где был несколько минут назад.

За спиной облегченно выдохнул телохранитель.

— Ну и слава Бо-гу! — произнес он, слегка споткнувшись на последнем слоге.

Дмитрий выпустил девчушку из своих объятий и, чувствуя опасность, неторопливо повернулся. Взгляд его уперся в длинный танковый ствол, проникая в сужающееся жерло, заметил с обратной стороны движение тяжелого артиллерийского снаряда.

На обтекаемой, приплюснутой башне появился худощавый офицер, с безумными, выпученными глазами.

— Всем оставаться на своих местах! — испуганно озираясь, рявкнул он.

— Ну да, больше нам делать нечего, — произнёс Потёмкин. Его защитник громко загудел, обволакивая тело сияющей сферой. — Двигаем дальше.

Прыгнувшие на лоб брови офицера-танкиста, собрались на переносице.

— Огонь! — взвыл он, падая в распахнутый люк.

Нагревшийся воздух вокруг исчезающих фигур колыхнулся, чтобы через мгновение пропустить сквозь себя металлическую болванку и только после этого успокоиться.

Неподалёку, впереди на дороге, дернулся как ужаленный и подпрыгнул от удара тяжелый бронетранспортёр. В воздухе мелькнули вращающиеся колеса, и угловатая машина, окутанная дымом, заваливаясь на бок, нырнула в кювет.

* * *

— Черт! А если бы не успели? — выдохнул телохранитель, выскакивая из подрагивающего в воздухе туманного уплотнения.

В лицо ударил ледяной ветер. Над головой загрохотало, яркая вспышка молнии озарила темное небо.

— Этот идиот целил тебе прямо в голову.

Дмитрий молчал, подозрительно осматривая пустынные улицы, по которым ветер шумно гонял пластиковые банки и обрывки газет.

— Ты чего? — спросил Анатолий.

— Это не Земля! Точнее, не наша Земля.

— Откуда ты… — начал было телохранитель, но замолчал, поднимая голову к черному небу.

Темный спрут, пылая сияющим ободком, полностью закрыл диск Солнца.

Где-то за домами тоскливо завыла собака. Ей вторила другая — гораздо ближе.

— Попробуем еще раз, — предложил Анатолий, но Потёмкин дернул головой.

— Не надоело пробовать? — буркнул он, и продолжил:

— Пока не понял, что не так, лучше не дергайся, а то застрянешь в заборе.

— А как же выталкивающая сила? Помниться, меня убеждали, что она должна вернуть…, - Анатолий на секунду замолчал, ощущая поднимающийся к груди холодок. — Или она больше не действует?

Потемкин прислушался к своим ощущениям и недовольно пробормотал:

— Что-то мешает нам вернуться домой. Или кто-то.

Анатолий вскинул глаза к небу и поежился. Всхлипнула девчушка, прижимаясь к телохранителю.

Окружающий пейзаж быстро чернел, все больше погружаясь в темноту. Светящийся ободок, окружающий грязную кляксу, становился все уже и уже, пока не исчез вовсе.

Кромешная тьма накрыла землю. Из сумрака доносились жуткие вопли, то ли зверей, то ли людей.

Что-то завозилось в темноте, что-то большое и шумное. Непонятное существо громко гавкнуло, и перед изумленным Потемкиным появился взъерошенный сенбернар, таща за собой небольшой круг света: шерсть собаки слегка светилась.

— Цербер! — воскликнул Анатолий, шагнув навстречу скачущему псу. — Ты прям, как собака Баскервилей.

Светлана, выскользнув из темноты, бросилась в объятия, оторопевшего от неожиданности Потемкина, повисла на шее молодого человека, заглядывая в глаза, торопливо зашептала:

— Мы все-таки нашли тебя.

Пораженный и обрадованный Дмитрий не заметил, когда за его спиной появился Пугачев.

— Времени нет, — шепнул тот, а в голове возникла очень сложная мыследема, вмещающая в себя множество картин, демонстрирующих гибель сотен тысяч миров.

Дмитрий смотрел, как грязная клякса Демона наступает, захватывая все большее количество ветвей хронодендрида.

Процесс, постепенно ускоряясь, набирал силу, а каждый из миров, уничтожаемых хаосом, приближал его к реальности Потемкина, к родной Земле.

— Скажи спасибо Церберу, — буркнул Вячеслав, хватая

собаку за холку. — Если бы не он, бродила бы Светка среди сумасшедших до сих пор.

Молодой человек огляделся, тяжко вздыхая.

— Ну, все мы пошли! Нам еще Ра-преобразователь гуорков искать, — шепнул он и шагнул в темноту, уводя за собой упирающегося Цербера.

— Стой, стой, стой! — закричал Анатолий вслед. — А как же мы?

Яркая вспышка осветила обнимающуюся парочку: Светлана прижималась к Потемкину, словно боялась, что он может исчезнуть, оставив ее в этом страшном мире.

— Не суетись, — махнул рукой Дмитрий, ощущая, что путь на Землю открыт.

— Пошли домой.